

№ 10 (238). ОКТЯБРЬ 2010

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ГОРОД ГОРОХОВЕЦ
ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ.
ФОТОГРАФИЯ А. В. НЕТЕЦКОГО

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

Основан
Н. М. Карамзиным
в 1791 году.
Возобновлен
в 1991 году

Литературно-художественный, историко-краеведческий ежемесячный журнал

Учредитель:
Правительство Москвы

Главный редактор А. Ф. Грушина

Редколлегия:
Архиепископ Арсений (Епифанов),
А. А. Бела́й, Ю. В. Бобровский,
В. Ф. Козлов, В. В. Максименко,
А. С. Матросов, Д. С. Рунге

Художник-верстальщик:
С. В. Васильева

Редактор:
Е. А. Берг

Редактор-корректор:
Г. Н. Жолобова

Распространение: (495) 912-23-04

Издатель: ГУП «Редакция журнала
«Московский журнал. История
государства Российского». 2010

Адрес редакции и издателя: 109004, Москва,
Николаямская ул., д. 45/8, стр. 1
Телефон: (495) 911-76-13, 912-94-03
E-mail: mosmag@mosjour.ru
Официальный сайт: www.mosjour.ru

Журнал зарегистрирован
Государственным Комитетом РФ по печати.
Свидетельство № 012120 от 14.04.1999

Подписано к печати 20.09.2010
Печать офсетная
Объем 12 п. л. Формат 64 x 90/8

Тираж 5000 экз.
Цена договорная

Заказ №

Отпечатано
в типографии ИПО «Лев Толстой»:
300000, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 70

Материалы основных рубрик
рецензируются.

В НОМЕРЕ:

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ 2 Павел Дмитриевич Голохвастов
«Как же тут народу не вгадываться
в эти несслыханные на Руси дела?..»
Письмо К. П. Победоносцеву

ЗАБЫТОЕ ИМЯ 13 Михаил Евгеньевич Денисов,
Дмитрий Александрович Речменский
Краевед, историк, публицист
О протоиерее А. И. Речменском (1869–1939)

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ 20 Алексей Алексеевич Боровой
Моя жизнь
Фрагменты воспоминаний

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС 41 Сергей Александрович Рогатко
«Обработка питательных веществ»
Пищеперерабатывающая промышленность
России во второй половине XIX —
начале XX века

ТРУДЫ И ДНИ 50 Вера Леонидовна Кошелева
Впервые...
Об изобретениях и открытиях
российских первопроходцев
в научно-технической сфере

СВЕТ ПАМЯТИ 58 Андрей Вячеславович Папушин
Элементарная генеалогия
Некоторые рекомендации
по родословному поиску

ПОЧТА 68 Мария Рязанцева
Почетный гражданин
города Железнодорожный

Ольга Борисовна Полякова
Директор

Татьяна Андреевна Ильинская
Жизнь в Свято-Васильевском
Овручском женском монастыре

Майя Андреевна Полётова
В память о русских воинах

ЛЕТОПИСЕЦ 82 Выставка «Благословенный труд.
Жизнь и творчество монахини
Иулиании (М. Н. Соколовой)»

АРХИВ 84 Елена Викторовна Харитонова
«Комбинат здоровья»
на Кропоткинской набережной.
Из собрания Центрального архива
электронных и аудиовизуальных
документов Москвы
О построенном в столице на месте
взорванного храма Христа Спасителя
и в свою очередь снесенном,
чтобы уступить место
возрожденному храму, бассейне «Москва»

РЕПЛИКА 90 Михаил Михайлович Попов
Москва рекламная
О «ляпах» на московских
рекламных плакатах и вывесках

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ 95 Иван Иванович Магер
«Соразмерность мира
сокровенному чувству»
Пейзажи московской художницы
Г. Н. Арсеньевой

Павел Дмитриевич Голохвастов

«Как же тут народу
не вгадываться
в эти неслыханные
на Руси дела?..»

Письмо К. П. Победоносцеву

П. Д. Голохвастов (1839–1892) — ревностный пропагандист идеи земского собора как «естественной связи меж царем и Землей», автор ряда публикаций на эту тему. Сын историка и писателя Дмитрия Павловича Голохвастова (1796–1849), двоюродного брата А. И. Герцена. Письмо, датированное декабрем 1879 года, адресовано влиятельнейшему государственному деятелю того времени Константину Петровичу Победоносцеву (1827–1907), преподававшему законоведение и право наследникам престола — будущим императорам Александру III и Николаю II, а в 1880 году ставшему обер-прокурором Святейшего Синода. Голохвастов сообщает о начавшемся в народе брожении умов, вызванном недавним покушением на императора Александра II, предлагая единственное, по его мнению, действенное средство борьбы со смутой — созыв Земского собора.

Текст печатается (с небольшими сокращениями) по изданию: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. М.-Пг., 1923. Авторские особенности стиля и орфографии по возможности сохранены. В книге приводятся имеющиеся на письме две пометы. Первая сделана императором Александром II («Прочел <...> с любопытством и нашел много справедливого»), которому письмо передал цесаревич Александр Александрович, вторая — самим цесаревичем, возвращавшим письмо К. П. Победоносцеву («Посылаю Вам обратно это письмо с собственноручной отметкой государя после прочтения. <...> Государь кроме того на словах говорил мне несколько раз, что читал с удовольствием и что много правды в этом письме. 31 декабря 1879 г.»). Как сказано в примечании, «конец настоящего письма, с сокращениями и изменениями, был напечатан в журнале «Русский вестник» за 1905 год, февраль, 746–750 стр.».

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

*Город Воскресенск. Фотография начала 1900-х годов
(из архива Государственного историко-архитектурного и художественного музея
«Новый Иерусалим»)*

Милостивый государь Константин Петрович.

Времена таковы, что писать книгу, хотя бы и самую живую, злобы дня ради нужную, но тем покамест и удовлетворяться, — нельзя.

Живу я тут давно; сперва около, теперь в самом городке Воскресенске (Звенигородского уезда. — *В. Д.*); знаю всяких людей. От меня, старожила, не казенного человека, но и не либерала, здешние люди не таятся. Я, как и многие, конечно, из нас, деревенщины, вижу и слышу, знаю многое, чего и надо бы, да нельзя знать властью имеющим, но чего мы им сообщить ни печатно, ни устно, ни с глаза на глаз, ни миром не можем, ни пути, ни права не имеем. Так втуне и лежит оно в нас, в Земле, а по лицу ее творится меж тем, ведением и неведением, зло страшное. Позвольте же из того, что мы знаем, и выбрав, что, злобы дня ради, понужней кажется, передать это Вам, ибо в Ваших руках может оно не втуне остаться.

Напряжение в народе небывалое. Говорю не голословно. Приведу в доказательство живые, не сочиненные слова и факты.

Во-первых, все мы, весь народ, вся Земля русская, живем со дня на день, с известий до известий, в ежеминутном страхе: сохрани Господи, опять покусятся на государя; сохрани Господи, и на наследника, и... ужас — подумать, что тут возможно...

Знают <...> про охранную стражу, переодетых полицейских, будто бы следящих всюду за государем. Каково, говорят, терпеть это царю; а нам кто порука, что в наемной страже этой, набранной, чай, из тех же шпионов, уже сейчас нет нового убийцы, подкупленного или подосланного *главными злодеями* (здесь и далее выделено автором. — *В. Д.*)? Пропагандисты, ходебщики в народ, по-крестьянски — смутьяны, шатаясь меж народа, который послабей, меж фабричного,

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

например, хвастают в доказательство своего всемогущества и вездесущности, будто бы в самом дворце раскидывали прокламации, которыми запрещали и запретили государю христосоваться. Народ, и уж не который послабей, верит и тревожится: каково же, стало, не далеки изменники-то от государя, от наследника...

И тем пуще тревожится народ, что все эти смутьяны, видимо (говорит он), наводные: толкуют они пустое; только бы тебе ни по что и себе ни на что с толку сбить; а ведь первой своей же головой в петлю лезут; из-за чего же это, за деньги, стало и за немалые, чай; своя-то голова кому дешева; кто же их *на-*

купают; кому это они так надобны и на что? Что ж они толкуют и как им отвечают? С будущего года, <...> сказывают, все поровняемся (говорит плохой столяришка пьяница хорошему столяру здешнему голове). — Стало, все поделят (спрашивает голова); у меня возьмут половину палисандра и тебе дадут. — Стало, так. — Ладно; я сделаю пару столов, свезу в Москву, мне дадут 40, а то и 45 рублей; ты сделаешь: только перегадишь материал; отвезешь; тебе что дадут — в шею. Как же это ты уравниешь, чтобы 40 рублей и в шею вышло равно?

Тоже со слов самого ответившего, явно не выдуманных: пристал ко мне *из этих*, толкует как обыкновенно: все изровняются. «Как так?» — А просто, возьмете по ножу да сходите к барину; будет, что ноне его, завтра твое. — А послезавтра чье? Уж коль я, не вор, не разбойник, ножом добуду; как же ты-то, лбище некрестимое, от меня чтоб ножом же себе не передобыл».

Смутьянов, как ходебщиков в народ, так и оседлых, гораздо более, чем сколько ежели бы и хотела, может уследить полиция. Народ знает их всех. Почему так? Во-первых, потому, что они народу проповедуют, а от полиции таятся. Во-вторых, потому, что мужик <...> весьма неравнодушен к беде этой; полиция же... В-третьих, потому, что у мужика, кроме ушей да глаз в толковой голове, есть еще и нюх; у полиции же... А, наконец, и то сказать: факты смутьянства до того иногда мелки и притоманны (интимны), что и желать-то вмешательства полиции еще и туда — сохрани Бог: последнего жития честным людям не стало бы. Но каково ни мелки, а все-таки это факты, которые к крупным фактам относятся, как миллионы капель дождя к ушату разом выплеснутой воды. С чего грязи больше и промоины глубже, это узнать опытом — избави Бог Землю русскую.

*Александр II с сыновьями.
Фотография 1865 года*

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

Спросите у мужика, что же вы их, по крайней мере, самых-то назойливых, не хватаете да к становому не таскаете? — Пробовали, батюшка. — И затем ряд анекдотов, будто бы подлинных, но, кажется, всегда только слышанных: как становой или исправник на мужиков за это кричал, смутьянов не принимал или же вскоре выпускал (может быть, именно по мелочности фактов); как мужики стали их сдавать начальству не иначе как под расписку в получении; и как оное же начальство эти расписки мужикам отсолило при первом сборе податей или при ином случае. Натяжка, положим, напрасное произвольное сопоставление, но крестьяне-то уверены, что оно так, что бунтарь за ходьбу в народ получает от 2000 р. в год; как же ему, и подавно тем, кто ему таково платить может, не откупиться от начальства, которое особливо на крупную взятку падко. Рассказываются в доказательство и московские легенды, но — замечательно — без обычных легендарных несообразностей в обстановке и подробностях: действующие лица перечисляются по именам и чинам. Верны или нет рассказы, дело не в том, а в том, что они вероподобны и донельзя иногда возмутительны.

А тут еще и газеты по всем лавочкам, трактирам, передним, по селам, как и по городам; всякий лакей, писарь, дьячок, солдат, извозчик, подводчик, да что и перечислять, кто и где нынче не читает или не слышит: и с каким триумфом Веру Засулич оправдали и вывезли, и как Сашку инженера выпустили (в банк, мол, ловко подкопался, ступай же мину под царя подкапывать), и как чуть [ли] не при каждом суде все самых-то злодеев <...> то и дело нет да нет, и был взят, да упустили. И верь же народ, что все это спроста творится, все одной дуростью начальства. Но русский народ сам поголовно умница и не ротозей — в дурость мало верит и признать ее за атрибут начальства все еще упрямится; у него ей кличка: *измена*, у мужика, как и у солдата.

А тут еще и братство-то этих шаек смутьянских какое: недоросли да мазурики, и на каждого мирянина, тоже таковского, по три жидовина... бескорыстные.

Как же тут народу не задумываться, как не вглядываться в эти неслыханные на Руси дела. И он загадывается, и он додумался вот уже до чего; вот что отвечают на вопрос: кому они надобны? — Большое у них плавание, да не свое, а от *больших* кораблей; до этих бы добраться, те-то их косные лодочки сами бы потонули. <...>

Так вот кому; на что? Чтобы царя замаять да и схватить с него себе власть (конституцию). Или же, упаси Господи, и того хуже, чтобы извести *прямой корень* царский и при том же порядке регентствовать, в случае же другого диктаторствовать.

Право, нужно бы хоть в этих-то ужасных подозрениях разубедить, поуспокоить народ. Но каким способом? Циркуляром господина министра внутренних дел? Конечно, нет; и ничем *печатным*. Все обыкновенные, а уж подавно всякие чрезвычайные *казенные* способы тут бы только пуше запутали. Тут один способ: Земский собор, на котором *вся Земля* услышала бы самого царя.

Итак, первый общенародный страх наш: за тех, кто всем нам так искренне дорог в Зимнем и в Аничковом дворце. *Второй страх — конституция*.

После 2 апреля половодьем незапамятно сильным были мы, воскресенцы, вокруг отрезаны; почта не могла проходить, только богомольцы пробирались к нам в новый Иерусалим на Святую; ими и первые телеграммы, и слухи доносились. Меня стали просить составить от города адрес: не хотим, мол, конституции,

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

головами за царя ляжем. А слухи-де верные: московское дворянство в адресе просит конституции. <...> Через день-два опять слухи: требуют конституции тверские дворяне и малороссийские какие-то; а немцы и поляки — уж не одни дворяне, а все. Пиши адрес. Дождались, однако, газет: газетам верить нельзя, скрывают. Пиши, Бога ради, пока не поздно; наше прочтут, напишут и другие, и все. Я написал. Подчеркиваю, о чем придется сказать.

Государь. Если бы привел Бог в ту минуту (момент покушения. — *В. Д.*), с какой бы радостью бросился каждый из нас стать грудью между тобой и твоим злодеем. Господь сам спас тебя. Воистину, не пропадает за Ним молитва все-народная. Да внемлет же Он ей впредь и да хранит тебя и твоих вовеки. Не понять молитвы народной о царе тому, в чьем сердце ни Бога, ни царя, ни народа; но, умышляя против тебя, нашего царя-освободителя, и против власти твоей царской, помнить бы всем им, что кто тебе или власти твоей, тот и нам, и всей Свято-Русской земле злодей; что как за тебя, государь, так и за власть твою, самодержца всея Руси, как отцы наши стояли, так и мы стоим и будем стоять: грудью всея Земли.

При чтении перед подписью в Думе все смежные комнаты были полным-полны публики, и все самой пешей. Однако же тут-то и рассуждали — больше чем сами думные: грудью каждый против убийцы; грудью вся Земля, хорошо, а против кого; не лучше ль бы прямо сказать? Ясно ли, что: помнить бы всем им — значит, и которые в царя стреляют, и которые конституции хотят. Не лучше ли тоже прямо бы? — Думные на публику не цыцкали, а всех и вся переслушав, единогласно положили: грудью всея Земли... за власть твою самодержца, ясно и без того слова; и стали, каждый, сперва перекрестясь, подписывать; все (кроме разве двух-трех из двух-трех страниц) безграмотно да каракулями.

*Г. Г. Мясоедов. Чтение Положения 19 февраля 1861 года.
Холст, масло. 1873 год*

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

Сановные знатоки России считают, кажется, эти адреса дутыми.

После подписи в маленькой группе прение, обращаются ко мне: ведь тогда уж (после принятия конституции. — *В. Д.*) будет он, государь, присягать. <...> Решил вопрос не я, а старый повар: что присягай царь, что нет, держать-то присягу кому он найдет: у нас этим *царям царствующего* головы оторвут и шабаш. Головы-то оторвут, но не шабаш. Бунтари того только и ждут. Их цель, конечно, не конституция, а коммуна, говорят они; но ведь в их же программе — в Киеве, помнится, либо в Харькове — на суде читано: бунтари содействуют конституционной партии, которой цель — им средство для дальнейшего бунтарства.

И средство единое, верное; ибо коммуны ли, просто ли смуты ради, чтоб в мутном рыбу ловить, но ближайшая цель их, отчего ж они и зовут себя бунтарями: взбунтовать, поднять народ. Против царя поднять народ невозможно, а против конституции очень легко: только пустить слово, взять с царя запись (так с Шуйского называется у нас конституционная хартия), теперь уже будет он присягать. <...> Кому же и в чем будет присягать государь? — Господам, кому же больше, в том, что уже не его теперь, а их власть...

Ну и довольно. Кто эти господа: студенты, министры, становые, помещики, тут уже не до разборов...

По рассуждению наших европейцев петербургских и прочих, власть царская не *ограничена*, и все тут. По нашему, народному, не все: она и не *ограничима*, ибо как власть помазанника Божия, она святыня перед Церковью, а потому и перед людьми, всеми и каждым, и прежде всех перед самим царем. Святыня же неприкосновенна, стало, и неделима. Неделима потому и власть царская между помазанником Божиим и кем бы то ни было, между царем русским и парламентом, хотя бы и самым ничтожным, вроде прусского. Коснуться святыни, ограничить власть свою, сничтожить самодержавие не властен, следовательно, и сам самодержец. Если ж бы все-таки свершилось такое преступление против Бога, народа и царя, то уж, конечно, не самим же царем, а только разве от его имени или же, по крайней мере, не добровольно, а либо с подвоха, либо с принуждения, чьего ни есть злодейского. Как же тут нам, всему народу, не встать за него, царя, не расправиться с его и нашими всея Земли злодеями, не оборвать им головы?

И пусть тут блюстители порядка на газеты ссылаются, на манифест. Газеты и злодеи печатают, и Пугачева манифесты по церквам читали. Да ведь от начальства прислано, от правительства государева. А не это же начальство Сашку инженера отпустило? А Веру Засулич не правительственный суд оправдал да в казенной карете куда-то вывез? <...> И этому-то начальству верить? Какие они слуги царские? Такие же изменники. Вот и страшно нам, как выведут они из терпения и его, наконец, да как кликнет он клич по нас, народу, на всех на них, бездельников; ну и схватили с него присягу, чтобы совсем им вольно было царя и своим, и чужим продавать, казну и дома, и на войне воровать, а первым делом землю, да и волю у народа отобрать. С Богом же за царя, православные!

На первых же, конечно, бросится народ на самих бунтарей, где он их чует: разнесет университеты, гимназии. Не противоречие [ли] все это: как же бунтарям поднимать народ себе же на головы? — Да ведь головами-то кто оплатится? Без вины виноватые (из гимназистов, студентов), а из виноватых глупые

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

и послушные. А кого слушаются — кто они, где они? Эти как теперь из воды сухи выходят, так и тогда. Но как же они своих-то на погибель обрекут? — Как обыкновенно. Коноводам в революционном, всегда эгоистическом, их ради совершаемом деле совершители бывают по совершении только неприятны: умные тягостны как соперники; глупые опасны как обманувшиеся. Пусть же их <...> когда уж дело-то вскипело, и те и другие, и с безвинными вместе под чьими бы то ни было ударами хоть все лягут. Туда им и дорога. Лишь бы кашу-то заварили; лишь бы от мест, где латынь долбят или лягушек потрошат, а русскому ничему не уча, пустые да не крестимые лбы готовят, бросился народ на потаковщиков-то, на покровителей, на эксплуататоров смутьянства, на тех, что с царя конституцию взяли: пошел бы разносить суды, министерства, дворцы... Волей-неволей правительству пришлось бы выводить против народа войско. А войско

*Н. А. Ярошенко. Студент.
Холст, масло. 1881 год*

— не тот же разве народ; разве не каждый солдат рад костями лечь за царя и готов стрелять... в студентов и прочих изменников царских, а его поведут стрелять в мясников Охотного ряда, которые бьют этих изменников; что тогда? Самих солдат, слишком верных слуг царевых, расстреливают другими солдатами, коль найдутся такие податливые. Это ли все смутьянам не на руку, и даже именно главным-то, которые в самом деле ведь не Бог же весть кто: такие же недоросли реализма и классицизма, да промотавшиеся и проворовавшие червонные валеты, пожалуй, и дамы, но едва ли тузы. Идеализм еще можно допустить в баранах смутьянства, но уж никак не в пастухах. Эти знают, что кремлевскую стену лбом, хотя бы и каким медным, не пробить. Но знают они и то, что, благодаря порядкам казенной России, натворить у нас беспорядков можно сколько угодно, можно всю Россию перемутить, в мутном рыбу наловить, вволю покутить, а там будь что будет, можно и улизнуть. Да им — и правительству их, и подданным — не только восстание народное (по невоз-

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

возможности иного: за царя <...> на руку, а и вот что: побоятся ли они неизбежного последствия всех русских государственных смут, — самозванщины? Едва ли, напротив, в расчеты их принимается, вероятно, и эта неизбежность. Ведь до чего бы ни дошло, царь останется чист в сердце народном: неужели же это он велел стрелять да расстреливать нас-то, в огонь и воду за него готовых, своих солдат, свой народ? Нет, разумеется, это офицеры да генералы командовали да распоряжались, норовя своей братье, господам. Царь-то и царевич, дал Бог, чудом спаслись из Петербурга, и вот они теперь объявились народу: царь где-нибудь в Поволжье, царевич на Урале. И загудело опять, да уж не из улицы в улицу, а из области в область: с Богом за царя на господ.

Ведь отчего так легко верит народ самозванцам? Оттого, что так крепко любит своего надежу-царя, но до которого далеко, далеко, как до Бога высоко; где ж тут народу о царе правду знать?

Да и царь о народе... с тех пор, что вот уж без двух годов два века нет у них, у царя и Земли, прежнего непосредственного общения друг с другом, полного общения: в любви и в совете. Не стало того с 6 мая 1682 года, с лихого дня, в который от имени малолетнего царя Петра, подписана отпускная грамота последнему Земскому собору, созванному царем Феодором Алексеевичем для совета о великом его государевом и земском деле, об изрвнении в службах и податях.

Но ведь весь этот второй страх страшен только от предположения, что в России будет конституция. — Зачем ей и откуда быть? — Вся Европа в конституциях. — Да мало ли в какой проказе Европа грехами своих фарисеев и книжников? Не прививать же России, слава Богу, к здоровому телу вместо православия папизм и нигилизм, вместо общины майорат и пролетариат, вместо самодержавия конституцию и коммуну, потому только, что в Европе ни Бога, ни царя, ни народа. Ну пусть в Европе нет уж и какой-нибудь Румынии без парламента; мы не Румыния, мы Россия. Россия: царь да народ. И в Европе-то, чтобы снять корону с монарха и сделать из нее куафюру (от фр. *coiffure* — пышная женская прическа. — *В. Д.*) на конституционного манекена, должны были англичане снять сперва голову с Карла I, Франция с Людовика XVI; без этого берут конституции только с немецких принцев школьные учителя, а дают конституции только короли Сандвичевых островов по совету своих европейских камердинеров. Каким же образом может венец монарха с главы русского царя-самодержца очутиться на верхней части конституционного абстракта?

Ведь в самом-то деле: разве может царь, — не боярская креатура Шуйский, а предизбранник Божий, ибо потомок царя и самодержца всея Руси в роды и роды, соборне избранного всею Землей единогласно; глас же народа, по апостолу, глас Божий, а не человек (подлинные слова избранной грамоты царя Михаила Феодоровича), — этот царь разве может дать конституцию? Нечего, стало, народу страшиться, а бунтарям рассчитывать и кандидатам в предки российских пэров надеяться, чтобы когда-нибудь потомок Мономаха вдруг снял ту восьми-соглетную шапку, развинтил ее и кинул половину: лови, кому хочется власти, грызьтесь из-за нее московские лорды с петербургскими социал-демократами; чья возьмет, тот и верти Святой Русью, как вертят вон Англией, Францией какой-нибудь жид — писака романов, повстанец, сорванец с виселицы, адвокат воздухоплавания. Мое же царское дело отныне, что и ее величества императрицы Индии:

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

затверживать фразы, какие пропишет премьер для открытия и закрытия палат, да объявлять войну, в какую ему впутать народ мой заблагорассудится.

Одно разве: не станут ли все-таки, несмотря на Церковь, царя и народ, требовать и брать конституцию, и уж половчей декабристов, но возьмут ли? В самом деле, похоже на то: много у нас речей о ней, и в прессе елико возможно, и с кафедры сколько угодно, и в салонах, и в ресторанах, и в департаментах, и, словом, по всем разговорным местам наших европейцев. Но ведь не одних же речей, надо и людей. Я уж не спрашиваю целых сословий, из рода в род добывающихся власти, а только людей, но сознательно желающих конституции, т. е. которые вполне, не хуже настоящих европейцев, понимают, что такое конституция: каково от нее народу, особенно при совершенстве ее, например, в Англии; и каково государству при всевозможных монархических и республиканских конституциях, во Франции, но и каково зато не житье, а масленица тут же в Англии некоторым сословиям, каков разгул всевозможным партиям во Франции; а главное, какова карьера нулям, которым хочется быть единицами и ворочать по-своему Англиями и Франциями; и зачем, стало быть, и кому именно нужна конституция так, что добивались же ее от монархов и мечем, и топором, втирали ее народам и чернилами, и кровью. Такое дело ведь явно нигде, кроме Сандвичевых островов, невозможно без таких если уж не целых сословий, то по крайней мере без очень сильной партии, без всюду проникающего и во всем оруduющего множества таких людей — вещей и властных. Так вот их-то, этих необходимых авгуров и преторианцев конституции, много ли у нас? Не все ли, что тут толпятся, просто обезьяны, перенимающие не мысль, или не умысел поколения, а только самое исполнение кувыркания перед модным божеством парламентирующего деспотизма? Но ведь уж эти, во-первых, только то и знают, что оно модное: вся Европа в конституциях, уж и башибузучья интеллигенция подражает Англии, как же нам не стыдиться самодержавия? А во-вторых, ведь только толпятся-то они все тут на виду, у самых центров нашей цивилизации: любят своих посмотреть и себя показать; вот и думается, коль уж тут их столько, сколько же их по всей Руси? А по всей Руси и всем-то им вместе, тем фарисеям и этим хлыщам конституции, куда [как] не легион имя. А хорошенько подумать, так и вообще-то вопрос, сколько их и каких, — не просто ли привычка рассуждать по-европейски? Ведь где, как у нас, и численная и нравственная сила — крестьянство, и где разве оборыши из прочих сословий не тот же народ, хором всея Земли молящий Бога за царя-освободителя? <...> Фразеров [же] или сотни, или тысячи — через сотню миллионов-то голов ведь все равно не дотянуться им до шапки Мономаха, не сконституционить ее, коротки руки.

Итак, милостив Бог, не будет у нас конституция, не будет, следовательно, и восстания народного.

Непременного и повсеместного не будет, если так. Но вспышки расправы ради, и довольно важные, возможны, даже очень вероятны, и без конституции; от постоянного, нестерпимо напряженного страха конституции все-таки же, а главное — страха за царя и за прямой корень царский.

Правда ли, нет ли, 2 апреля (день покусения на Александра II. — *В. Д.*) под Москвой, в селе Всесвятском, до ночи стояла мирская сходка. Отряжены были ходоки в Москву разведать доподлинно: истинно ли не ранен государь; и положено: буде, дал Бог, не ранен, отслужить молебен; а ранен — идти на (сосед-

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

*Покушение на императора Александра II.
Гравюра из газеты «Народная воля».
10 марта 1881 года*

нию) Петровскую академию. Вечером ходоки вернулись, мир послал за попом. По счастью, полиция проморгала все это происшествие; а то явилась бы, водворила порядок так, пожалуй, что и сама бы цела не ушла.

21 ноября еду я по Моховой, извозчик мой глядит на университет: «Вот уцелело, дай Бог надолго. — (Это «дай Бог» относилось не к университету, конечно). — А что? Удайся им третьего дня

— теперь тут не то что от кирпича пыль, а от людей бы пар до неба стоял; нам с тобой, барин, не проехать бы».

Но, кажется, никак уж не общенародный третий страх у нас — война. Хотя многие и даже из очень русских (в смысле: простых) людей толкуют, что, мол, ежели да еще и внешние враги наши или друзья пособят, заблагорассудив

*Санкт-Петербург. Часовня у решетки Летнего сада
на месте покушения на императора Александра II.
Фотография 1900-х годов*

ИЗ РУССКОЙ ДУМЫ

вызвать нас теперь на войну? Тут в каком положении очутимся мы, с теми же интендантами, финансистами, дипломатами, администраторами, да еще и с этими, от кого-то содержимыми на нас злодеями? Да хоть бы только для этого вызвать, чтобы мы должны были уклониться, смириться, запросить пощады во что бы то ни стало, как Франция после Седана, как Турция накануне Сан-Стефано.

Народ же как будто сознает, что тут-то смутьяны и не беда больше; что тогда просто взять да по-свойски расправиться с ними: и правительство смолчит, а царь еще и спасибо скажет. Ибо час будет великий; а в тот или в иной великий час ведь же неминуемо, ведь же положит Бог царю на разум познать, что без народа, безо всей самой Земли ни нашей старонемецкой чиновничьей машиной правительственной, ни нарочитой семигенеральщиной все равно не справиться ни со смутьянами, ниже с иными многими у нас непорядками.

Но лучше бы, конечно, призвать Землю вовремя; и спокойно-грозным судом и расправою (по старинному) *собора изблюбленных всея Земли, всех православных хрестьян, всякого чина людей, от каждого города с волостями по столько-то человек добрых, разумных, постоянных, с которыми государю можно бы говорити и промышлять о всех людях ко всему добру*, покончить прежде всего с этой бедой, со смутой и со смутьянами.

Миром да собором и черта поборем. Эта пословица не с Козьмы ли Минича, жива в народе и по сей час недаром.

Но ведь не взаправду же или не вся же та чертовщина у нас наводная да закупная. Бурьяну рост от залежи. Покончить тут — значит, не листья ошипывать да не на выбор стебли рвать, а мало и коренья вытеревить: надо самое залежь поднять да по-евангельски во всю глубину земли и засеять добрым семенем. Вот бурьяну и конец: хлебу начало.

А с какого клина и чем сеять — тоже знает верней людей сама Земля, и на том же Земском соборе скажет, буде царь спросит.

А в чем основная — историческая и логическая — суть Земского собора, и много ли придется против старины в нем изменить, и что, не уступая никаким предрассудкам века, надлежит свято хранить, дабы Земский собор как во время оно был, так и впредь остался естественной связью меж царем и Землей, и верным им обоим оплотом, <...> это все позвольте, милостивый государь, пере-сказать и доказать, сколь даст Бог уменья, во втором письме; если только уж и первое не найдете Вы лишним.

Примите, милостивый государь, уверенье в преданности и приверженности Вам, истинно искренней.

Москва. 10 декабря 1879 года.

П. Голохвастов

*Публикация и предисловие
Владимира Абрамовича Дукельского*

*Михаил Евгеньевич Денисов,
Дмитрий Александрович Речменский*

Краевед, историк, публицист

**О протоиерее Александре Ивановиче Речменском
(1869–1939)**

На рубеже XIX–XX веков в Москве активно развивалось церковное краеведение. Действовало несколько церковно-научных обществ, изучавших историческое прошлое церквей и монастырей Московской епархии и находившихся в них святынь. Одним из видных церковных историков той эпохи был протоиерей Александр Иванович Речменский, ныне практически забытый. До недавних пор в научном сообществе его знали только как автора очерков об уничтоженной церкви священномученика архидиакона Евпла на Мясницкой улице в Москве и церквях села Косино Московского уезда. Пришло время рассказать о нем более подробно (биографическая статья о прото-

*Священник
Александр Иванович Речменский.
Фотография начала 1900-х годов*

иерее А. И. Речменском уже написана одним из соавторов данного очерка — М. Е. Денисо-

вым — для Московской энциклопедии).

Как сообщает сам отец Александр Речменский в своей брошюре «Икона XVII века из моего собрания» (М., 1905), он происходил из древнего рода, берущего начало, по преданию, от одного воеводы XVII века. Однажды этот воевода находился на волоске от гибели, но чудесным образом уцелел. Увидев в своем спасении Божий промысел, он принял монашеский постриг, а его сын стал священником. Так зародилась священническая династия. Известно, что с XVIII столетия потомки легендарного воеводы-монаха служили в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на погосте Речма Серпуховского уезда Московской губернии,

благодаря чему за ними впоследствии закрепилась фамилия Речменские¹.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*Крест, установленный на месте
Покровской церкви на погосте Речма.
Фотография Д. А. Речменского. 2010 год*

*Евлловская церковь на Мясницкой улице. 1881 год.
Фотография из альбома Н. А. Найденова
«Москва. Соборы, монастыри и церкви».
Ч. 4. М., 1883*

Архивные документы позволяют проследить родословную А. И. Речменского, начиная от его прадеда — Михаила Герасимова, который в начале XIX века был диаконом в Речменской церкви². Согласно метрической книге, в октябре 1817 года у диакона Михаила родился сын Никита³. Сведениями о нем мы обязаны хранящемуся в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) делу «О дворянстве Речменских».

В 1840 году Никита Михайлович окончил по второму разряду Московскую духовную семинарию. 21 апреля 1841-го епископ Дмитровский Виталий рукоположил его во священника к церкви святителя Николая в селе Оболдино Московского уезда⁴, в то время еще строившейся⁵. В Оболдино отец Никита прослужил без малого тридцать лет до своего перевода в церковь Покрова Пресвятой Богородицы в селе Перхушково Звенигородского уезда Московской губернии (1869). Параллельно со священнослужением с 1876 года он законоучительствовал в Перхушковской народной школе и исправлял должность местного благочинного. За это время отец Никита удостоился многих церковных наград: наперсного креста (1858, 1884), набедренника (1864), фиолетовой скуфьи (1872), фиолетовой камилавки (1878)⁶.

В 1884 году отец Никита ушел за штат, и на освободившуюся вакансию назначили его зятя — священника Павла Троицкого⁷. Будучи на покое, отец Никита отметил 50-летие своего пастырского служения (1891), в связи с чем был награжден орденом Святого Владимира

IV степени⁸. Позже, в 1906 году, этот орден дал возможность его сыну, диакону Александру Никитичу, и внуку, священнику Александру Ивановичу, получить потомственное дворянство⁹.

В 1900 году священник Никита Михайлович Речменский умер и был похоронен возле Покровской церкви¹⁰. На сохранившейся чудом могиле хорошо читается эпитафия: «Под сим камнем погребено тело заштатного священника села Перхушкова Никиты Михайловича Речменского, волею Божию почившего 1900 года месяца марта 28 числа в 1 час 30 минут дня. Жития его было 83 года».

*Покровская церковь в селе Перхушково
Одинцовского района Московской области.
Фотография из книги
«Монастыри и храмы Московской епархии».
Вып. 3. Т. 2. М., 2009*

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*Могила священника Никиты Михайловича
Речменского в селе Перхушково.
Фотография Д. А. Речменского. 2010 год*

*Диакон А. И. Речменский
с женой Екатериной Сергеевной и сыном Николаем.
Фотография конца XIX — начала XX века*

Еще во время служения отца Никиты в Оболдино 18 января 1845 года у него с матушкой Анной Семеновной родился сын Иван, будущий отец ученого протоиерея¹¹. Он окончил Московскую духовную семинарию (1866) и в 1868 году был рукоположен в сан священника к церкви святителя Николая села Ангелово Московского уезда. За благоустройство своей церкви после пожара 1874 года награжден набедренником. Состоял также законоучителем начальной народной земской школы в деревне Юрлово (с 1879)¹². Скончался от чахотки в возрасте 36 лет¹³, оставив сиротами 12-летнего сына Александра и 9-летнюю дочь Капитолину¹⁴.

Александр Иванович с детства отличался самыми разнообразными талантами и, так сказать, «научным чутьем». Об этом свидетельствует, например, такой поведенный им самим эпизод (1881): «Отпущенный из школы на летние каникулы, я целые дни проводил в церкви, которую в это время расписывали живописью. Однажды, заметив, что живописец делает в славянских надписях ударения и придыхания, где ему вздумается, я осмелился указать ему на неправильности, бросившиеся даже мне в глаза. Живописец сначала даже не удостоил ответом мое замечание, а потом сказал, что он уже более 25-ти лет занимается своим делом, и мне ли, двенадцатилетнему мальчику, учить его! К счастью, впрочем, гордость живописца получила чувствительный укол: ему было приказано закрасить подписи и сделать новые»¹⁵.

В 1884 году Александр окончил Заиконоспасское духовное училище¹⁶, а в 1890-м по первому разряду — Московскую духовную семинарию. Через год он был определен на должность псаломщика к церкви священномученика архидиакона Евпла на Мясницкой улице в Москве¹⁷ и поселился в доме Долгорукова на этой улице. Здесь, в Евпловской церкви, псаломщик Александр 28 апреля 1895 года обвенчался с Екатериной Сергеевной Рельской из семьи канцелярского служащего, окончившей в 1894 году Московское Мариинское епархиальное женское училище со званием домашней учительницы. Здесь же 15 мая 1897 года крещен родившийся 12 мая их первенец Николай¹⁸, а позже (1899) — дочь Мария¹⁹.

Именно Евпловской церкви посвящены несколько наиболее ранних из выявленных публикаций Александра Ивановича. В брошюре «Храм св. мученика архидиакона Евпла в Москве» (М., 1895) он использовал, кроме печатных, рукописные источники: исповедные и метрические книги, подрядную запись

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

из домашнего архива графа С. В. Орлова-Давыдова и другие.

С 1898 года «евпловская» тематика уступила место публицистике. Не исключено, что определенное влияние на своего псаломщика оказал в данной связи новый настоятель церкви (с 1898) — видный духовный публицист священник Дмитрий Иванович Ромашков²⁰.

6 мая 1898 года Александр Иванович выступил на общем собрании Отдела иконоведения Московской духовной семинарии с докладом «Об упорядочении производства и продажи икон и других священных изображений», где обратил внимание на необходимость церковного надзора за иконописным делом и призвал создавать иконописные школы. Доклад, тема которого актуальна до сих пор, вызвал острую дискуссию. В частности, педагог, церковный деятель, философ Д. А. Хомяков (старший сын основателя славянофильства) отреагировал на это выступление своими «Извлечениями из письма Д. А. Хомякова к товарищу председателя Отдела иконоведения М.Д.С. по поводу реферата Г. Речменского». Соглашаясь с необходимостью распространения духовной цензуры и на иконопись, Дмитрий Алексеевич ввиду «малообразованности духовенства» счел в то же время такую цензуру вредной, ибо благодаря ей Церковью могут быть признаны иконы, вовсе того не заслуживающие. Выход Д. А. Хомякову виделся в повышении иконописного образования духовенства, через руки которого проходят иконы при их освящении. *«Это есть именно настоящее цензирование изображения: допущение или недопущение возведения известного изображения на степень «икон»»*²¹.

В 1900 году псаломщик Александр Речменский назначается диаконом церкви Успения Пресвятой Богородицы в селе Косино Московского уезда, а 29 июня 1902-го рукопологается в сан священника²². С тех пор история села Косино на несколько лет стала основным предметом его научных изысканий. Он не только составляет собственные исторические описания села, но и публикует источники по этой теме. Назовем здесь хотя бы «Предание о святом озере в селе Косине» (М., 1906), заимствованное из «Сказания о старине да о том, кто вечно молит Пресвятую Богородицу за народ православный да за матушку Москву» (журнал «Семейные вечера». 1868). Главный герой предания, витязь Букал, первоначально занимался грабежом и разбоем, но, тяжело заболев во время военного похода, был выхожен старцем-пустынником,

после чего кардинально изменил свою жизнь. Поселившись возле старца, Букал, ставший Вуколом, всецело отдался молитве о прощении своих грехов и о спасении страны от междоусобицы. Однажды он сподобился видения, что воссияет на Руси новая столица — Москва, причем ему была открыта судьба города вплоть до 1812 года. Вукол вместе с пустынником усилили свои молитвы — и в этот момент церковь, где они молились, погрузилась в воды озера Святого, что в Косино.

Помимо опубликованного в «Московских церковных ведомостях» и вышедшего отдельным оттиском, текст предания сохранился в рукописной форме в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) в фонде Шереметевых, что косвенно свидетельствует о связях священника с представителями этого известного рода²³. Вообще круг знакомств отца Александра в эти годы был значительно шире обычного круга общения приходского священника. Так, например, в Научной библиотеке Таврического национального университета Украины находится вышеупомянутая книга «Икона XVII века из моего собрания» с автографом автора: *«Его превосходительству Никандру Александровичу Марксу на добрую память от автора. 4.XI.1908»*²⁴. Когда в 1909 году отца Александра перевели в церковь Троицы Живоначальной в Кожевниках²⁵, он сблизился с известными купцами и меценатами Бахрушиными, состоявшими ктиторами Троицкой церкви. Плодом добрых отношений Речменских с Бахрушиными стала прекрасно издан-

*Церковь Троицы Живоначальной
в Кожевниках в Москве. 1880-е годы.
Фотография из альбома Н. А. Найденова*

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

ная последними к столетию Отечественной войны 1812 года книга отца Александра «Походная церковь имп. Александра I» (М., 1912).

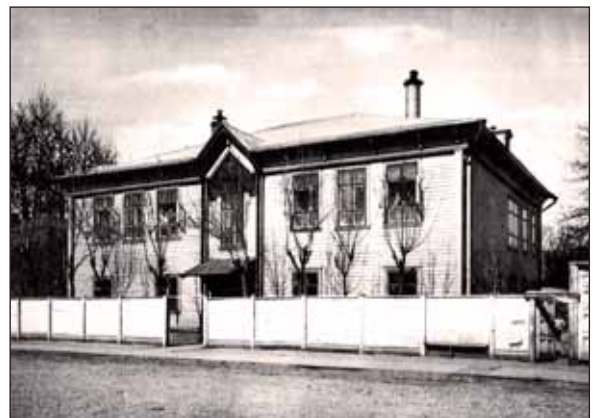
Указанное сочинение о переносной церкви, сопровождавшей императора в заграничном походе (1813—1814) — первый историографический опыт отца Александра. К этому времени он окончил (1910)²⁶ и стал действительным членом²⁷ Московского археологического института. На 1910-е годы, таким образом, пришлось своеобразная кульминация его научной деятельности. В 1913 году в качестве члена Московской церковной юбилейной комиссии по чествованию исторических событий 1612, 1613, 1812 и 1861 годов отец Александр был приглашен к участию в устройстве Романовской выставки в покоях Чудова монастыря в Кремле²⁸. Им составлен и издан каталог этой выставки под названием «Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых» (М., 1913)²⁹.

Более поздних трудов отца Александра нами пока не выявлено, хотя известно, что летом 1914 года, накануне Первой мировой войны, он обращался в Московское отделение Общего архива Министерства Императорского Двора с просьбой допустить его в архив для работы с документами XVII—XIX веков по истории села Алексеевского Московского уезда³⁰ и получил разрешение.

Помимо вышеперечисленного, отец Александр принимал активное участие в деятельности ряда научных обществ. С 1896 года он состоял действительным

членом Церковно-археологического отдела Общества любителей духовного просвещения, где не раз выступал с рефератами, и действительным членом Московского общества по устройству публичных чтений, библиотек и читален для народа, с 1905-го — членом Комиссии по осмотру и изучению памятников старины города Москвы и Московской епархии, с 1909 года — членом-сотрудником Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, с 1911-го — членом-корреспондентом Императорского общества любителей древней письменности и членом Московской редакционной комиссии по изданию сборника «Старина и новизна»³¹. Немало потрудился он и на педагогической ниве: преподавал Закон Божий в церковно-приходских школах при церквях святителя Николая на Пупышах (1896—1899) и святителя Николая в Кленниках (1896—1897), в Московском Всехсвятском церковно-приходском (1907—1911), Петровско-Хамовническом городском (1910—1917), 3-м Пятницком Ольгинском женском городском (1911—1917)³² училищах.

Отец Александр многократно поощрялся церковным начальством. В 1896 году «за пожертвование с благословения Высокопреосвященнейшего митрополита Сергия в библиотеки церковно-приходских школ составленных им брошюр» он получил благодарность Московского совета Кирилло-Мефодиевского братства;

Петровско-Хамовническое городское училище.

Фотография начала XX века из книги «Альбом зданий, принадлежащих Московскому городскому общественному управлению». Т. I. М., б. г.

Успенская церковь на Крутицком подворье.

1880-е годы.

Фотография из альбома Н. А. Найденова

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

*Протоиерей
А. И. Речменский
возле иконы
Божией Матери
«Взыскание
погибших».
После 1919 года*

в 1905-м «за литературно-научные труды» — благодарность митрополита Московского Владимира (Богоявленского); в 1906-м владыка Владимир поблагодарил его за «особые заслуги Комиссии по обзору и изучению памятников старины г. Москвы и Московской епархии». Отец Александр был награжден набедренным (1907), бархатной фиолетовой скуфьей и нагрудным знаком на Владимирской ленте в ознаменование 300-летнего юбилея царствования дома Романовых (1913), в 1916 году «за безвозмездные труды по ведению духовных бесед в аудиториях общества содействия религиозно-нравственному и патриотическому воспитанию детей» ему преподал благословение митрополит Московский Макарий (Невский); в том же году он удостоился бархатной фиолетовой камилавки³³.

На Пасху 1919 года, по-прежнему состоя клириком церкви Троицы Живоначальной в Кожевниках, отец Александр был награжден наперсным крестом³⁴. Однако уже в 1922—1923 годах мы видим его протоиереем Малого Успенского собора (Крутицкое подворье)³⁵, захваченного к тому времени обновленцами. Позже он получил знак высшего отличия белого духовенства — митру, о чем свидетельствует сохранившаяся фотография отца Александра, совершающего службу у иконы Божией Матери «Взыскание погибших». В эти первые годы советской власти отец Александр принимал также участие в работе комиссии Моссовета по осмотру и учету памятников старины в московских церквях³⁶.

*Могила протоиерея
Александра Ивановича Речменского
на Введенском (Немецком) кладбище.
Фотография Д. А. Речменского. 2010 год*

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

Обстоятельства его дальнейшей жизни пока остаются неизвестными. Согласно записи в книге Богородского отдела ЗАГС, скончался митрофорный протоиерей Александр Иванович Речменский 3 января 1939 года возле станции Сходня Октябрьской железной дороги; похоронили же его, как следует из документов Введенского кладбища города Москвы, 5 января 1939 года.

В заключение приводим список основных сочинений протоиерея А. И. Речменского: «Храм св. мученика архидиакона Евпла в Москве» (М., 1895), «Святой мученик архидиакон Евпл» (М., 1896), «Об упорядочении производства и продажи икон и других священных изображений» (М., 1898), «Косино и его святыни» (М., 1904), «Икона XVII века из моего собрания» (М., 1905), «Святой мученик диакон Евпл»

(М., 1905), «О знаменном распеве» (М., 1906), «Предание о святом озере в селе Косине» (М., 1906), «Косино и его святыни» (М., 1911), «Горе горькое, темень темная» (М., 1912), «Походная церковь имп. Александра I» (М., 1912), «Собрание памятников церковной старины в ознаменование трехсотлетия царствования Дома Романовых» (М., 1913), «600-летие блаженной кончины св. благоверного князя псковского Довмонта, в святом крещении нареченного Тимофеем» (Московские церковные ведомости. 1899. № 22), «К вопросу о церковном пении» (МЦВ. 1900. № 29, 31), «Церковная школа и духовенство как распространители практически-полезных для населения сельскохозяйственных знаний» (МЦВ. 1900. № 2,6,7), «Памяти Л. А. Кологривовой» (Московские ведомости. 1915. № 96).

¹Указ. соч. С. 2.

²9 сентября 1823 г. диакон Михаил был рукоположен святителем Филаретом (Дроздовым), архиепископом (с 1826 г. — митрополит Московский и Коломенский), во священника к церкви Михаила Архангела в селе Починки Серпуховского уезда (ЦИАМ. Ф. 737, оп. 1, д. 989, л. 1).

³Там же. Ф. 203, оп. 745, д. 1142, л. 256 об.

⁴РГИА. Ф. 1343, оп. 36, д. 20926, л. 10 об.

⁵Ровенский Г. Храм свт. Николая чудотворца и селения его прихода: Оболдино и Супонево. Фрязино-Оболдино, 2008. С. 30.

⁶РГИА. Ф. 1343, оп. 36, д. 20926, л. 10 об.

⁷Там же. Л. 13 об.

⁸Там же. Л. 18.

⁹Там же.

¹⁰Там же. Л. 19.

¹¹Там же. Л. 20.

¹²Там же. Л. 22 об.

¹³Там же. Л. 26.

¹⁴Там же. Л. 23.

¹⁵Речменский А. И. Об упорядочении производства и продажи икон и других священных изображений. М., 1898.

¹⁶ЦИАМ. Ф. 234, оп. 1, д. 2007, л. 165.

¹⁷Там же. Ф. 2121, оп. 1, д. 1844, л. 340 об.

¹⁸РГИА. Ф. 1343, оп. 36, д. 20926, л. 42; ЦИАМ. Ф. 203, оп. 776, д. 362. л. 69 об.—70.

¹⁹РГИА. Ф. 1343, оп. 36, д. 20926, л. 43.

²⁰См.: Денисов М. Е. Ромашков Дмитрий Иванович // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Ч. 4. В печати.

²¹Хомяков Д. А. Извлечения из письма Д. А. Хомякова к товарищу председателя Отдела иконоведения М.Д.С. по поводу реферата Г. Речменского. М., 1898.

²²ЦИАМ. Ф. 2121, оп. 1, д. 1844, л. 341 об.

²³РГИА. Ф. 1088, оп. 2, д. 906, л. 1—11а.

²⁴Калмыкова М. М. Личные книжные собрания в фонде научной библиотеки ТНУ им. В. И. Вернадского. История, формирование, структура // Историческое наследие Крыма. 2007. № 20. Н. А. Маркс (1860—1921) — генерал-лейтенант, палеограф, фольклорист, крымовец.

²⁵ЦИАМ. Ф. 2121, оп. 1, д. 1844, л. 341 об.

²⁶Там же. Ф. 376, оп. 1, д. 3266.

²⁷Там же. Ф. 2121, оп. 1, д. 1844, л. 340 об.—341 об.

²⁸Соколов В., священник. Выставка церковно-исторических памятников в ознаменование 300-летия царствующего Дома Романовых. Сергиев Посад, 1913.

²⁹ЦИАМ. Ф. 2121, оп. 1, д. 1844, л. 343 об.

³⁰РГИА. Ф. 484, оп. 1, д. 1707, л. 2.

³¹ЦИАМ. Ф. 2121, оп. 1, д. 1844, л. 342 об.

³²Там же. Л. 340 об.—341 об.

³³Там же. Л. 340 об.—342 об.

³⁴Там же. Ф. 2303, оп. 1, д. 306, л. 2 об.

³⁵Там же. Л. 26; Соловьев И., священник. Крутицкое подворье в прошлом и настоящем. М., 2007. С. 96, 137.

³⁶Денисов М. Е. Речменский Александр Иванович // Московская энциклопедия. Т. 1. Лица Москвы. Ч. 3. М. 2010. С. 626.

Алексей Алексеевич Боровой

МОЯ ЖИЗНЬ

Фрагменты воспоминаний

*А. А. Боровой. Фотография 1914 года
(из альманаха: Диаспора. Новые материалы.
Т. VI. СПб., 2004)*

Философ, юрист, журналист Алексей Алексеевич Боровой (1875–1935), отрывки из воспоминаний которого впервые публикуются ниже (полный рукописный текст хранится в РГАЛИ. Ф.1023, оп. 1, ед. хр. 162–172), отметил для своего будущего биографа, что в энциклопедическом словаре «Гранат», где была помещена статья о нем, он сознательно на один год «омолодил» себя, указав годом рождения 1876-й. Научные интересы Борового с юности тяготели к гуманитарно-эстетической сфере, а не к точным наукам или естествознанию. Его энергия и работоспособность достойны уважительного удивления: поступив в 1894 году на юридический факультет Московского университета, Алексей Алексеевич успевал посещать лекции ведущих профессоров-гуманитариев других факультетов и параллельно в течение года обучался в Московской консерватории по классу

фортепиано. При этом он не пропускал ни одной театральной или музыкальной премьеры, был постоянным посетителем вернисажей и выставок, находился в курсе всех литературных новинок.

Сдав в январе 1902 года магистерские экзамены, Боровой получает звание приват-доцента, а летом 1903-го — двухгодичную командировку во Францию и Германию для работы в архивах по подготовке диссертации. Именно там, в Париже, с ним произошло «преображение», определившее всю его дальнейшую жизнь. Приват-доцент приехал во Францию с марксистскими убеждениями, привитыми ему со студенческой скамьи. Но тут случилась одна «неувязка»: начавшаяся русско-японская война вызвала не злорадное желание гибели самодержавной России, «поражения собственного правительства в империалистической войне», как следовало бы по марксистской доктрине, а боль за поражения. Это чувство родилось стихийно и полностью перекрыло теоретически усвоенную формулу «пролетарии не имеют отечества». Одновременно в подсознании Борового шла неведомая ему самому работа, вызревали ростки иного взгляда на мир. И вот в одно из октябрьских воскресений 1904 года он сидел в Люксембургском саду, наслаждаясь погожим деньком, как вдруг...

«Неожиданно из каких-то неведомых глубин во мне родилась разом огромная, оформленная, просветляющая, единая мысль. С необыкновенной отчетливостью, побеждающей убедительностью — во мне проснулось чувство нового для меня мироощущения. Я дрожал, как струна. У меня не было с собою ни карандаша, ни записной книжки. Не помню — как дошел я или добежал до своего отеля и буквально в лихорадке записал отдельными словами ход пришедших мыслей.

Со скамьи Люксембургского сада — я встал просветленным, страстным, непримиримым анархистом, каким остаюсь и по сию пору».

В Россию он вернулся анархистом-индивидуалистом. Для рассмотрения эволюции его мировоззрения от анархизма-индивидуализма к «эстетическому анархизму» (термин Борового) потребовалась бы целая монография. Достаточно сказать, что едва ли не треть объемных воспоминаний «Моя жизнь» (почти 2000 листов, исписанных четким красивым почерком без помарок и исправлений — это беловик) посвящена сугубо теоретическим рассуждениям.

Отметим, что в теории автор мог быть достаточно кровожаден. По поводу убийства В. К. Плеве, известие о котором застало его в Швейцарии, Боровой писал: «Мне <...> убийство Плеве представлялось и целесообразным и безупречным с точки зрения революционной этики способом борьбы против самодержавия. Террор как средство борьбы <...> для меня оправдан до конца». Однако, несмотря на то, что у нашего сторонника террора все ограничивалось написанием брошюр, власти (до революции и после нее) в данном случае рассматривали слово как дело. В конце 1910 года Боровой был вызван к следователю и услышал: «За идеологическое руководство издательством «Логос», выпустившим ряд анархических изданий и, в частности, за вашу собственную брошюру «Революционное миросозерцание» вы привлекаетесь к судебной ответственности по 10-й статье, грозящей в случае осуждения заключением в крепости на три года». Бежав от ареста за границу, Боровой вновь очутился в Париже. Истории его трехлетней эмиграции посвящена наша публикация «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии...» в VI томе альманаха «Диаспора» (Париж—Санкт-Петербург, 2004. С. 7—85).

Возвратившись в Россию в конце 1913 года после амнистии, данной политэмигрантам по случаю 300-летия дома Романовых, Алексей Алексеевич занялся журналистикой, вошел в контакт с С. А. Соколовым-Кречетовым (1878—1936) и «журналом свободной мысли» «Перевал», а затем с газетой Суворина-сына «Новь». Этот этап его жизни отражен в помещаемых ниже отрывках. В советское же время начались другие этапы (да простит мне читатель невольный каламбур на столь невеселую тему) — ссылка в Вятку, затем во Владимир, полное одиночество анархиста-индивидуалиста среди диковатых обывателей¹ и смерть от сердечного приступа в ночь с 21 на 22 ноября 1935 года.

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Соколов — был видный молодой человек, элегантный, с приятными манерами, всегда любезный, красноречивый, поверхностно-остроумный и без памяти любивший все, что имело какое-либо касательство к литературе, — ее праздники и будни, родословную, салоны, будуары и лакейские, антрепризы, сплетни и кулисы. Его тешила возня около литературного дела — от переговоров с литературными премьерами до заколачивания последнего гвоздика в редакции. Разнообразие его сведений в этой сфере и память были поистине изумительны. Столь же феноменальной памятью обладал он и по части знания русской поэзии вообще.

**СОКОЛОВ — БЫЛ ВИДНЫЙ
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ЭЛЕГАНТНЫЙ,
С ПРИЯТНЫМИ МАНЕРАМИ,
ВСЕГДА ЛЮБЕЗНЫЙ, КРАСНОРЕЧИВЫЙ,
ПОВЕРХНОСТНО-ОСТРОУМНЫЙ
И БЕЗ ПАМЯТИ ЛЮБИВШИЙ ВСЕ,
ЧТО ИМЕЛО КАКОЕ-ЛИБО КАСАТЕЛЬСТВО
К ЛИТЕРАТУРЕ, — ЕЕ ПРАЗДНИКИ
И БУДНИ, РОДОСЛОВНУЮ, САЛОНЫ,
БУДУАРЫ И ЛАКЕЙСКИЕ,
АНТРЕПРИЗЫ, СПЛЕТНИ И КУЛИСЫ.**

Соколов — человек, по существу, ограниченный, малодаровитый и не оригинальный поэт — имел, однако, бесспорные заслуги перед литературой в качестве организатора, и большинству он imponировал именно своими качествами энергичного, ловкого и, в общем, удачливого дельца.

Унаследовав небольшие средства от отца, он пустился — соединяя приятное с полезным — «спекулировать» литературой и создал один из всероссийских литературно-издательских центров, с которым нельзя было не считаться. Его издательство «Гриф» объединяло ранних символистов, декадентов etc., позже вышедших на большие дороги искусства. У него печатались — Бальмонт, Блок, Белый, Ремизов и Сологуб, Игорь Северянин и великое множество литературных букашек поэтического и прозаического сорта.

Изысканным вкусом Соколов не обладал, и некоторые начинания его носили сомнительный характер, но он был большим мастером рекламы — до футуристических рекордов в этом смысле он был, бесспорно, первым, и коммерческий успех венчал дело. Его друзья и «союзники» всегда могли рассчитывать на благожелательную клаку; против врагов и недоброжелателей, которые были многочисленны, он бился неустрашимо и беспощадно.

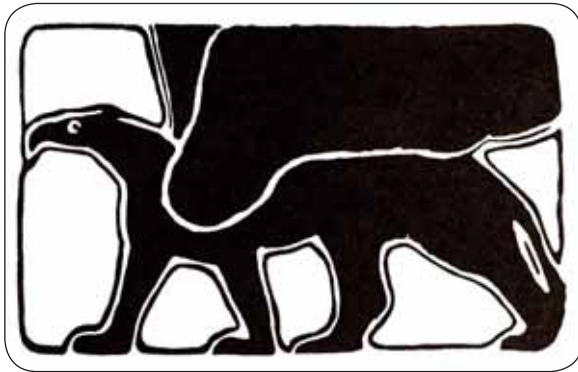
Как поэт Соколов владел техникой стиха, но был малооригинален и вдохновлялся не только своей музой. Брюсов и его «приспешники» Грифа, как звали обычно Соколова, не любили, — тут были и личные причины² — и «Скорпион» чинил всегда суровый суд над его поэзией. «Весы» тенденциозно замалчивали Грифа³.

*Москва.
Кафе
«Угрека»
на Тверской.
Первый слева —
С. А. Кречетов
(Соколов),
третий —
Б. К. Зайцев.
Фотография
1906 года*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

М. А. Дурнов. Марка издательства ГРИФ.
1903 год

В целом Соколов был культурный и приятный в личном общении человек. <...>

С Грифом мы быстро стали приятелями. Приспел мой час, и я попал в его организационную орбиту. Нашелся какой-то молодой провинциал, пописывавший символические стихи — Линденбаум, пожелавший культурно тратить откуда-то ему свалившиеся деньги. Судьба его столкнула с Соколовым, и Соколов его обворожил. Был задуман литературно-художественный журнал под именем «Перевал».

Гриф втянул в новый журнал лучшее, что могла дать тогдашняя литература. В «Перевале» принимали участие Бальмонт, Блок, Белый, Сологуб, И. Анненский, Ремизов, Б. Зайцев, Н. Минский и множество *dii minores*⁴, начинавших или кончавшихся. Для «Перевала» Гриф спроектировал — эффектный, оригинальный формат, великолепную бумагу, прекрасные шрифты.

Выход первого номера «Перевала» был отмечен большими статьями даже в изданиях, не грешивших по отношению к Грифу излишней благосклонностью. Социально-философская сторона журнала была представлена тремя статьями: Н. Минского, А. И. Багинского и моей. Статья Багинского <...> взывала к универсальному и беспощадному разрушению и была своеобразным вариантом бакунизма. Кажется, это — единственный случай, когда Алексей Иосифович возгласил анархическое *credo*. Впоследствии, систематически правая, он растерял все анархические элементы мировоззрения. Но то была эпоха молодости и великих упований. Моя статья — была первой частью моей публичной лекции «Нравственность и целесообразность в политике» и была посвящена дифирамбической оценке революционной этики Ницше.

В качестве анархиста я был, конечно, «белой вороной» издания. После выхода 4-го или 5-го № «Перевала» сотрудники

его решили сняться. В назначенный день я читал лекцию в университете и не мог попасть в фотографию. Эта группа попала в Энциклопедический словарь Граната. Когда позже не знавшим меня предлагали указать на группе Борового, вопрошаемые неизменно тыкали в рослого мрачного мужчину с густой щетиной на голове. Это был швейцар редакции.

Из сотрудников «Перевала» Бальмонт не жил тогда в Москве. Блок бывал только наездами. С Белым встречались мы нередко, но в эту пору я не любил ни его, ни его творчества. Его выступления на философские темы меня буквально раздражали. Мой перелом в отношении к великому художнику начался с «Петербурга». В своих очерках «Москва» он увековечил фантастическую полку, сымпровизированную нами ночью в одном увеселительном заведении к великому удовольствию собравшихся. Сологуба видел всего два-три раза, когда он приезжал в Москву издать у Грифа свои новые вещи.

Поразительным — по чистоте — человеком был Борис Зайцев. Не менее очаровательна — экспансивностью, шумливостью, но неизменной искренностью была его жена — Верочка (В. А. Орешникова), общая любимица, со всей Москвой бывшая на «ты». В минуты экстаза Верочка не останавливалась ни перед какими словечками и выражениями.

В. Ф. Ходасевич — будущий столп «акмеизма»⁵ — тогда был совсем юным человеком, пленявшим публику своим претенциозным голубовато-серым сертуком. Его жена — была красивая, эффектная блондинка, экстравагантная не меньше Верочки, но, к сожалению, не обладавшая ее умом и симпатичностью. Она славилась своими эксцентричностью; показывалась приятелям в костюме Леды с живым ужом на шее и пр. Они скоро разошлись⁶.

Александр Койранский — остроумный человек с замашками сноба, слабый поэт, но прекрасный художественный критик, едва ли не сильнейший в предвоенной Москве⁷.

Виктор Стражев — изящный молодой поэт и критик, герой трагической истории, о которой я буду говорить ниже⁸.

Гофман — безвременно угасший талантливый поэт, бывший моим слушателем по университету⁹.

Бунины — Иван и Юлий Алексеевичи. Второй — простой и умный. Первый, «знаменитый», бывал порою нестерпим. Его сухая, напыщенная фигура стала особенно антипатичной с избранием его в академики. К представителям молодой литературы

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

он стал относиться с недостойным высокомерием, едва цедил слова. Речь его на юбилее «Русских ведомостей» — грубая, несправедливая, старчески-брюзгливая, в свое время была встречена негодованием не только в кругах «символистов». Эта речь показала, что он ничего не понял или не хотел понять в эволюции литературных направлений, в характере об-

щественных сдвигов, обусловивших появление новой школы и пр. Как известно, его намеренные и ненамеренные кляксы кончились тем, что он выдал «Русским ведомостям» похвальный лист за отсутствие «подделок» (!?)¹⁰.

Припоминаю Ивана Бунина в качестве героя жалкой, но комической истории. У Зайцевых был вечер. Народу было много. Среди приглашенных был и Бунин. За ужином Бунин, до тех пор молчавший, оживился и стал критиковать угощение. Верочка терпела долго, наконец, не выдержала, вскочила и стала разносить вылощенного Бунина на самом изысканном заборном диалекте. Никто, разумеется, не мог бы остановить этого бешеного потока. Да и все были довольны. Верочка оптом отпела Бунину за все. Он сидел багровый, но смолчал и... не ушел. <...>

Иван Алексеевич Новиков¹¹ — приятный, умный человек, но с постоянным и изрядным налетом старомодности. Не только от его вещей, но и от него самого я получал всегда впечатление чего-то тургеневского.

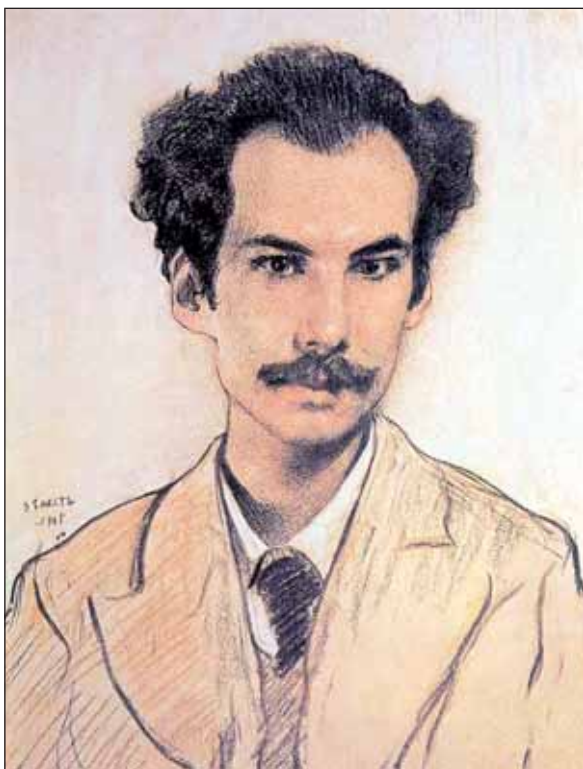
Затем мелькают в памяти: Кожевников, Кондратьев, А. Брюсов, зловещая маниакальная Мирэ, О. Дымов, В. и К. Ивановы etc.¹²

**ГРИФ ВТЯНУЛ В НОВЫЙ ЖУРНАЛ
ЛУЧШЕЕ, ЧТО МОГЛА ДАТЬ
ТОГДАШНЯЯ ЛИТЕРАТУРА.
В «ПЕРЕВАЛЕ» ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ
БАЛЬМОНТ, БЛОК, БЕЛЫЙ, СОЛОГУБ,
И. АННЕНСКИЙ, РЕМИЗОВ, Б. ЗАЙЦЕВ,
Н. МИНСКИЙ И МНОЖЕСТВО
DII MINORES, НАЧИНАВШИХ
ИЛИ КОНЧАВШИХСЯ.**

Группа сотрудников журнала «Перевал». Слева направо — сидят: Н. И. Петровская, Б. Попов (Мизгирь), С. А. Соколов (Кречетов), секретарь редакции, издатель (Вл. Линденбаум ?), А. Ф. Диесперов. В среднем ряду: артельщик при редакции, Е. Л. Бернштейн (Е. Янтареv), С. В. Киссин (Муни), Н. Н. Кисилев (Н. П. Киселеv ?), Г. В. Высоцкий. Верхний ряд: А. Белый, бухгалтер редакции, Б. К. Зайцев, И. А. Новиков, А. А. Койранский. 1907 год (?)

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*Н. И. Петровская. Фотография 1905 года
(ЦГАЛИ)*

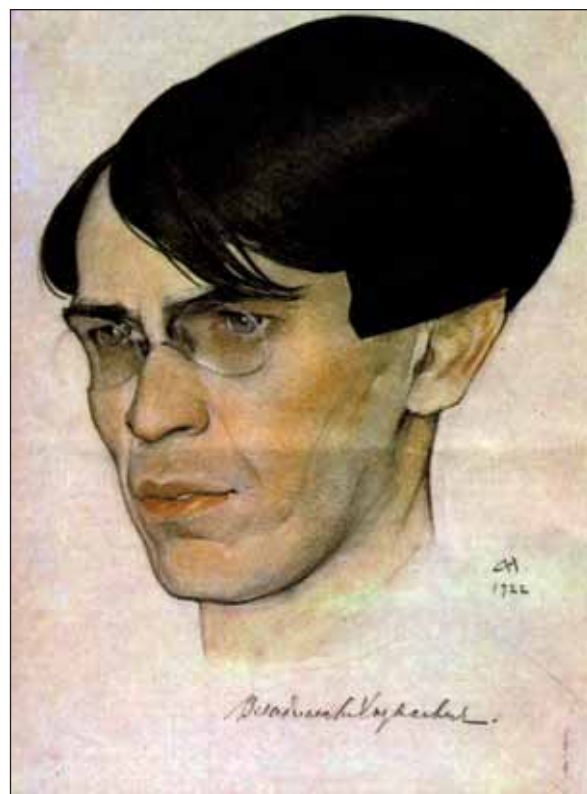
*Л. С. Бакст. Портрет Андрея Белого.
1905 год*

*В. И. Россинский. Портрет И. А. Бунина.
1915 год (ГЛМ)*

*Н. А. Андреев. Портрет Владислава Ходасевича.
1922 год*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГРИФ» ОБЪЕДИНЯЛО
РАННИХ СИМВОЛИСТОВ,
ДЕКАДЕНТОВ etc., ПОЗЖЕ ВЫШЕДШИХ
НА БОЛЬШИЕ ДОРОГИ ИСКУССТВА.

* * *

Главным местом rendez-vous верхушечной интеллигенции и прежде всего литературно-артистической Москвы был в эти годы «Литературно-художественный кружок»¹³. Здесь на вечерах за ужином встречались все, кто делал «физиономию» Москвы, давал тон ее «настроениям».

Вечера обычно открывались докладами людей «с именами». Кроме москвичей, привлекались и «гастролеры». После доклада происходили дискуссии, а по окончании их дирекция угощала ужином героя торжества и его ближайших соратников.

К слову сказать, ужины Кружка были весьма скромны и настоящих любителей поесть не удовлетворяли. При этом прислуга Кружка сервировала их всегда с такой непонятной и непомерной медленностью, что многие торопыги не выдерживали и перекочевывали в какой-либо из популярных ресторанов.

Традиционным председателем кружковских диспутов был популярнейший из москвичей, баловень «большой Москвы», психиатр, профессор университета Николай Николаевич Баженов¹⁴. Это — любопытная, оригинальная фигура, много лет я был с ним в близких отношениях, кое-чем ему обязан и не могу не дать его особой характеристики.

Прежде всего, он был довольно безобразен. В эту пору было ему лет под пятьдесят. Короткий, с откормленным брюшком, короткими пухлыми руками, лысый, с крупной жирной головой, он был олицетворением Силена. Из-под жирка глядели заплывшие, но умные, пронзительные, пожалуй, холодные глаза. Одет он был всегда изысканно. Цилиндры, смокинги, жилеты, галстуки, все — из Парижа, куда он ездил ежегодно. Говорил он, как начинающий Демосфен. При непривычке в его булькающей скороговорке нельзя было понять ни слова. Разговор по телефону превращался в решение загадок. Как-то он сказал шутливо: «Хорошо вам читать лекции, встал и пошел... А мне полчаса надо приучать аудиторию к своей физиономии, да полчаса к произношению. Вот и почитайте тут...».

Но это было своеобразное кокетство. Баженов имел успех и успех значительный во всем: в учено-педагогической деятельности, во врачебной практике, в общественных выступлениях и даже в галантных похождениях.

Это — не удивительно. Баженов был человек большого ума и большого опыта, скептик ренановского склада, знал меру всем вещам, великолепно постигал людей. Его эпикурейский оппортунизм не позволял ломать костей из-за принципа, идеи, но свою работу он умел

Группа литераторов — исполнителей пьесы «Плоды просвещения» на сцене Московского Литературно-художественного кружка в костюмах и гриме. Фотография 1908 года

облечь в умную, слегка рекламную, но вполне деловую форму, успевал психологически подготовить окружение к должному восприятию своих начинаний и в 95 случаях из 100 торжествовал победу. Многие знали или прозревали его карты, когда защита личных интересов представляла в пышной оболочке служения обществу, но драться с умным, лукавым, любезным, везде имеющим друзей эпикурейцем, разоблачать его эгоистическую сущность было не так просто. Да и зачем? Его начинания обычно были оригинальны, полезны, интересны, он мешал другим не более чем все другие, а для борьбы за принципы, за истину, всегда было охотников немного.

Баженов был не только умным, но и весьма культурным и широко просвещенным человеком. Кроме музыки, кажется, он интересовался решительно всем.

Он страстно любил литературу и хорошо знал ее. Французскую же литературу, благодаря многолетнему пребыванию во Франции и систематическим посещениям ее, знал лучше русской, был посвящен в ее кулисы, ее интимнейшие стороны. По-французски он говорил как немногие из русских.

Он любил путешествовать, великолепно знал Европу, побывал во французской Африке. Путешествовал он не как турист-эстет, а как добросовестный исследователь. <...>

Его страстью был драматический театр. Артисты были его первые друзья. Вечера его были всегда точно смотр театральных сил Моск-

вы. В его театральной иерархии первое место занимал Малый театр. Его премьер он не пропускал.

Он любил свою науку. Он был слишком «занят», чтобы стать большим ученым, на что у него было довольно дарований, но он неутомимо поддерживал заграничные научные связи, неукоснительно ездил на заграничные конгрессы, приобретал литературные новинки, а главное, был блестящим организатором различных научных предприятий. Как профессор, лектор, несмотря на все дефекты произношения, он пользовался большим успехом. У него были увлеченные им и преданные ему ученики. В промежутках своей безумно заполненной жизни он писал свои работы, всегда талантливо и доступно сделанные. Его «психиатрические этюды» написаны с большим литературным вкусом.

Он «обожал» женщин — нес им бесконечные жертвы временем, здоровьем и... карманом. Не раз говаривал он: «Половина московских женщин плакала на моем жилете». *Honny soit...*¹⁵ <...>

Около Баженова жило и действовало немало людей, быть может, по существу, с большими заслугами, чем он. Но они, как кроты, сидели по норам, выползали на свет божий подышать, с удивлением взирали на творящееся кругом, пожимали плечами, глядя, какую обильную жатву и с какой легкостью собирают недостойные, но... не находили ни мужества, ни вкуса к завоеванию. Скромненько отходили на вторые места — жались, удивлялись, критиковали, негодовали, и этим все кончалось. <...>

Он жил широко. Практика ему давала большие деньги. Его консультации оплачивались «сотенными». В его доме жили пациенты-пансионеры, платившие ему бешеные деньги.

Одно время он занимал огромный дом в саду (на Божедомке), в котором находилась и его психиатрическая лечебница. Кроме гигантского кабинета с библиотекой и сувенирами — учеными, дружескими, любовными, — дом был обмеллирован очень просто, а обширный зал был почти пустым. Но нужно было видеть этот дом в дни фестивалей, когда в нем собиралось до сотни человек — тузов всех поприщ, когда артисты оперы пели, Гельцер танцевала мазурку, а партнером ее был Качалов, Москвин исполнял народные песенки, Борисов «пел» цыганские романсы, читала Блюменталь-Тамарина, а резерв представляли — Южин, Бравич, Смирнова Н. А., молодежь балета, Баглиев и молодые «художественники», не считая представителей иных профессий — депутатов, профессоров, врачей и адвокатов.

Приемы заканчивались гомерическими ужинами. Подхлестываемые обилием яств, розовым шампанским (*crémant rosé*), которое Баженов непосредственно выписывал из Франции, интересными женщинами, взаимной конкуренцией, — гости изощрялись в сюрпризах всяческого рода. Артисты-певцы запевали тут же сложенные стихотворные юмористические тосты в честь особ, присутствовавших за ужином, импровизированный хор исполнял тост *a capella*. Разъезжались поздно, в четыре, пять часов утра. И пятидесятилетний Баженов, разгоряченный, с непокрытой головой, в смокинге и лакированных ботинках, выбегал на снег, усаживая на сани особо любезных его сердцу дам. <...>

Вот этот Николай Николаевич Баженов и был, как один из директоров кружка, председателем литературных пятниц. В этой роли он был великолепен — неутомим, находчив, остроумен, в заключительном слове нередко с беспощадностью вышучивая и докладчика, и оппонентов.

У меня был, как у присяжного оратора, «почетный» эстрадный билет, и Баженов обычно, не справляясь о моих желаниях, вызывал меня на выступления. Спорить на эстраде было невозможно.

**ПРИЕМЫ ЗАКАНЧИВАЛИСЬ
ГОМЕРИЧЕСКИМИ УЖИНАМИ.
ПОДХЛЕСТЫВАЕМЫЕ ОБИЛИЕМ ЯСТВ,
РОЗОВЫМ ШАМПАНСКИМ, КОТОРОЕ
БАЖЕНОВ НЕПОСРЕДСТВЕННО
ВЫПИСЫВАЛ ИЗ ФРАНЦИИ,
ИНТЕРЕСНЫМИ ЖЕНЩИНАМИ,
ВЗАИМНОЙ КОНКУРЕНЦИЕЙ, —
ГОСТИ ИЗОЩРЯЛИСЬ В СЮРПРИЗАХ
ВСЯЧЕСКОГО РОДА.
АРТИСТЫ-ПЕВЦЫ ЗАПЕВАЛИ
ТУТ ЖЕ СЛОЖЕННЫЕ СТИХОТВОРНЫЕ
ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ ТОСТЫ
В ЧЕСТЬ ОСОБ, ПРИСУТСТВОВАВШИХ
ЗА УЖИНОМ, ИМПРОВИЗИРОВАННЫЙ
ХОР ИСПОЛНЯЛ ТОСТ А САРЕЛЛА.**

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

Темы докладов были очень разнородны — общественные, философские, литературно-художественные. Наиболее памятной осталась для меня дискуссия с Георгием Ивановичем Чулковым, приехавшим из Петрограда прочесть доклад о шумевшем тогда в литературно-художественных кругах «мистическом анархизме». О последнем я говорю особо ниже¹⁶.

Перед докладом Чулков побывал у меня и привез мне и «основополагающий» сборник «О мистическом анархизме» со вступительной статьей Вячеслава Иванова «О неприятии мира» (1906 г.) и свою брошюру «Анархические идеи в драмах Ибсена». Это обязывало меня к выступлению.

Доклад Чулкова был принят очень сдержанно. В «мистическом анархизме» не чувствовалось ни большого «разума», покоряющего волю, ни большой красоты, пленяющей воображение.

Георгий Иванович, вероятно, ждал большого сражения. Но ни его друзья, единомышленники, ни его антагонисты, особенно сильные в Москве, почему-то не желали высказаться. Не помню, присутствовал ли Брюсов, Белый? Думаю, что да. Во всяком случае, они молчали. Мне как анархисту не мистическому — пришлось невольно стать главным оппонентом референту.

Аудитория Литературно-художественного кружка в Москве, как все подобные аудитории, обычно с одинаковым жаром аплодировала ораторам самых полярных воззрений. Но на этот раз Чулкова никто не поддержал, даже те, кто понял всю затею как апологию «демонического действия».

Неожиданно для себя на этом вечере я получил комплимент от присутствовавшего П. Д. Боборыкина. Он выразил мне удовольствие по поводу моего, как ему показалось, «позитивистского» ответа и хотел ко мне приехать — потолковать о «реальном» анархизме. Как в моем «материализме» Боборыкин увидел любезный ему позитивизм — не знаю, но я его не разубеждал. Старик мне нравился больше, чем его писания. К сожалению, он почему-то не приехал, и наше знакомство не продолжалось¹⁷. Как будто еще до чулковского доклада я получил приглашение участвовать в «Факелах»¹⁸, и имя мое фигурировало в списке сотрудников. Но готового у меня ничего не было, а когда вышел первый сборник, я убедился, что между моим анархизмом и анархизмом, или «соборным индивидуализмом», «Факелов» нет ничего общего. И какая единая тема, единая идея могла бы собрать такую компанию как Вяч. Иванов, Зиновьева-

Г. И. Чулков.

Фотография 1900-х годов

Аннибал, Г. Чулков, Ф. Сологуб и... Брюсов, и... Блок, Леонид Андреев, даже Бунин. Из позднейших публикаций самого Чулкова и из появившихся в печати воспоминаний и дневников стало известно, что к «мистическому анархизму» относились отрицательно и Брюсов, и Блок, и Сологуб, и уж, конечно, кадетствовавший и академически спокойный Бунин. Не удивительно, что «Факелы» погасли быстро.<...>

Своеобразным «предприятием» Москвы, уже эпохи реакции, были «религиозно-философские» собрания, происходившие у популярнейшей «московской» дамы — Маргариты Кирилловны Морозовой.

Она была вдовой многомиллионного фабриканта Морозова, запечатлевшегося прочно в представлениях москвичей благодаря театральной сатире «Джентльмен», написанной А. И. Южиным и имевшей большой успех на сцене Малого театра.

Сама Маргарита Кирилловна была необыкновенно эффектной женщиной. Огромного роста, слегка сутулившаяся, с прекрасной античной головой, точеными чертами лица, умными глазами, она действительно напоминала «классикам» тех ослепительных богинь, которые смотрели со страниц античных изданий. В любом обществе, в концертном или театральном зале она всегда была заметна, неизменно привлекательна, впечатляя своих многочисленных поклонников красотой, любезностью, элегантностью костюмов, крупным состоянием.

Но Маргарита Кирилловна была и в умственном отношении женщиной незаурядной. Она интересовалась решительно всем и интересы эти не были продиктованы снобизмом, а были подлинным вкусом к умственной работе. Она не только собирала у себя «сливки» интеллигенции, чтобы слушать умные речи и ловить последние слова, но и занималась систематически, незаметно для посторонних глаз, частными уроками. Так, она занималась политической экономией с М. И. Назаревским, философией с Б. П. Вышеславцевым, и оба учителя говорили, что они имели дело с образцовой по вниманию ученицей. Истинной меценаткой она была в музыке. Можно утверждать, что она сыграла бесспорную роль в первоначальном продвижении, «популяризации» выдающегося дарования Николая Карловича Метнера¹⁹, отпугивавшего на первых порах сложностью, «непонятностью» своей музыки даже записных любителей.

Жила она в роскошном особняке (на Смоленском бульваре), отделанном по всем правилам сомнительного вкуса, базирующегося на крепком кармане. Вестибюль был отделан в египетском стиле, столовая в старорусском и т. д. Все же дом imponировал бездной красивых, дорогих вещей, и один из моих приятелей, слегка неравнодушный к самой хозяйке, в шутку говаривал, что, по совести, не знает, в кого он влюблен — в дом или в хозяйку.

«Религиозно-философские» собрания на моей памяти посещали: Е. Н. Трубецкой, Л. М. Лопатин, Андрей Белый, Г. Г. Шпет, А. И. Бачинский. Б. А. Фохт, А. К. Топорков, Викторов (философ), И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, В. М. Хвостов.

Оживленную дискуссию вызвал, помнится, доклад Викторова об эмпириокритицизме; один вечер страстно спорили о марбургской школе. Бывали собрания с гастролерами. На одном выступал Мережковский, напряженно-патетически, заумным языком вещавший свою программу момента. Корректный и элегантный Философов был в резерве. Гиппиус — увядшая, с выражением нарочитой порочности в лице, подобная ядовитому болотному цветку редона, сидела молчаливо в стороне и меряла усталовраждебными глазами в целом холодную к Мережковскому аудиторию.

Дух этих собраний был настолько чужд мне, что, независимо от интереса к лицам, на них выступавшим, я скоро перестал их посещать. <...>

В 1908 г. в Москву вернулся знакомый мне по Парижу художник С. Н. Салтанов²⁰ и устроил выставку своих вещей. Критика

похвалила Салтанова за мастерство, но отметила тусклость колорита, однотонность, назойливые самоповторения. В общем, отношение к этой первой выставке было сочувственное. В коммерческом же смысле выставка была исключительно удачной. Больше половины выставленных полотен было продано. Пришли на выставку те, кто помнил Салтанова еще учеником Практической академии. Теперь они с готовностью и даже нежностью посещали выставку и покупали салтановские творения.

Я поспешил его увидеть. Нарочно пошел рано. В выставочном помещении было совсем пустынно, около окна маячила длинная, испитая фигура. Это был — он. Но что он сделал из себя? Вместо вельветовой или холстинной куртки, в которых он ходил в Париже и которые так шли к его слегка деревянным манерам, красноватому грубому лицу, он щеголял теперь в элегантнейшем сертуке, белом галстуке, со значком сосыетера²¹ и производил впечатление костюмированного человека.

Он обрадовался мне. Эта встреча была началом долголетнего приятельства. В близком общении с ним стирались — его умственная ограниченность, недостаточная образованность, редкая словесная корявость. Он пленял — стихийностью, абсолютным отсутствием наигранности, правил в отношении к действительности. Он мог быть неприятен, груб, жесток (со своими многочисленными женами), но в этом не было характера, политики. Все выходило нечаянно, само собой, как у ребенка. Он жил инстинктом, привычными рефлексам, не осмысливая ни слов, ни поступков. Весьма значительную роль в этой «дезорганизации» воли и сознания играл его с годами усиливавшийся алкоголизм. Не пить он уже не мог.

Это не мешало ему быть подкупающе нежным не только к друзьям, но к людям вообще. С неуклюжей искренностью говорил он «ты» в первый же день знакомства мужчинам, женщинам, независимо от возраста и положения. Он первым летел на помощь, когда слышал о нужде или несчастье. О своей помощи не помнил и счетов никаких не вел. Он рождался с характером и сердцем коммуниста.

Наконец, он был просто живописен. Он не был человеком XX столетия. По своему мироощущению, реакции на окружающее, вкусам, манерам, даже наружности — он казался скорей каким-то выходцем [из] XVI, XVII века. Во всей манере его было что-то примитивно раблезианское и вместе искреннее до конца.

За все это его нельзя было не любить. На другой день после выставки он был у нас и поразил

Белочку²² и всех родных. Все считали его пьяным, хотя он был на редкость трезв и старался держаться с максимальной светскостью. С этого дня для него мы стали навсегда, в полудетской его терминологии, — «прекрасной Белочкой», «разумным Алешей», и ничто не сломало до конца наших отношений.

Печально было то, что Салтанов убил в себе художника.

Московский успех отравил его. Впервые у него оказались большие деньги. Он тратил их нелепо, кутил, немилосердно хвастал, критиков ругал, свое имя соединял со «славной тройкой» — Васильева, Саврасова и Левитана.

Прокутив свой капитал, он отправился в вояж — проехался по Каме и по Волге, побывал на Кавказе и в Крыму и через полтора года привез в Москву триста новых картин и этюдов. Открылась новая выставка в шикарном помещении на Кузнецком мосту²³. Было немало хорошего, но оно тонуло в воде старых достижений. Чувствовалась набившаяся рука, которая могла творить с закрытыми глазами. Критика обругала его почти единогласно. Тут сказались — справедливое недоверие к его чудовищной плодовитости, антипатии к его одиночеству, наивной саморекламе, наконец, даже зависть к золотому потоку, пролившемуся еще недавно на дерзкого незнакомца. В художественных кругах за Салтановым упрочилось наименование «халтурщика». Коммерческий успех все же еще был, но уже не тот.

Однако художественная неудача Салтанова ничему не научила. Обозвав своих критиков «топорами», он повез картины в провинцию, где имел успех. После смерти Л. Толстого он долго жил в Ясной Поляне и писал ее во всех видах. Часть этих картин была им пожертвована в Толстовский музей, другие были быстро распроданы. Скоро я эмигрировал и потерял его из виду. <...>

**ПЕЧАЛЬНО БЫЛО ТО, ЧТО САЛТАНОВ
УБИЛ В СЕБЕ ХУДОЖНИКА.
МОСКОВСКИЙ УСПЕХ ОТРАВИЛ ЕГО.
ВПЕРВЫЕ У НЕГО ОКАЗАЛИСЬ БОЛЬШИЕ
ДЕНЬГИ. ОН ТРАТИЛ ИХ НЕЛЕПО, КУТИЛ,
НЕМИЛОСЕРДНО ХВАСТАЛ,
КРИТИКОВ РУГАЛ, СВОЕ ИМЯ СОЕДИНЯЛ
СО «СЛАВНОЙ ТРОЙКОЙ» —
ВАСИЛЬЕВА, САВРАСОВА И ЛЕВИТАНА.**

Картины С. Н. Салтанова

*Пейзаж с церковью.
Картон, масло. 1910-е годы*

*Ранняя весна.
Картон, масло. 1912 год*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

В 1913 г. династия Романовых праздновала трехсотлетие своего исторического бытия. Ждали больших «монарших» милостей. Амнистия оказалась довольно жидкой, но преступления печати были покрыты, и я решил ехать в Россию.

Как ни любил я Париж, но многое меня тянуло на родину. В России после ленских событий нарастала новая волна общественного подъема. В России я думал связаться с издательствами и газетами насчет постоянной работы. Жена тяжело болела и лежала в клинике. Три года уже я не видел моих родных и близких. Все толкало меня на скорейший отъезд. <...>

Я уезжал из Парижа в предположении — вернуться через два, три месяца. Я был убежден, что и в амнистированной России условий, благоприятных для моей работы, не найдется и что я подведу себя вновь под удары, от которых не удастся ускользнуть, как в первый раз. Поэтому парижской квартиры я не ликвидировал. <...> С ручным чемоданом я поехал на вокзал.

На перроне московского вокзала — первый, кого я увидел, был отец. Три года, что я был за границей, старик отрывал от себя, что мог, чтоб поддержать меня. Наша радость высказалась без слов. Мы оба плакали.

Э. В. Струве (Белочка), вторая жена Борового. 1910-е годы (из альманаха: Диаспора. Новые материалы. Т. VI. СПб., 2004)

С вокзала мы поехали к брату. Здесь, кроме больной жены, собрались все близкие. Таня, совсем большая²⁴, была уже в гимназическом платье. Пошли бестолковые разговоры о всём разом; но дело было не в словах, ласка и нежность струились из всех глаз. После обеда — поехал к Белочке, лежавшей в больнице. Но оттуда меня скоро выпроводили. Вечером у брата появился мой парижский сожитель Ш., узнавший по телефону о моем приезде, и предложил билет в филармонический концерт. Так залпом я глотал Москву. Знакомые залы, сколько знакомых лиц — и никто не узнает меня. Сперва я недоумевал. Потом догадался, что неузнаваемым делает меня бритое лицо. И в самом деле, когда называл себя, слышал удивленное: «Алексей Алексеевич? Вы? Быть не может. Вас узнать нельзя».

В атмосфере постоянных сюрпризов прошли первые дни. Новое ощущение — у меня взрослая дочь-гимназистка, легко прощающая мое прошлое, чуткая к новой для нее ласке. Я беру ее с собой на международный съезд психиатров-невропатологов, на котором председательствует Николай Николаевич Баженов. Тут же встречаем моего парижского хозяина — Auguste Marie²⁵. Раскланиваемся, но не разговариваем. Старая обида, верно, еще жива. Таня необычайно довольна, что фотографии снимают съезд, и мы попадаем вместе на страницы газеты.

Пока Белочка лежит в больнице, я живу у брата, окруженный вниманием и заботой. Белочка выздоравливает. Надо устраиваться. Мы снимаем две комнаты в меблированном доме. В нем же живет Салтанов, только что вернувшийся с юга из артистической поездки.

Возвращение в Париж откладывалось. Решено было попробовать Москву. Но надо найти работу. Читаю однажды объявление, что А. А. Суворин²⁶ открывает в Москве большую газету — «Новь». Вспомнив путешествие в Петербург пять лет назад и знакомство с Сувориным, издававшим тогда радикальную «Русь», решил попытаться стать журналистом.

В редакции знакомлюсь с секретарем — Юрием Михайловичем Бочаровым, милейшим, культурнейшим человеком, превосходным товарищем, прирожденным журналистом и, как позже оказалось, моим слушателем по университету. Суворин предложил мне ежедневный фельетон, писание передовых и пр. ad libitum²⁷. Условия скромные (фикс и построчные — рублей на 250), но Суворин обещает их пересмотреть с прочтением газеты. Тут же зовет меня обедать в «Эрмитаж» в честь открытия газеты.

На обеде знакомлюсь с сотрудниками. Суворин поднимает тост — за «факт». Тост — остроумный, по-журналистски острый, но сугубо трезвый. Я принимаю вызов и произношу тост — за «иллюзию». Со следующего дня я начал работу и стал москвичом.

* * *

Я любил Москву. Конечно, это не был Париж, разом говоривший всем сторонам моего существования, но... в Москве я родился, провел детство, юность, прожил деятельнейшие, в смысле практическом, годы моей жизни. Я любил ее инстинктом. Даже в Париже к сердцу приливали теплота при звуках — Кудрино, Бутырки, Пресня. У земца Блэклова, умершего и схороненного в Париже эмигрантом, собаку звали Арбат. И в далеком от России Фонтенэ зов этот звучал почти магически. <...>

Я приехал в Москву после долгой отлучки. Я страстно хотел ее видеть. Русские люди, которых я видал за границей, рассказывали мне про чудеса обновления, совершавшиеся в Москве. И я лихорадочно ждал новую, неизвестную мне Москву.

Новый, не имеющий лица Брестский вокзал²⁸, знакомые улицы, кое-где новые дома, но... вместо великолепия какая убогость, какая нищета! Серая, оборванная толпа, зипуны, платки, валенки, все это — свое, родное, но бедное, неуклюжее, грязное. <...>

Где же возвышающие впечатления? Париж убивал, но убивал богатством. Москва рождала тоску и глубокую, щемящую жалость. В пучине бедности не было видно наших богатств.

И тот же налет серости, тяжелого «глубокомыслия» лежал на лицах москвичей. После Парижа, французов — поражала общая угрюмость. Половина ваших знакомых, с которыми вы в прекрасных отношениях, вдруг не пожелают вас узнать. Не потому, что вас внезапно разлюбили или узнали вещь, которая порочит вашу честь, а просто так — от лени, от незнания, о чем говорить, от худо скрытой мизантропии.

Заговорите. Польются жалобы. Все может быть предметом недовольства — сама Москва, погода, театры, сообщения, служба. Страдают от политики, от родственной любви, своей профессии. И от последней — более всего. Нигде нет такого отвращения к своему «делу», как у нас, в России. Это — чисто русское явление. <...>

Русские — за редчайшими исключениями, не любили своего дела. Заводчик хотел быть поэтом, юрист — врачом, врач — адвокатом,

профессор мечтал быть министром. Полиция ругала свою службу, и всем всегда завидовал полуголодный журналист. Но необходимость работать в нелюбимом деле коверкала характер. Русский интеллигент — угрюм, брюзглив. Он проклинает свое дело, презрительно относится к товарищам, надоедливо твердит, что служба — не настоящее его призвание, что в иных условиях он мог бы развернуть свои дарования, а здесь они глоснут, пропадают; растит в себе несообщительность и злость и только временами, в припадке необъяснимой откровенности, раскрывает настежь свою душу. <...>

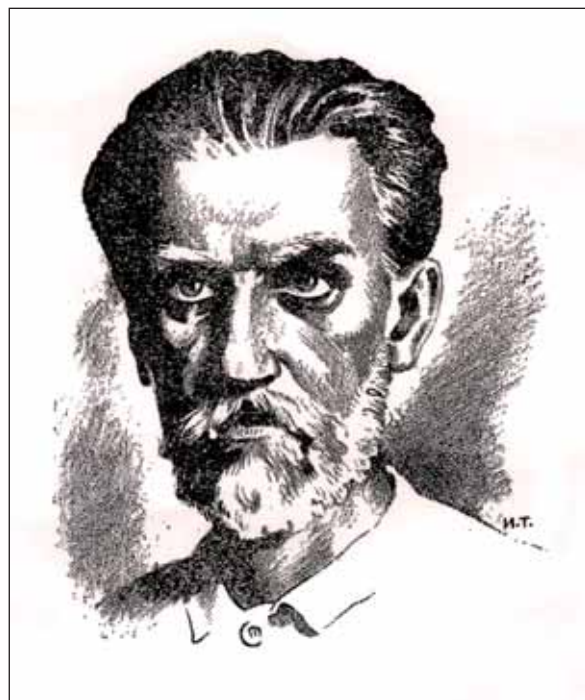
«Новь» была газетой недолговечной. Она прожила четыре, пять месяцев в 1914 г. (январь—апрель), приостановилась в связи с временными финансовыми затруднениями ее руководителя и «хозяина» — А. А. Суворина, возобновилась с началом войны, просуществовала месяца три и угасла навсегда по причинам, лежавшим уже в природе личного своеобразия самого Суворина.

Алексей Алексеевич Суворин, старший сын нововременского, как индивидуальность был очень любопытен. По природе он был бунтарь, и потому эмансипировался из-под ферулы деспотического отца, несмотря на беспечальные перспективы пребывания в монументальном «Новом Времени». Но бунт его — был бунт за власть, такую же деспотическую и самодурную, какой была и власть отца.

Несмотря на разнообразные культурные надстройки и прослойки в Суворине-сыне, старый унаследованный лозунг «моему нраву не препятствуй» в конце концов был определяющим лозунгом его деятельности. Он мог проявлять ценную инициативу, затевать полезнейшие предприятия, но всегда в роли неограниченного самодержца. Противоречий не выносил, самостоятельность одной рукой поощрял, другой давил. Лицам, желавшим иметь собственное «я», работать с ним было тяжело, невыносимо. Я испытал это на себе. И конец газеты был обусловлен прежде всего его конфликтом с двумя-тремя наиболее ответственными и самостоятельными работниками.

С бытательской точки зрения, Суворин был «чудак».

Он был бесспорно и незаурядно умен — острым, колючим, насмешливым умом. Он обладал немалым опытом. Но доминировавшей чертой его характера была беспредельная вера в себя и в свою выдумку. Мысль, органически ли выросшая в нем или пришедшая извне, но усвоенная им, владела

Алексей Алексеевич Суворин

Обложка книги А. А. Суворина

им до конца. Он становился фанатиком ее, готов был хоронить для нее все, нести для нее любые жертвы. Поэтому нередко утверждения его и действия поражали прямолинейностью, сумбурностью.

Чудесным образом в нем уживались противоположные люди: делец, кулак, даже выжига, учитывавший грош, способный разойтись с нужнейшим человеком из-за копейки, и мистик, апостол индусской философии, проповедовавший воздержание и бескорыстие, отрешение «от мира», сосредоточенное размышление о судьбах космоса. Он мог быть обаятельно внимателен, ласков, вашу судьбу сделать своей, и несдержимо груб и резок и бессмысленно жесток.

Идея кооперации была одной из его любимых идей, в этой области он не только теоретизировал, но и строил практически. Вместе с тем был заядлым собственником, способным с пеной у рта отстаивать грошовый интерес. Он любил — план, расчет, стремился всячески к рационализации своего предприятия (газеты) и вместе с тем ежеминутно с легким сердцем шел на любую авантюру, любой риск, способный разом опрокинуть все его хитроумные расчеты. Так было, например, всегда в вопросе привлечения сотрудников. Определенная репутация

СУВОРИН БЫЛ БЕССПОРНО И НЕЗАУРЯДНО УМЕН — ОСТРЫМ, КОЛЮЧИМ, НАСМЕШЛИВЫМ УМОМ. ОН ОБЛАДАЛ НЕМАЛЫМ ОПЫТОМ. НО ДОМИНИРОВАВШЕЙ ЧЕРТОЙ ЕГО ХАРАКТЕРА БЫЛА БЕСПРЕДЕЛЬНАЯ ВЕРА В СЕБЯ И В СВОЮ ВЫДУМКУ. <...> НЕЗАДОЛГО ДО НАШЕГО ЗНАКОМСТВА ОН ВЫПУСТИЛ ПОД ПСЕВДОНИМОМ АЛЕКСЕЯ ПОРОШИНА ОГРОМНЫЙ — НЕБЕЗЫНТЕРЕСНЫЙ, НО ПУТАНЫЙ ТОМ «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»...

имела вес в его глазах. Иначе — какими соображениями мотивировалось бы, например, приглашение меня в газету? Как журналист я не имел имени. Но прежде всего он любил — и чувствовал себя в этом непогрешимым — «открыть», «изобрести» сотрудника. Причем

открытие базировалось не на какой-нибудь приглянувшейся ему сильной стороне нового работника, а на мимолетном впечатлении, иногда от физиономии. Однако психологическая проницательность ему нередко изменяла, и он окружал себя ничемными людьми, которых потом или отставивал с упорством, или выкидывал с треском.

Незадолго до нашего знакомства он выпустил под псевдонимом Алексея Порошина огромный — небезынтересный, но путанный том «Новый человек», в котором, наряду с изложением основ индустриальной философии, велась яркая пропаганда не только безубойного питания, но и «голодания» как средства полного обновления организма. Выполняя предписания своей морально-гастрономической философии, он целый день жевал финики. За обедом питался преимущественно хлебом и плодами. Съесть яблоко было для него целой наукой. Каждый кусок должен был быть превращен в идеальное кашицеобразное состояние, для чего требовалось не менее пятидесяти жевательных движений.

К составу редакции «Нови» — кроме Суворина и меня принадлежали еще: Ф. Купчинский, Борис Ивинский (Борский), Ликиардопуло и секретарь Ю. М. Бочаров.

Наиболее любопытной «фигурой» был Купчинский.

Студентом Петербургского университета он ездил от «Руси» военным корреспондентом на Японскую войну. Там он проявил немалую энергию, настойчивость и храбрость, за что был даже награжден солдатским Георгием. Известность его началась с появлением его нашумевшей книги «Порт-артурские герои». Книга эта — малоинтересна, с точки зрения общих характеристик, довольно слаба литературно, но очень агрессивна и богата в смысле подбора материалов, тяжелых для репутации так называемых порт-артурских «героев» (Стесселя, Фока, Рейса и др.). Когда посыпались возражения, Купчинский не сбавил тона, а еще более заострил отношение к сброду, продававшему русского солдата, и имел успех. Книга дала Купчинскому имя смелого и радикального публициста.

Он был еще молод, лет тридцати, не более. Огромный, статный, рыжий, занимавшийся спортом, ежедневно по утрам катавшийся верхом, по внешнему виду, манерам, костюму — он был классическим типом англишмена.

И «писатель» он был своеобразный. Уместен, ограничен, малообразованный, притом находившийся всецело под влиянием Суворина, нахватавшийся теософских воз-

зрений и сливший их с идеей необходимости всесторонней и систематической физической культуры, он выработал сумбурнейшую мешанину, которую и преподносил на страницах газеты как философию «нового человека».

Учительский тон его фельетонов сочетался с безграничной наивностью, маниловщиной и поразительным безвкусием. В пустых, тягучих, как слюна, сладких, как патока, фельетонах он обращался к массам и при помощи пятактовых «истин» учил их жизни. Я не мог без отвращения прочесть десяти строк этой иудушкиной болтовни. Суворина в разработке подобных тем спасали — ум, злость, способность к парадоксам. У Купчинского нищета замысла ничем не маскировалась. Пресная жвачка! И... тем не менее, я должен констатировать: он имел успех. Никто из нас не получал такой огромной читательской корреспонденции. Его благоглупости утверждались, развивались, оспаривались. Сотни, может быть, тысячи мешан явно жили этой мутно-самодовольной кашцей.

Суворин любил Купчинского как свое «изобретение», выдвигенца, да и как коммерсант ценил его газетный успех. Мы с Купчинским были в более чем прохладных отношениях. Мое мнение о его «философии» ему было известно. К концу нашей совместной работы мы почти не разговаривали. После закрытия «Нови» он поехал на мировую войну корреспондентом какой-то газеты, но скоро умер.

Борис Иванович Ивинский (Борский) был редактором, правил репортажный материал, участвовал в выпуске газеты. Человек технически очень опытный, работавший легко, продуктивно, даже блестяще, к идейному руководству он касательства не имел и, кажется, к нему был совершенно безразличен.

Иностранным отделом ведал Ликиардопуло, изящный, культурный человек, секретарь Художественного театра, большой знаток балета, хорошо знавший европейские языки, переводчик Уэльса etc. Но было все же не совсем ясно, почему ему был вверен иностранный отдел газеты. В этом смысле он также был «изобретением» Суворина, скорей удачным, тем более, что «Новь» была газетой преимущественно «внутренней» и в вопросы «высокой политики» не лезла.

Ликиардопуло — эстет, балетоман, один из представителей московского дэндизма, в действительности был натурой иного порядка.

В 1915—16 гг. он внезапно исчез из Москвы и появился вновь через два месяца. Его исчезновение было вызвано экстраординарными причинами. Он успел побывать в воюющей Германии в качестве военного шпио-

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

*М. Ф. Ликиардопуло. Фотография 1911 года
(из книги: Минувшее. Исторический альманах.
М.-СПб., 1993)*

на. Прельщенный высоким заработком (чуть ли не 25 тысяч рублей), он взял на себя выполнение какого-то поручения Главного штаба. Его рассказ мог смело конкурировать с самыми беззастенчивыми авантюрными романами. Снабженный обильными и точнейшими инструкциями штаба, которые он должен был запомнить наизусть, в качестве нейтрального греческого купца (он владел греческим языком и хорошо знал Грецию), он объехал значительную часть Германии. О характере поручения он, разумеется, ничего не мог сказать. Слежка за ним была бдительна и непрерывна. Неоднократно в разных пунктах Германии — его обмывали с ног до головы разными сортами жидкости, вводили в задний проход электрическую лампочку, допрашивали самым хитрым иезуитским способом. Ликиардопуло с честью вышел из испытания, но за 1½ — 2 (?) месяца — от сильнейшего напряжения, хронически тревожного сна, настороженной двойной жизни, он разбил вдребезги нервную систему и по возвращении на родину должен был упорно лечиться. Свой триумф он зафиксировал опубликованием в одной из московских газет некоторых подробностей своего необычайного маршрута. В подтверждение подлинности свое-

го рассказа он предлагал немцам разобрать микроскопическую подпись его фамилии, нацарапанную им на железном гвозде, который он собственноручно вбил в грандиозный воздвигающийся тогда памятник Гинденбургу (деревянный остов должен был быть покрыт железными, бронзовыми и золотыми гвоздями — по желанию и карману почитателей великого фельдмаршала).

О Ю. М. Бочарове я уже сказал. Позже, в 1918 г., когда я сам редактировал московскую газету «Жизнь» — мне пришлось сойтись с ним еще теснее. Вскоре по прекращении этой газеты он, социал-демократ «интернационалист», перешел в коммунистическую партию, работал в Центрархиве, в Институте журналистики, потом занялся историческими работами, о чем мечтал и ранее.

В ряду других сотрудников можно назвать философа-мистика В. Свенцицкого, после Октября ставшего священником, Успенского, автора ряда работ о четвертом измерении, Шполянского (Дона Аминадо), веселившего читателей остроумными фельетонами в стихах. Парижским корреспондентом газеты был А. В. Луначарский. После одного из моих фельетонов, в котором я, трактуя о революционном синдикализме, критиковал западноевропейскую социал-демократию, он отказался было от сотрудничества. Но Суворин убедил его остаться путем каких-то уступок. <...> С войной «Новь» заняла оборонческую позицию, и Луначарский окончательно ее покинул.

Довольно этого беглого перечисления наиболее заметных сотрудников газеты, чтобы понять, сколь неопределенным было ее «направление». По существу, она не имела никакого, будучи неимоверной смесью всяких настроений и вкусов. Самый крайний радикализм уживался в ней с откровенной, ничем не прикрытой проповедью мистики. Редакция физиономии не имела. В пределах суворинских капризов в порядке фаворитизма сотрудники пользовались неограниченной свободой, могли брать любые сюжеты и зарабатывать их в любом направлении.

Но... беспорядочная, «беспринципная» газета в своем роде была талантлива. В ней все было — беспокойством, исканием, призывом. Она будировала мысль читателя, по преимуществу провинциального. Она имела немало фанатических поклонников. Ее нельзя было никак смешать ни с академизмом и ханжеством «Русских Ведомостей», ни делячеством «Русского Слова», ни бульварщиной «Раннего Утра».

Газета уделяла очень много места — земству, кооперации, школьному вопросу, военному

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

делу, техническому изобретательству, библиографии (отделом заведовал я), курьезам из всех сфер — опытам факиров, читающим и считающим лошадам, собакам и т. д. В сотрудниках числились разнообразнейшие люди — от профессоров университета до вполне малограмотных людей. Печатались романы, был неплохой иллюстративный отдел. Одно время литературно-художественным отделом ведал популярный тогда беллетрист Марк Криницкий (Михаил Владимирович Самы-

гин). Он, разумеется, печатал в «Нови» и свои вещи. В одном из его романов — не помню уже названия — герой попадал в публичный дом и здесь предавался иступленной меланхолии. Как-то раскрываю утром очередной номер газеты. В романе — явный немыслимый прыжок. Герой, так и не закончив своих метафизических исканий, переключивается в другое место. Прихожу в редакцию. Криницкий рвет и мечет. Настаивает на немедленном объяснении с Сувориным. Суворин — любезен, мил, но беседу ведет в тоне мрачного юмора. «Знаете, уж очень ваш герой засиделся в непотребном месте. Я его, на свой страх, увел оттуда». Дело кончилось миром.

Когда началась мировая война и футуристы пели ей пламенные дифирамбы, Суворин задумал отвести поэзии в «Нови» постоянное место. Как-то обратился ко мне: «Алексей Алексеевич, «Франция..., Италия..., Бельгия...» (Маяковского) — это хорошо²⁹. Попечатаем футуристов. Нам необходимо поддерживать новые литературные течения. Поговорите с Маяковским, Большаковым, Шершеневичем³⁰... Возьмите дело на себя, будьте хозяином еженедельной футуристической страницы». — Начали печатать футурис-

**Я ЛЮБИЛ МОСКВУ. КОНЕЧНО,
ЭТО НЕ БЫЛ ПАРИЖ, РАЗОМ
ГОВОРИВШИЙ ВСЕМ СТОРОНАМ
МОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, НО...
В МОСКВЕ Я РОДИЛСЯ, ПРОВЕЛ
ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ПРОЖИЛ
ДЕЯТЕЛЬНЕЙШИЕ, В СМЫСЛЕ
ПРАКТИЧЕСКОМ, ГОДЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.**

*Москва 1910-х годов (из альбома: Шелаева Е. П. Москва в старых фотографиях.
Конец XIX — начало XX века. СПб., 2009)*

ИЗ ДАЛЬНИХ ЛЕТ

тов. Маяковский огромными шагами мерял мою комнату и громогласно скандировал стихи. Память его была изумительна. Без преувеличения, он знал всю русскую поэзию наизусть. Томный Большаков сидел, мечтательно, молчаливо улыбаясь. Приходили — Ларионов, Гончарова. Как-то Маяковский набросал мой карандашный портрет. Роман с футуристами продолжался недолго. Недели через три Суворин заявил: надо покончить с футуристической страницей. Чепуха! Из-за одного хорошего стихотворения не стоит портить столько бумаги. Моя «защита» успеха не имела. Суворин охладел. Его симпатии перенеслись к открытому им — Валентину Горянскому³¹.

«Новь» была не столько газетой, сколько общедоступным еженедельным журналом. Специально суженного формата, страниц на 6, на 8 и даже на 12, с многочисленными и разнообразными иллюстрациями, небывалым обилием отделов, трактовавшая решительно обо всем, всегда далекая от трафаретов, удовлетворявшая самым пестрым потребностям, наконец, стоившая всего две копейки — она скоро завоевала обширную аудиторию. Помнится, через два месяца ее тираж достиг сорока тысяч экземпляров. Особенный успех она имела среди народных учителей и той многочисленной разношерстной публики, которая, не гоняясь за строгостью и чистотой убеждений, выше всего ставит вопросы самообразования. Об этом свидетельствовали и письма читателей — преимущественно молодежи, не прошедшей серьезной школы или готовившейся к ней и жадно хватавшейся за все «новое» — в плане мысли и в плане практики — и очень дорожившей возможностью получить ответы на любые возникавшие вопросы. В этом смысле «Новь» была явлением незаурядным, приближаясь по типу к более богатому, но столь же «беспринципному» и пестрому «Вестнику знания». Но «Новь» не имела налета рекламной пошловатости, образовавшегося со временем на последнем. Незадолго до закрытия «Нови» читатели ее имели свои кружки; в специально снятом на Кузнецком мосту огромном помещении Суворин предполагал организовать клуб, лекционный зал и пр.

* * *

Я на газетную работу пошел охотно. Меня соблазняла мысль — хотя в печатной форме говорить публично. Да и выбора у меня, по существу, не было. На учено-педагогической карьере после моих политических злочлочений был поставлен крест. К адвокатуры у меня

было «анархическое» предубеждение. Служить в коммерческом предприятии казалось мне вовсе неприемлемым.

Запас тем для газетной работы казался мне неисчерпаемым. Однако я скоро убедился, что девять десятых моих тем — темы не газетные, и пришлось искать, даже «изобретать» острые и актуальные темы. Сперва это давалось без труда. Но через месяц ежедневного писанья я почувствовал, что «темы» начинают иссякать. К тому же оправдывать на собственном примере и язвительное замечание Карлейля: «Самый загадочный борзописец, это — редактор ежедневной газеты. Обратите внимание на его руководящие статьи — как трактуют они и как прилично написаны. Они походят на солому, которую уже сто раз молотили, не получив от нее ни единого зерна, на пустой звук или на преходящее явление, которое уже не раз оказывалось пустяками».

Пришло беспокойное время. Утром, просыпаясь, я мечтал на потолке увидеть таинственную руку, чертящую мне злободневное «мане, факел, фарес, упарсин». Увы! Рука не появлялась. Темы не было. Я подходил к библиотеке брата — я жил у него, перелистывал книги, чтобы найти «синюю птицу». Нет, не шла. А надо было ее иметь во что бы то ни стало.

К часу дня я шел завтракать в популярнейшую тогда у московских журналистов кофейню Филиппова на Тверской. Здесь <...> прочитывал кучу газет (общих и экономических). Чтение давало мне мысли для «передовичек».

Передовички «Нови» были — оригинальным, остроумным и продуктивным изобретением самого Суворина. Как правило, они не могли иметь более сорока строк. Но подлинно суворинские, нормальные передовички не могли превышать 5, 10, максимум 20 строк! В основу их должен был быть положен бесспорный и острый факт. Затем — пикантный, но... возможно лаконичный «соус». Собственно, несколько слов, сообщавших факту ударное значение. И гонорар был установлен обратно пропорционально размерам передовички. Высшая норма, если мне не изменяет память, 15 копеек за строку, полагалась за передовичку не длиннее 15 строк. За нее приплачивали еще небольшой фикс — не то 50 копеек, не то рубль. При двадцати строках норма оплаты стремительно падала и шла *diminuendo*³² параллельно словоохотливости автора. Разумеется, не все умели приспособиться к этому типу ударных заметок. Удачнейшие из них — легко схватывались, усваивались, как лозунги. Темы для таких передовичек и давало ежедневное чтение газет, а также собственные корреспонденты «Нови».

А. А. Боровой.
Фотография 1928 года

ПРИШЛО БЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ.
УТРОМ, ПРОСЫПАЯСЬ, Я МЕЧТАЛ
НА ПОТОЛКЕ УВИДЕТЬ ТАИНСТВЕННУЮ
РУКУ, ЧЕРТЯЩУЮ МНЕ ЗЛОБОДНЕВНОЕ
«МАНЕ, ФАКЕЛ, ФАРЕС, УПАРСИН».
УВЫ! РУКА НЕ ПОЯВЛЯЛАСЬ.
ТЕМЫ НЕ БЫЛО.

Но... завтрак и чтение газет кончались, а темы для фельетона не было. К трем, четырем часам я был в моем кабинете на Большой Дмитровке, болтал с шумливыми, обо всем осведомленными товарищами, слушал сплетни от пестрой публики, всегда толкающейся во всех редакциях. К шести часам фельетон, по условию, должен был быть в типографии. И... поразительна своеобразная инерция мозга. К 4–5 часам дня тема — приходила, новая, неожиданная, о которой не думалось ни вчера, ни сегодня. И можно было только удивляться, почему ее не было раньше. Между 5 и 6 часами статья писалась и отсылалась. <...>

За пять, шесть месяцев работы я написал уйму фельетонов. Далекое не все были удачны: были надуманные, торопливые, поверхностно-парадоксальные, не по газетному тяжеловесные. Но иногда выливались и хорошие — цельные, крепко сделанные, цепляющие. Суворин к моему журнализму относился, с высоты многолетнего опыта, благожелательно. За все время моей работы он снял два фельетона, и один из них о Марке Аврелии как слишком не по газетному философический. За эти месяцы у меня образовались связи и с читательским миром. Было немало любопытных, острых корреспондентов, определявших многое в моей фельетонной работе. Некоторые читатели меня кое-чему научили. Некоторые беспощадно меня критиковали. Вообще же журнальная работа — даже учитывая ее очевидные дефекты — легковесность, погоню за остротой, — была мне полезна, избавив в письме от многих традиционных педантических приемов.

*Публикация и предисловие
Сергея Викторовича Шумихина*

¹«Жизнь моя так скудна, что ее нечем отмечать — кроме как регистрацией прочитанных книг. Иногда в сутки я говорю не более дюжины слов».

²Жену С. А. Соколова-Кречетова (они расстались в 1907 г.), помогавшую ему в создании издательства «Гриф», Нину Ивановну Петровскую (1879—1928) с конца 1904 г. соединил многолетний любовный союз с Валерием Брюсовым, полностью поглотивший ее внутренний мир. Фрагменты писем Брюсова к Петровской опубликованы в «Литературном наследстве» (т. 85. М., 1976); она стала прототипом героини его романа «Огненный Ангел» (1907—1908).

³«Скорпион» — символистское издательство, журнал «Весы» — печатный орган символистов.

⁴Младшие боги; перен. — люди, занимающие второстепенное положение (*лат.*).

⁵Это утверждение Борового ошибочно: к литературному течению акмеизма Ходасевич отношения не имел, скорее, был его противником.

⁶Первой женой 19-летнего Ходасевича в 1905 г. стала 18-летняя Марина Рындина, дочь полковника из богатой московской семьи. Она ушла от поэта в 1907 г.

⁷Койранский Александр Арнольдович (Ааронович. 1874 — 1968) — беллетрист, поэт,

критик, художник, театральный деятель. Его выразительный и одновременно язвительный портрет оставил в своих воспоминаниях Борис Садовской: «Колоритной фигурой тогдашней Москвы является Александр Койранский. Эйфелеву башню можно уменьшить до размеров пресс-папье, превратить в брелок. У Григоровича был подсвечник в виде Эйфелевой башни, подарок Стасюлевича с парижской выставки 1889 года.

Встречаются писатели, художники, даже философы такого же миниатюрного склада. Куда годится еле видный осколок алмаза — им и стекла не разрежешь, — а между тем он настоящий драгоценный камень. В Японии водится карлик-сокол: он с бабочкой не сладит — и все же это благородная хищная птица, а не какой-нибудь воробей.

Койранский был таким же игрушечным декадентом. Маленький, остренький, старообразный — к двадцати годам борода и плешь, — в зеленой студенческой тужурке «царского сукна», Койранский в одно и то же время мыслитель, поэт, живописец, музыкант и театральный рецензент. На всех выставках и первых представлениях можно встретить его рыжую бородку и пенсне, услышать отчетливые резкие суждения. И все в гомеопатических дозах.

Но Койранский служит не просто искусству, а непременно «новому»: берется решать задачи нынешнего, даже завтрашнего дня. И, конечно, на деле ловит лишь вчерашний. Читается реферат, Койранский возражает; вы думаете, по существу? — О, нет. Но вчера он пробежал только что вышедшую брошюру на ту же тему, и вот выхватил оттуда две-три мельчайших подробности, которых не знает референт. <...> Рисует Койранский виньетки, концовки, заглавные буквы; разумеется, все в самом декадентском стиле. Обозревая выставки, бранит отсталых Репина и Васнецова, зато поощряет новейшие светила. В первых книжках «Весов» есть его обзоры за подписью Александр — ский. Об Айседоре Дункан, Дебюсси, Никише Койранский может говорить и писать без усталости. И все это не просто, а с форсом, пуская пыль в глаза.

— Третьяковскую галерею надо сжечь, — сказал он мне.

— И море Айвазовского?

— Это сухое море.

Возразить я не посмел: апломб столичного критика подавляет меня, провинциала. Вспоминаю, кстати, отрывок из беседы между Брюсовым и Белым.

— Валерий Яковлевич, знаете, Койранский нарисовал обложку к «Стихам о Прекрасной Даме» и, к удивлению, хорошо.

— Что ж, он человек старательный.

Невозможно точнее выразить суть Койранского. Не усердный, не прилежный, а именно старательный. — Рад стараться! — кричит солдат. Чему рад? Тому, что отличился.

Однако Блок «хорошую» обложку забраковал, и в «Грифе» заменили Койранского другим художником. Из «Весов» он выбыл скоро, после первой виньетки. В «Весах» за виньетки платили известным художникам по десяти рублей, начинающим по пяти. Койранский начинающим не был, но и не был известным; поэтому С. А. Поляков предложил ему семь рублей.

— Семь с полтиной, — оборвал Койранский.

Взял деньги и вышел не простясь» (*Садовской Б. А. «Весы». Воспоминания сотрудника // Минувшее. Т. 13. М.-СПб., 1993. С. 22–23).*

⁸Стражев Виктор Иванович (1879–1950) — поэт, прозаик, археолог, педагог. Упомянутая «трагическая история» связана с голословным обвинением Стражева в сотрудничестве с охранным отделением и, как следствие, его травле со стороны «либералов».

⁹Гофман Виктор (Виктор-Бальтазар-Эмиль) Викторович (1884–1911) — поэт, прозаик, критик, переводчик. В состоянии душевной депрессии покончил с собой.

¹⁰6 октября 1913 г. на праздновании юбилея газеты «Русские ведомости» И. А. Бунин произнес в Литературно-художественном кружке речь, направленную против «уродливых, отрицательных явлений» в русской литературе. До конца жизни он отвергал творчество символистов.

¹¹Новиков Иван Алексеевич (1877–1959) — поэт, прозаик, драматург, эссеист. Уже в советское время сделал неоднократно переиздававшийся перевод «Слова о полку Игореве» (1-е изд. — М., 1938).

¹²Названы: Кожевников Валентин Алексеевич (1867–1931) — издатель-редактор, драматург, инженер; Кондратьев Александр Алексеевич (1876–1967) — поэт, прозаик, критик, мемуарист; Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966) — ученый-археолог, поэт, переводчик, критик, брат В. Я. Брюсова; Мирэ (псевдоним Александры Михайловны Моисеевой. 1874–1913) — прозаик, переводчица; Дымов Осип (Иосиф Исидорович Перельман. 1878–1959) — прозаик, драматург, журналист, в 1913 г. уехавший в США. «В. и К. Ивановых» идентифицировать не удалось.

¹³Собрания проходили в здании Купеческого клуба на Б. Дмитровке, где ныне театр «Ленком».

¹⁴Баженков Николай Николаевич (1857—1923) — психиатр, общественный деятель.

¹⁵«*Honny soit qui mal y pense*» («Пусть будет стыдно тому, кто подумает об этом дурно») — девиз английского ордена Подвязки.

¹⁶Разбор Боровым достаточно путаной и сумбурной теории Георгия Чулкова и Вячеслава Иванова в публикацию не включен.

¹⁷Приведем отзыв Борового о воспоминаниях Боборыкина, сделанный уже после смерти последнего (Боровой вел учет прочитанным книгам и его микрорецензии весьма любопытны): «Боборыкин П. Д. За полвека (Мои воспоминания). Что за бездарное животное! Феноменально трудолюбивое, многознающее, чудовищно плодовитое — но сумбурное и никчемное. Столько смотреть, видеть, слышать, записывать, обдумывать, обрабатывать (всего не менее 1500 печатных листов!!!), печатать, и в результате — убивающий ноль. Были моменты — и его почитывали, кое-что брали на сцену, говорили речи, избирали в академию (неужели Толстой не издевался, 6 раз написав его имя) и... какой же памятник на этой горе бумажного мусора. Не знаю, есть ли еще другой, столь же разительный пример творческого недержания и творческого бессилия. Остается память о неутомимой машине, проработавшей 60 лет с лишком на холостом ходу. <...> И только иногда, нечаянно, у него прорвется — человеческое: «Тургенев. Человек в жизни своей не имел ни жены, ни открытой любовницы, ни закадычного друга» (РГАЛИ. Ф. 1023, оп. 1, д. 175, л. 598—599).

¹⁸«Факелы» — издававшиеся Г. И. Чулковым сборники, где редактор собрал под одной обложкой представителей разных, подчас полярных литературных течений. «Этот литературный эклектизм должен был, по моей мысли, подчеркнуть, что «Факелы» представляют вовсе не какую-нибудь новую поэтическую школу, а объединяют ревнителей разных школ на одной идейной теме», — писал Чулков в своих воспоминаниях (Чулков Г. И. Годы странствий. М., 1999. С. 105—106). В 1906—1908 гг. вышли 3 выпуска «Факелов», на чем издание прекратилось.

¹⁹Метнер Николай Карлович (1879/80—1951) — композитор и пианист. В 1921 г. эмигрировал.

²⁰Салтанов Сергей Николаевич (1870—1917) — художник и график.

Получил известность как «певец Ясной Поляны». В 1914 г. уехал в Париж, где прежде получил художественное образование; умер во Франции.

²¹Участника (*от фр. societair*), в данном случае — участника выставки.

²²Вторая жена А. А. Борового Эмилия Васильевна Шеляпина (урожденная Струве, племянница П. Б. Струве).

²³Выставочный зал помещался на втором этаже магазина Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова (там и сейчас Дом фарфора). Кузнецовская фирма, говоря современным языком, «спонсировала» эти выставки — например, просуществовавшего недолго, но внесшего большой вклад в художественную жизнь Москвы объединения «Голубая роза».

²⁴Таня, дочь А. А. Борового, — в годы его эмиграции вернулась с матерью в Россию и жила у дедушки с бабушкой.

²⁵Auguste Marie — французский врач-психиатр, в доме которого Боровой жил, исполняя обязанности своего рода «гувернера» при юном саврасе Т., сыне русской миллионерши, которого доктор лечил от алкоголизма. Пансионер был чрезвычайно выгоден, так как мать хорошо платила, и Marie желал, чтобы «лечение» продолжалось как можно дольше. Через два месяца Боровой убедился в своем бессилии принести какую-нибудь пользу Т. и в разговоре начистоту с приехавшей из России матерью сказал, что деньги, которые она тратит на него, летят на ветер, посоветовал забрать сына и увезти в Россию. Отъезд Т. стал концом отношений Борового и супругов Marie, которые не смогли простить такой «измены».

²⁶Суворин Алексей Алексеевич (1862—1937) — журналист (псевдоним Алексей Порошин); сын издателя «Нового времени» А. С. Суворина. Проповедовал лечение голодом; в эмиграции в Югославии получил прозвище «апостол голодания». Умер в Париже в отеле, отравившись светильным газом: неясно, было ли это самоубийством, или «апостол» просто забыл привернуть рожок.

²⁷По желанию (*лат.*).

²⁸Ныне — Белорусский.

²⁹Имеется в виду стихотворение Маяковского «Война объявлена» (20 июля 1914 г.), начинающееся так: «Вечернюю! Вечернюю! Вечернюю! / Италия! Германия! Австрия!».

³⁰Вскоре, став одним из основателей имажинизма, В. Г. Шершеневич уже трактовал футуристов как своих литературных противников. Разбираться в оттенках тогдашних литературных баталлий здесь, впрочем, не место.

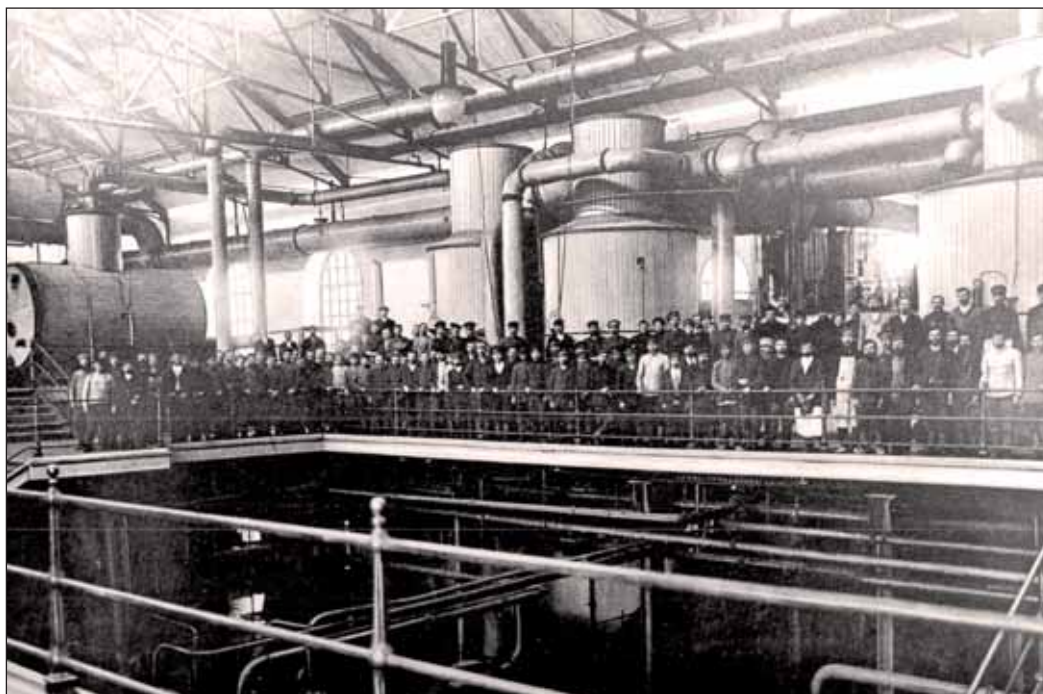
³¹Горянский (настоящая фамилия — Иванов) Валентин Иванович (1887—1949) — поэт, драматург, сатирик.

³²Музыкальный термин, означающий постепенное ослабление силы звучания (*ит.*).

Сергей Александрович Рогатко

«Обработка ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ»

**Пищеперерабатывающая промышленность России
во второй половине XIX — начале XX века**

*Группа мастеров и рабочих в цехах сахарного завода Боткиных.
Фотография 1913 года из книги: Всероссийская выставка 1913 года в Киеве.
Ново-Таволжанский сахарный завод Товарищества Боткиных. Киев, 1913*

Долгое время история развития отечественной пищевой промышленности в достаточной степени не изучалась, оставаясь в тени общих аграрных и продовольственных проблем, — как, впрочем, и сама эта отрасль не являлась приоритетной для власти в рассматриваемый период. Между тем складывалась она с древних времен — достаточно вспомнить существовавшие в средневековой Руси сообщества хлебопеков, солодовников, коврижников, квасников, пивоваров, медоваров. Во второй половине XIX столетия в России сохранились профессиональные предпринимательские союзы переработчиков

сельхозпродукции — например, Всероссийский и региональные съезды мукомолов, Всероссийский съезд винокуренных заводчиков и спиртопромышленников¹, Союз сибирских маслодельных артелей, Императорское Российское общество рыбоводства и рыболовства, организованные в рамках Московского общества сельского хозяйства Комитет сахароваров и Московский холодильный комитет... В начале XX века возникли различные чисто продовольственные биржи: хлебная, масляная, мясная и скотопромышленная, курятно-дичная, яичная, фруктовая, чайная, винная. В Москве был даже специальный

Биржевой комитет Московской биржи пищевых продуктов и вин². Пищеперерабатывающее предпринимательство широко представлялось на всероссийских и отраслевых выставках. Таким образом, очевидно: в то время пищевая промышленность в России представляла собой достаточно самостоятельную и мощную сферу экономики. По многим позициям (зерновой хлеб, отруби, сливочное масло, птица, икра и некоторые другие) наша страна в 1870–1880-х годах в значительной мере определяла цены на основных европейских рынках, позволяя удерживать разумный баланс между экспортом и импортом продовольствия. Это и понятно: чем сильнее становились российские «пищевики», тем более преобладали в отечественном экспорте переработанные, а не первичные продукты.

Однако специфика данной отрасли предпринимательства — прежде всего ее тесная связь с сельским хозяйством, которая, трансформировавшись в агропромышленную интеграцию, могла бы стать эффективнейшим инструментом решения продовольственных задач, стоящих перед империей, — властью учитывалась слабо. Да, представители отраслевых пищеперерабатывающих союзов иногда приглашались на ведомственные и межведомственные совещания — в частности, совещания Таможенно-тарифного отделения Министерства торговли и промышленности³, участвовали в работе главных общероссийских предпринимательских организаций, созданных в 1906 году в ходе столыпинских

реформ, — Съездов представителей промышленности и торговли и Съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства⁴. Кстати, идея создания последних возникла в 1903 году в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905) под председательством С. Ю. Витте⁵. И опять же: специфическим нуждам пищепереработки членами Особого совещания должного внимания уделено не было. Они главным образом рассматривали общие экономические и административные вопросы развития аграрной сферы: улучшение молочного хозяйства, хлебной торговли, специальных отраслей сельского хозяйства — огородничества, садоводства, пчеловодства, птицеводства, хмелеводства и так далее⁶. Что же касается отраслей, связанных с первичной переработкой пищевого сырья: мукомольной, крахмально-паточной, маслосточной, винокуренной, пивоваренной, сахарной, а также с переработкой более глубокой: хлебопекарная, мясомолочная, кондитерская, чайная промышленность, производство уксуса, горчицы, минеральных вод, колониальная и гастрономическая торговля, — ими занимались только на уровне местных губернских комитетов в Европейской России, и то не всеми⁷. Даже такая значительная продовольственная и пищеперерабатывающая отрасль, как рыбная промышленность (рыболовство и рыбоводство), в трудах Особого совещания проходила по разделу «Подсобные промыслы из категории добывающей промышленности»⁸. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что с 1900 по 1917 год в Министерстве торговли и промышленности существовал комитет по делам обрабатывающей промышленности⁹. Однако он в основном ведал вопросами устройства и содержания предприятий, таможенного тарифа, организации художественно-промышленных выставок, а также контролировал права собственности. Здесь приоритет отдавался «командным» отраслям промышленности: металлургической, машиностроительной, нефтеперерабатывающей, химической, текстильной, деревообрабатывающей. Наверное, только созданный в 1909 году Комитет по холодильному делу, занимаясь внедрением и развитием холодильной техники и популяризацией холодильного дела в пищеперерабатывающих отраслях, некоторым образом касался предпринимательства в области пищепереработки¹⁰.

Естественно, при таком подходе специфические проблемы предпринимательства в области пищепереработки отходили на второй,

**ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
В РОССИИ ПРЕДСТАВЛЯЛА СОБОЙ
ДОСТАТОЧНО САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ
И МОЩНУЮ СФЕРУ ЭКОНОМИКИ.
ПО МНОГИМ ПОЗИЦИЯМ (ЗЕРНОВОЙ
ХЛЕБ, ОТРУБИ, СЛИВОЧНОЕ МАСЛО,
ПТИЦА, ИКРА И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ)
НАША СТРАНА В 1870–1880-Х ГОДАХ
В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ ОПРЕДЕЛЯЛА
ЦЕНЫ НА ОСНОВНЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ
РЫНКАХ, ПОЗВОЛЯЯ УДЕРЖИВАТЬ
РАЗУМНЫЙ БАЛАНС МЕЖДУ ЭКСПОРТОМ
И ИМПОРТОМ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.**

*Мельница и элеватор
Якова Емельяновича Башкирова
в Нижнем Новгороде*

Матвей Емельянович Башкиров

*Фотографии конца 1890-х годов из книги:
Всероссийская промышленная и художественная
выставка. Нижний Новгород, 1896 год.
Альбом участников. СПб., 1896*

а то и на третий план. Прерогативы «индустриализации» привели к тому, что «обработка питательных веществ», как ее в ту эпоху называли, была полностью отдана на откуп частной инициативе, если не считать некоторых общих вопросов санитарного контроля и таможенно-тарифной политики. В свою очередь, общий тон в пищеперерабатывающих отраслях задавали крупные фирмы, которые в течение XIX века прошли все стадии становления.

Так, к началу XX столетия среди хлебо-торговых и мукомольных фирм выделялись саратовские (Э. И. Борель, Товарищество «К. Рейнеке и Сыновья», С. И. Степашкин и Братья Шмидт), киевские (Е. М. Журовский, И. А. Костяцкий, Тритшель), одесские (Товарищество «Г. Вейнштейн и Сыновья», Братья Анатра, Л. Инбер и другие), томские (Г. И. Фуксман), петербургские (Торговый дом Хр. Роттермана и Саввы Петрова в Ораниенбауме), уральские (знаменитые Первущины и А. Е. Борчанинов), нижегородские и самарские (Башкировы, Бугровы, Братья Блиновы, М. А. Дигтярев)¹¹.

Особую роль в развитии молочного хозяйства, маслоделия и сыроделия во второй половине XIX — начале XX века сыграли такие видные предприниматели, как Н. В. Верещагин, В. И. и Н. И. Бландовы, А. А. Калантар, Г. А. Бирюлев, М. Н. Окулич, О. И. Ивашкевич и ряд других.

В числе мясопереработчиков и колбасных предпринимателей можно назвать М. Д. Зелетнова, А. К. Комкова, В. О. Куликова, В. Ф. Марышева,

**ПРЕРОГАТИВЫ «ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ»
ПРИВЕЛИ К ТОМУ, ЧТО «ОБРАБОТКА
ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ»,
КАК ЕЕ В ТУ ЭПОХУ НАЗЫВАЛИ,
БЫЛА ПОЛНОСТЬЮ ОТДАНА
НА ОТКУП ЧАСТНОЙ ИНИЦИАТИВЕ**

П. П. Морева, П. А. Королева, С. В. Полетаева, С. Ф. Трофимова, братьев Д. С. и А. С. Чистовых, А. В. Чичкина, П. В. Юшина¹².

В рыбной отрасли в рассматриваемый период наиболее мощные фирмы уже практически являлись монополистами, чьи сферы влияния простирались иногда далеко за пределы «региона базирования». Такие промышленники, как семейно-родовой клан Сапожниковых на Каспии и Волге, братья Мокеевы и Марковы на Арале, фирма «А. К. Дубинин» на черноморских промыслах, братья М. и Н. Шелеховы в Дальневосточном регионе, владели собственными траловыми судами, фабриками и заводами по переработке биоресурсов, широко развитой сбытовой сетью, включая специализированные магазины в крупных российских городах и за рубежом.

Образование винокуренных и виноторговых фирм во второй половине XIX — начале XX века явилось прямым следствием введения на территории России в 1863 году акцизной

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

*Николай
Васильевич
Верещагин.
Фотография
из журнала
«Сельское
хозяйство
и лесоводство».
1901. № 9*

*Реклама
Торгового
дома
«В. Н. Верещагин
и К°».
Иллюстрация
из журнала
«Молочное
хозяйство».
СПб., 1907*

*Реклама
молочной
фирмы
братьев
Бландовых*

*Александра Николаевна Перушина.
Фотография из семейного альбома
потомков Перушиных*

*Николай Александрович Бугров.
Фотография из книги: Смирнов Д. Н.
Нижегородская старина. Н. Новгород . 1995*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

системы. Это способствовало появлению на рынке более качественной продукции, которую производили известные заводчики Смирновы, Долгов, Бекман, Шритер, Попов, Шустов, Вараксин. Об их достаточно прочном положении говорит тот факт, что первый свой съезд они созвали в Москве только в 1892 году, когда над отраслью нависла угроза введения в стране монопольной продажи виноводочных изделий¹³.

Среди сахарозаводчиков, начиная с 1850-х годов и вплоть до Первой мировой войны, выделялись три династии сахароваров — Браницкие, Бобринские и Терещенко. Представители этих династий совместно с другими фирмами в 1887 году подписали соглашение о создании синдиката. Данное предпринимательское объединение определяло положение дел не только в сахарной промышленности России, производя 60% отечественного рафинада в стране, но и в значительной мере оказывало влияние на всю агропродовольственную сферу Юго-Запада и смежных с ним регионов¹⁴.

В чае торговле лидерами являлись Товарищества «Братьев К. и С. Поповых», «Премник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о», предприятия Боткиных и Перловых, в начале XX века — Товарищество «Высоцкий и К^о».

Во второй половине XIX века в наиболее развитых промышленных центрах возникает фабричное производство кондитерских изделий. Вскоре большинство кондитерских мастерских, фабрик, заводов стали специализироваться на каком-то одном или нескольких видах продукции. К числу наиболее развитых кондитерских фирм относились, в частности, такие широко известные, как фабрично-торговое Товарищество «А. И. Абрикосова Сыновей» (фабрика имени Бабаева), фабрики М. Конради, «Эйнем» («Красный Октябрь»), «Сиу и К^о» («Большевик»), Товарищество Жоржа Бормона в Петербурге и Харькове¹⁵.

Однако несмотря на явные успехи отечественного пищевого перерабатывающего предпринимательства, государственная исполнительная власть в лице Министерства торговли и промышленности не спешила выделять данную отрасль промышленности в своей управленческой системе. Причин было достаточно. В первую очередь, это — слишком самостоятельное и даже независимое положение крупных пищевого переработчиков в структуре всей экономики страны. Скорее высшее чиновничество порой искало помощи у крупного капитала в этих отраслях. Пример — сахарная нормировка, введенная сахарозаводчиками по согласованию с Министерством финан-

сов в 1908 году в связи с кризисом перепроизводства¹⁶. Или реформа в винокуренной промышленности, начатая в 1894 году, поскольку государство никак не могло обойтись без высококачественной спиртовой и винокуренной продукции частных заводов¹⁷. При этом создается впечатление, что Министерство торговли и промышленности на протяжении всей второй половины XIX века «в упор не замечало» достижений отечественных пищевого переработчиков, то и дело осознанно или нет выступая протекционистом иностранных предпринимателей.

Здесь надо отметить следующее: в конце XIX века «обработка питательных веществ» по объему производства занимала второе место (после мануфактурной промышленности — хлопчатобумажной и текстильной), а по числу занятых рабочих — четвертое (после обработки волокнистых веществ, металлов и писчебумажного производства), однако по энергообеспеченности, то есть по использованию паровой силы, среди обрабатывающих отраслей находилась только на восьмом месте¹⁸, то есть по уровню развития отставала как от отечественных, так и от европейских стандартов. Причин было несколько: сырьевой уклон в сельскохозяйственном экспорте, достаточно невысокое качество некоторых пищевых товаров глубокой переработки по сравнению с европейскими и американскими аналогами, тарифно-таможенная практика в отношении ввозимого из Европы сельскохозяйственного и пищевого перерабатывающего оборудования. Наконец, вышеупомянутый протекционизм.

Об этом прямо писал известный историк и публицист Д. И. Иловайский, называя имена чиновников, которые «проталкивали <...> немецкие интересы в Правительстве» (подробнее см. далее). Трудно не согласиться с его высказываниями, если учесть, с какими трудностями встречались в своей экспортной деятельности или на внутреннем рынке, например, наши мукомолы, маслоделы, сыровары, масложивчики, мясопереработчики, рыбопромышленники. Или такой штрих: в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности пищевого переработчикам уделялось внимания меньше, чем кустарным промыслам и ремеслам — типа изготовления матрешек, лукошек, валенок и так далее¹⁹.

Лишь с июня 1917 года в структуре Временного правительства в 4-м отделении Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности «обработка минеральных веществ, животных и питательных продуктов» впервые была выделена в самостоятельную

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Трехгорный пивоваренный завод в Москве

Реклама фирмы астраханских рыбопромышленников Сапожниковых. 1890-е годы (иллюстрация из книги: Всероссийская промышленная и художественная выставка. Н. Новгород, 1896 год. Альбом участников. СПб., 1896)

Здание кондитерской фабрики «Товарищества А. И. Абрикосова Сыновей». Фотография 1888 года (из семейного альбома Н. Н. Птицыной)

Алексей Семенович Губкин. Фотография из книги: Исторический очерк двадцатипятилетней деятельности Торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К°» (1881—1916). М., 1917

Отделение для убой скота на мясоперерабатывающем заводе в Ростове. Фотография 1908 года из книги: Новая скотобойня в городе Ростове-на-Дону. СПб., 1909

В одном из цехов консервного завода Ф. Азибера в Санкт-Петербурге. Фотография 1880-х годов

В КОНЦЕ XIX ВЕКА «ОБРАБОТКА ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ» ПО ОБЪЕМУ ПРОИЗВОДСТВА ЗАНИМАЛА ВТОРОЕ МЕСТО (ПОСЛЕ МАНУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ), А ПО ЧИСЛУ ЗАНЯТЫХ РАБОЧИХ — ЧЕТВЕРТОЕ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

управленческую единицу²⁰. В эпоху социальных и политических потрясений государство наконец-то задумалось о перерабатывающих отраслях как о весьма значимом факторе в экономической жизни, основе, выражаясь современным языком, «продовольственной безопасности» страны. Но это явилось достаточно запоздалым шагом, поскольку деятельность многих крупных и средних переработчиков к тому времени если не клонилась к закату, то уж никак не пребывала на пике успеха. Посему неудивительно, что идея «агропромышленной интеграции», включавшая в себя всеобъемлющее триединство — производство сельскохозяйственного сырья, его переработку и многоуровневую реализацию, — нашла воплощение в середине XX века на Западе, затем чисто «академически» была продекларирована в Советском Союзе, не породив, однако, в должной мере единого производственного комплекса по решению продовольственной проблемы. Понятие же «перерабатывающая отрасль», которым мы пользуемся и поныне, закрепилось в советской экономической науке лишь с конца 1920-х годов.

* * *

Ряд поднятых выше вопросов находит отражение в документах, хранящихся в специальном фонде писателя, государственного и общественного деятеля Третья Ивановича Филиппова (1825–1899), который с 1889 года до самой своей смерти занимал пост Государственного контролера Российской империи²¹. Фонд среди прочего содержит письма, записки, доклады, отношения и так далее, непосредственным образом касающиеся состояния сельского хозяйства и всей продовольственной сферы России, а также развития отечественного перерабатывающего предпринимательства в рассматриваемый период. Однако именно они до сих пор совершенно не исследованы. Постараемся здесь хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

Как известно, Государственный контролер в первую очередь осуществлял надзор за расходованием бюджетных и казенных средств, иногда выступая в роли «третьей стороны» между госструктурами всех уровней. Он напрямую подчинялся императору. Поэтому обращавшиеся с официальным отношением, скажем, в Госсовет или в Совет министров, как правило, отправляли копию документа на имя Государственного контролера — гарантия возможности проследить за прохождением дела по инстанциям и избежать возможной волокиты.

Касательно продовольственной сферы и перерабатывающего предпринимательства деятельность Государственного контролера оставалась такой же, как и в отношении других отраслей промышленности. И все-таки некоторые особенности имелись. На этом хотелось бы остановиться подробнее.

Любопытно «Соображение министра финансов о восполнении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог», направленное в 1891 году директором департамента железнодорожных дел Министерства финансов С. Ю. Витте одновременно Государственному контролеру Т. И. Филиппову и тогдашнему министру финансов И. А. Вышнеградскому²². В этом документе, анализируя тарифы на сельскохозяйственные грузы, Витте предлагает их снижение. Он приводит исчисление накладных расходов за 1888 год при вывозе пуда пшеницы хлеботорговцами из Одессы в Лондон: «Из показанной <...> суммы накладных расходов упадет на хлеб, подвезенный к портам исключительно по ж. д. дорогам (392 млн. пуд), 64680000 р.; морской фракт и страховая премия на то же количество хлеба (392 млн. пуд.) составляет 45000000 руб.; считая в среднем по 11,5 к. на пуд.; провозная же плата по ж. д. — 52500000 руб. Отсюда следует, что из всех расходов, лежащих на хлеб <...> от станции отправления до складов за границей, приходится по жел. дор. провозную плату 32%, на провоз морем 28% и на накладные расходы 40%. <...> Этот огромный накладной расход, лежащий всею тяжестью именно на производителей хлеба, обязывает обратить внимание на обуславливающие его причины и изыскать возможные меры для его сокращения». Кроме этого, Витте советует Министерству финансов и Министерству путей сообщения облегчить устройство подъездных путей частным предпринимателям — торговцам и переработчикам, для которых указанные траты порой непосильны. Т. И. Филиппов дает «Соображению» положительный отзыв и дальнейший ход, и уже в следующем году автор становится министром путей сообщения и министром финансов²³.

Витте продолжал свои исследования в продовольственной сфере, которые нередко порождали законодательные инициативы. Так, в фонде имеется «Представление министра финансов в Государственный совет об установлении акциза на соль <...> с сопроводительным письмом С. Ю. Витте Т. И. Филиппову» за № 147, напечатанное типографским способом и датированное 18 ноября 1892 года (письмо за № 161 от 22 ноября 1892 года)²⁴.

Тертий Иванович Филиппов

Здесь Витте дает исторический обзор развития соляной промышленности в России, показывает значение соли в народном хозяйстве и тщательно анализирует состояние соледобывающей отрасли в империи за 1852–1890 годы. В разделе «Обзор Правительственных мероприятий, касающихся соляной промышленности», Витте аргументирует необходимость введения нового акциза на добычу и продажу соли. На одном из экземпляров рукой Т. И. Филиппова сделана помета: «Ознакомился». В дополнение приведем еще один факт непосредственного участия С. Ю. Витте в делах продовольственной сферы — введение винной монополии²⁵. На тему последней в фонде имеется весьма интересная «Записка директора Правления Товарищества П. А. Смирнова П. П. Смирнова о предоставлении частным заводчикам возможности большего участия в изготовлении спирта и водочных изделий для казенной продажи. С сопроводительным письмом Т. И. Филиппову»²⁶. 6 ноября 1898 года «Записка» была подана министру финансов С. Ю. Витте, а тот, в свою очередь переадресовал ее товарищу министра В. М. Коковцову для ближайшего ознакомления. В этом документе П. П. Смирнов, изложив сначала свое понимание «цели питейной реформы», ставит перед правительством вопрос: «Почему ректификацию спирта предоставили частным заводам под надзором правительственных агентов, а выделку из ректификационного

спирта вина потребовалось совершенно изъять из рук частных заводов и поручить исключительно очистным складам?». Далее автор предлагает: «Изготовление вина (то есть готовой водочной продукции. — С. Р.) частными заводчиками должно было бы производиться под правительственным контролем по согласенным условиям качества и цены». Знаменитый заводчик выступил с просьбой оказать ему «милостивое внимание» и «дозволить нашей солидной и распространенной фирме вступить первым начинателем в деле поставки в казну <...> готового вина». К «Записке» П. П. Смирнова Т. И. Филиппов приложил собственную, где, в частности, отмечалось: «Только передача изготовления вина частным заводчикам может повести к повышению качества казенного вина, потому что качество всякого продукта главным образом зависит от свободной конкуренции промышленников, а монопольные предприятия, как показали многочисленные опыты у нас и на Западе, всегда отличались стремлением к уменьшению сортов изделий, к понижению их качества и к установлению в них однообразия. <...> Соображения П. П. Смирнова несколько не противоречат питейной реформе 1894 года и могли бы в случае <...> осуществления в законе повести к крупным сбережениям для казны, к укреплению истинных правовых воззрений и к нравственному подъему низших классов русского народа без ущерба для нравственности высших».

Среди документов фонда, относящихся к рассматриваемой теме, выделяется доклад помещика М. А. Брусилова, прочитанный 1 марта 1889 года в Обществе для содействия русской промышленности и торговли, «О неудовлетворительности действующего таможенного тарифа как средства поощрения русского скотоводства»²⁷. Докладчик остро выступает против отмены ввозных пошлин на сало и другие мясные продукты, о которой ходатайствовало Варшавское отделение Общества, то есть, по существу, защищает интересы российского скотоводства. Критикуя правительственных чиновников, готовых открыть доступ на отечественные рынки любому западному товару на льготных условиях, он констатирует: «Не принимается во внимание <...> то, что заводы, перерабатывающие жиры, могут только тогда стоять прочно, когда их производство основано на туземном материале, а не на привозном из Австралии сале или пальмовом или кокосовом масле, добываемым в Африке». Не правда ли, звучит весьма современно, имея в виду нынешние преференции российских правительственных органов иностранным поставщикам?

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Так и хочется спросить: многое ли изменилось в верхах по сравнению со второй половиной XIX века в отношении развития отечественной перерабатывающей промышленности?... Однако пойдём далее. М. А. Брусилов продолжает: «С другой стороны, фактическое, полное и блестящее опровержение тезиса привислянских заводчиков²⁸ представляет нам реальный и несомненный подъём экономической силы и общего благосостояния тех местностей Вологодской, Ярославской, Тверской и Новгородской губерний, в которых благодаря инициативе и поддержке Министерства государственных

имуществ <...> развилось в последние годы сыроварение, маслоделие и другие отрасли молочной промышленности, об руку с которыми пошло расширение скотоводства в крестьянских хозяйствах и обширное унавоживание полей, следствием которого было значительное повышение производительности. Эти северные пространства производили едва столько хлеба, сколько нужно было для местной потребности, а теперь оттуда стали уже вывозить миллионы пудов зерна».

Окончание следует

¹РГИА. Ф. 574, оп. 1, д. 1414, л. 1–3.

²Поткина И. В. Деловая Москва. Очерки по истории предпринимательства. М., 1997. С. 30.

³РГИА. Ф. 23, оп. 27, д. 853, л. 1.

⁴Там же. Ф. 1276, оп. 4, д. 218, л. 6 об.–7 об.

⁵Там же. Ф. 1233, оп. 1, д. 8, л. 1–3.

⁶Там же. Л. 66–70 об., 252–254; д. 12, л. 145–222, 309–387; д. 66, л. 22–334.

⁷Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России. Подсобные к земледелию промыслы и производства. Вып. 3. СПб., 1903. С. 61–86.

⁸Там же. С. 1–9.

⁹РГИА. Ф. 23, оп. 1, д. 175, л. 1–15.

¹⁰Там же. Ф. 23, оп. 10, д. 183, л. 1–4.

¹¹Иллюстрированный альбом Первой Всероссийской мукомольной выставки в С.-Петербурге 25 янв. — 10 февр. 1909 г. // Русский мельник. Киев, 1909. С. 4–5.

¹²Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губ. М., 1916. С. 90.

¹³РГИА. Ф. 574, оп. 1, д. 1414, л. 1–3.

¹⁴Там же. Ф. 574, оп. 3, д. 1602, л. 1–3; д. 1621, л. 14–15; д. 1626, л. 13–16; д. 1660, л. 23–25.

¹⁵Там же. Ф. 20, оп. 12, д. 162, л. 11–14; д. 124, л. 15–22; д. 127, л. 35–46; д. 160, л. 45–47; ф. 588, оп. 2, д. 703, л. 1–11.

¹⁶Там же. Ф. 1276, оп. 4, д. 338, л. 13, 15, 23–24, 39–40.

¹⁷ГАРФ. Ф. 1099, оп. 1, д. 436, л. 9, 18–18 об.

¹⁸Россия. Энциклопедический словарь, начатый проф. И. Е. Андреевским, продолжается под редакцией К. К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского. Репринтное издание. Л., 1991. С. 283–284.

¹⁹РГИА. Ф. 1233, оп. 1, д. 8, л. 66–70 об.; л. 252–254; д. 12, л. 145–222, 309–387; д. 66, л. 322–334; Свод трудов местных комитетов... С. 1–10, 61–86.

²⁰Там же. Ф. 23, оп. 1, д. 175, л. 1–15.

²¹ГАРФ. Ф. 1099. О Т. И. Филиппове и Государственном контроле подробно см.: Бочковский Ф. Государственный контроль в России в его историческом развитии. 1811–1892 гг. // Контролинг. М., 1994. №1(8). С. 14–34; Шиллов Д. Н. «Епитрон гроба Господня». Жизнь и творчество Т. И. Филиппова // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Международная научная конференция 29 мая – 4 июня 1995 г. Ч. 1. Челябинск, 1995. С. 100–103; Тюрина Н. В. Творчество Т. И. Филиппова в литературном процессе второй половины XIX века. Диссертация. Тверь, 2006. Иван Аксаков и «фанатики-фанарионы». Переписка И. С. Аксакова и Т. И. Филиппова (1870–1885) // Русская литература. СПб., 2006. № 1. С. 115–146.

²²ГАРФ. Ф. 1099, оп. 1, д. 327, л. 1.

²³Отечественная история с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. С. 399.

²⁴ГАРФ. Ф. 1099, оп. 1, д. 333.

²⁵Vumme С. Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 82–86, 589.

²⁶ГАРФ. Ф. 1099, оп. 1, д. 436.

²⁷Там же. Д. 272.

²⁸Польские заводчики Привислянских губерний, которые, отстаивая исключительно свои экономические интересы, ратовали за понижение в России цены на мясное сырье.

От редакции

Доводим до сведения читателей, что заявленное в № 9 «Московского журнала» за 2010 год окончание материала В. А. Потресова «Бунин и Яблоновский» опубликовано не будет. Приносим свои извинения.

Вера Леонидовна Кошелева

Впервые...

**Об изобретениях и открытиях российских первопроходцев
в научно-технической сфере**

*Неизвестный художник. За опытом
(портрет Василия Владимировича
Петрова?). Акварель.
Конец XVIII века*

В. В. Петров и рождение электрической дуги

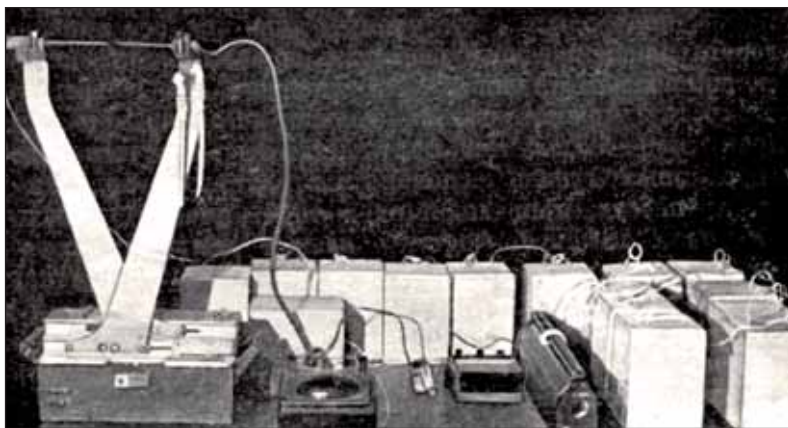
В апреле 1802 года в Санкт-Петербурге профессор физики Медико-хирургической академии Василий Владимирович Петров (1761–1834), проводя в оборудованном им физическом кабинете опыты с током высокого напряжения, впервые в истории мировой науки получил устойчивый электрический разряд, озаривший все вокруг ослепительно ярким светом. Впоследствии это явление получило название «электрическая дуга». С полным правом она может называться «дугой Петрова»¹.

В конце XVIII — начале XIX века наука об электрических явлениях находилась в процессе становления, а таких терминов, как «электрический ток», «сила тока», «электродвижущая сила», «напряжение» еще не существовало. Само электричество считалось особой формой жидкой материи. Поэтому в труде «Известие о гальвани-вольтовых опытах» (1803), где Петров описал свое открытие, электрический ток назывался «гальвани-вольтовой жидкостью», а устройство, с помощью которого был получен ток высокого напряжения, — «гальвани-вольтовой батареей».

В 1791 году итальянский ученый-анатом Луиджи Гальвани высказал мысль о существовании «животного электричества». Позже (1799) его соотечественник физик Алессандро Вольта предложил новую теорию «контактного электричества», согласно которой электрический ток возникает при соприкосновении двух разных металлов, и создал простейший генератор постоянного тока — «вольтов столб» из цинковых и медных пластин, переложенных суконными кружками, пропитанными кислотой.

Петров, узнав об изобретении итальянского физика, сразу же понял, что действие вольтова столба основано на химическом взаимодействии между металлами и кислотой (говоря современным научным языком, электродами и электролитом), а также то, что опыты с большим вольтовым столбом должны привести к новым важным открытиям. Уже в начале 1801 года он обратился к начальству с просьбой о выделении денег «для изготовления огромной величины батареи» (впервые употребив это слово на русском языке) и проведения в Медико-хирургической академии новых физико-химических опытов, а в ноябре 1801-го приступил к изготовлению самой крупной на тот момент в мире гальвани-вольтовой батареи, названной им «в честь как Гальвани, так совокупно и Вольты, усовершенствовавшего оный чрезвычайно важный физико-химический инструмент»².

Вольта и другие зарубежные физики употребляли небольшие батареи с числом пластин не более 200. Василий Владимирович использовал для своей «огромной батареи» 4200 медных и цинковых кружков диаметром около 35 миллиметров и толщиной около 2,5 миллиметра.

*«Дуга Петрова» —
электрический разряд в воздухе
между угольными электродами*

*Установка для воспроизведения
опытов В. В. Петрова
с электрической дугой*

Между каждой парой металлических кружков прокладывались бумажные, пропитанные раствором нашатыря. Если такой батарее придать вертикальное положение, ее высота достигнет почти 12 метров, и в нижней части столба под тяжестью металла произойдет выдавливание раствора из бумажных кружков. Русский ученый нашел новаторское решение: он расположил «столб» не вертикально, а горизонтально, уложив кружки в четыре ряда в деревянном ящике, длина которого равнялась 3 метрам, ширина — 30 сантиметрам, глубина — 5 сантиметрам. Конструкция оказалась настолько надежной, что в 1840–1860-х годах батареи Петрова применялись в войсках русской армии гальваническими командами³.

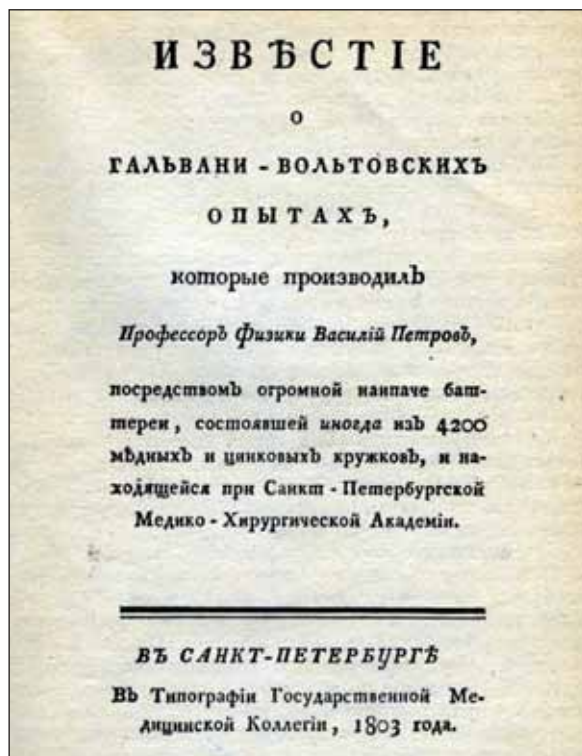
В. В. Петров был первым ученым, обратившим внимание на значение изоляции при проведении опытов с электрическим током. Дно и боковые стенки ящика он покрыл сургучным лаком и промасленной бумагой. Чтобы не причинить вреда экспериментатору и не разрядить батарею случайным прикосновением к окружающим предметам, Василий Владимирович впервые применил изоляцию соединенных с различными полюсами батареи металлических проводников расплавленным сургучом.

Свой труд «Известие о гальвани-вольтовских опытах» Петров написал не на латинском (как практиковалось в то время), а на русском языке. В нем подробно рассказывается об устройстве батареи. Однако ее электротехнические характеристики по этому описанию определить невозможно: тогда еще не была принята система соответствующих единиц⁴

и не существовало приборов для измерения силы тока, напряжения и так далее. Только в 1951 году в результате опытов, проведенных в Московском энергетическом институте с применением метода моделирования, удалось установить, что электродвижущая сила батареи В. В. Петрова составляла около 1600–1700 вольт, сила тока короткого замыкания — от 0,1 до 0,2 ампера, мощность — от 65 до 100 ватт. Таким образом, Петров был первым в мире ученым, создавшим источник постоянного тока высокого напряжения, работа с которым привела его к целому ряду выдающихся результатов в области теоретической физики и электротехники.

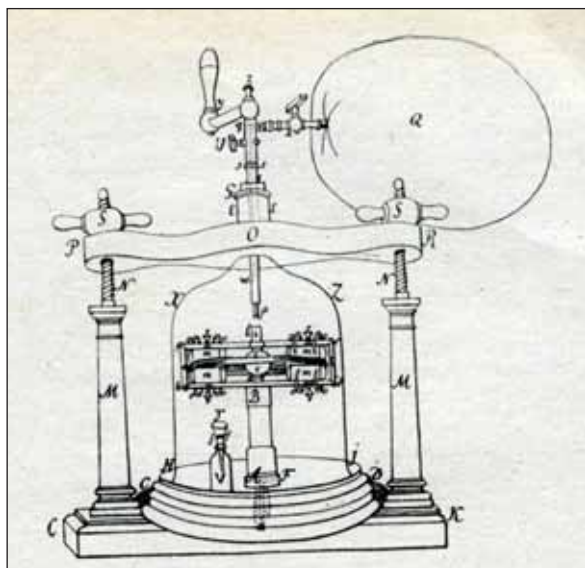
Например, изучая электропроводимость веществ разного химического состава, он впервые употребил современный термин «сопротивление». Почти за тридцать лет до немецкого физика Г. Ома В. В. Петров заметил, что толстые провода более эффективны, чем тонкие, установив тем самым зависимость силы тока от площади поперечного сечения проводника.

Во время опытов по электролизу воды и других жидкостей русский ученый обратил внимание на различные свойства полюсов

*Титульный лист труда В. В. Петрова
«Известие о гальвани-вольтовских опытах»*

*Одна из конструкций электростатических машин
В. В. Петрова*

батареи — «медного» (отрицательного) и «цинкового» (положительного) и за 20 лет до француза А. Ампера поставил вопрос о необходимости «определить направление движения гальвани-вольтовской жидкости»⁵.

При прохождении электрического тока через масло В. В. Петров обнаружил «ряд светящихся явлений». Тогда и родилась гениальная идея: пропустить ток высокого напряжения через воздух. В этом эксперименте Василий Владимирович впервые в мире наблюдал электрическую дугу, которую, однако, до сих пор называют вольтовой дугой. Положив на стеклянную подставку два электрода из древесного угля, соединенные с полюсами батареи, и приблизив их друг к другу, ученый увидел «весьма яркий белого цвета свет или пламя, от которого темный покой довольно ясно освещен быть может»⁶. Петров не случайно употребляет слова «яркий свет» и «пламя» — этим он подчеркивает исключительные свето-

вые и тепловые свойства электрической дуги, возможность практического использования которых в самых различных областях он впервые доказал экспериментально. Уже 17 мая 1802 года Петров проводил публичные опыты по освещению посредством электрической дуги. Позже (1876) наш соотечественник Павел Николаевич Яблочков изобретет дуговую угольную лампу. «Свеча Яблочкова», или «русский свет», покорит европейские столицы и откроет дорогу лампе накаливания Александра Николаевича Лодыгина и другим источникам электрического освещения, пионером которого был В. В. Петров.

Впечатленный высокой температурой, достигавшейся в электрическом разряде, Василий Владимирович проводит многочисленные опыты, подвергая его действию куски листового олова, серебра, золота и цинка, отчего «сии металлы иногда мгновенно расплавляются, сгорают также с пламенем какого-нибудь цвета и превращаются в оксид»⁷. Так ученый открыл еще одну сферу применения электрической дуги — плавку металлов. Пройдет 80 лет, и замечательные русские изобретатели Н. Н. Бенардос и Н. Г. Славянов, развивая идею В. В. Петрова, впервые в мире разработают и внедрят в производство дуговую электросварку.

В современной электрометаллургии используется и другое открытие Петрова — восстановление металлов из их окислов (оксидов) путем воздействия на последние все той же электрической дуги. По утверждению известного отечественного электротехника М. А. Шателена, «эти опыты Петрова можно считать исследованиями, положившими начало современной электрометаллургии в дуговых печах»⁸.

**Н. Н. Бенардос и Н. Г. Славянов —
изобретатели дуговой электрической сварки**

Николаю Николаевичу Бенардосу (1842–1905) принадлежит около 200 самых разных изобретений и проектов, многие из которых не утратили своего значения и сегодня. Однако наиболее значимым достижением Бенардоса, принесшим ему мировую славу, была впервые осуществленная им дуговая электрическая сварка металлов, которую он назвал «электрогефест»⁹. Название символическое. Многие годы металлы соединяли путемковки. Процесс очень трудоемкий и длительный (металлы сначала нагреваются до состояния пластичности, затем сковываются в местах соединения), а главное — не всегда осуществимый. В этом Бенардос и сам убеждался не раз при строительстве парохода-вездехода собственной конструкции¹⁰ в мастерских его усадьбы Привольное неподалеку от города Лух (конец 1870-х годов). В процессе работы изобретателю приходилось соединять друг с другом много крупных металлических деталей. Больших нагревательных

Николай Николаевич Бенардос

печей в мастерских у него не имелось; для нагрева соединяемых ударами молота участков металла пришлось воспользоваться электрической дугой. При этом было замечено, что металл, оплаваясь в некоторых местах, соединялся еще доковки. Тогда-то у Бенардоса и возникла идея — объединить в одно целое все три этапа: нагрев, плавку и соединение металлов в расплавленном состоянии.

Перед изобретателем стояли две непростые задачи: во-первых, найти источник тока для сварочной дуги и приспособить существовавшее тогда электрооборудование для питания энергией сварочных аппаратов, во-вторых, разработать технологию, позволяющую максимально использовать тепло электрической дуги для соединения металлов.

Бенардос специально сконструировал батарею аккумуляторов, выдерживающую резкие скачки силы тока, происходящие при дуговой электросварке. Созданные им аккумуляторные батареи оказались очень надежными. Например, на московском заводе «Серп и молот» сварочная установка Бенардоса прослужила более 30 лет и была разобрана только в 1931 году.

Столь же блестяще решил Николай Николаевич чисто техническую проблему, разработав способ использования тепла электрической дуги для соединения (сварки) и разъединения (резки) металлов — тот самый «электрогефест». Аналогичные попытки предпринимались в разных странах и до этого. Однако никто не догадался включить в электрическую установку сам обрабатываемый предмет. Бенардос же поступил именно так, положив в основу метода «непосредственное образование вольтовой дуги между местом обработки металла, составляющим один электрод, и подводимой к этому месту рукояткой, содержащей другой электрод»¹¹. Металл расплавлялся и в жидком состоянии самопроизвольно соединялся без применения какого бы то ни было механического воздействия.

Весной 1881 года в Париже на Международной электротехнической выставке Бенардос впервые публично демонстрировал новый технологический процесс. На глазах восхищенных иностранных коллег он сваривал свинцовые пластины, резал на куски рельсы. В том же 1881 году один из присутствовавших при этом, французский электротехник Огюст де Меританс, никогда не занимавшийся проблемами сварки ни научно, ни практически, получил патент на способ дуговой электросварки угольным электродом. По сему поводу русский физик Д. А. Лачинов (1842–1902), защищавший приоритет Н. Н. Бенардоса, писал, что Меританс «явился взять привилегию на голые идеи, не разработав их и не сообщив им никакого практического значения»¹².

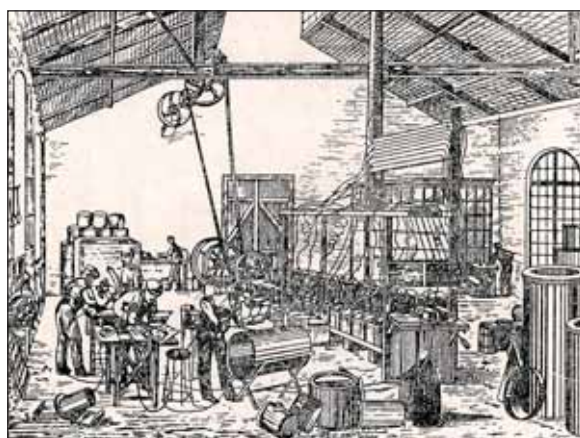

Дмитрий Александрович Лачинов

Мастерская дуговой электросварки металлов по методу Н. Н. Бенардоса

Паяние с помощью электрической (вольтовой) дуги

А Бенардос продолжал тем временем трудиться над усовершенствованием изобретенного им способа дуговой электросварки: от свинца — к железу, стали, меди, чугуно... Еще до запатентования Николай Николаевич неоднократно проверял его эффективность на производстве. Так, в 1882 году, приглашенный в Барселону, где строилась аккумуляторная электростанция, Бенардос при установке крупной батареи собственной конструкции пользовался для соединения свинцовых

пластин дуговой электросваркой угольным электродом. Несколькими годами позже в Иваново-Вознесенске на машиностроительном заводе с помощью дуговой электросварки изготавливались варочные кубы из листового железа толщиной 12 миллиметров и проводились ремонтные работы.

Только в 1885 году после успешной промышленной проверки Н. Н. Бенардос обратился в Департамент торговли и мануфактур с просьбой выдать ему патент и 31 декабря 1886 года получил «привилегию» (так в то время патент назывался в России) «на способ соединения и разъединения металлов непосредственным действием электрического тока». «Электрогегест» высоко оценили специалисты в России и за рубежом. В тогдашней русской технической литературе его назвали «гигантом в колыбели».

Фотографии Бенардоса за сваркой котла появились на страницах иностранных журналов. Его мастерскую в Петербурге посещали многие крупнейшие электротехники, написавшие обстоятельные статьи об «электрогегесте» и о перспективах промышленного применения нового способа¹³.

В 1890-х годах электросварка по методу Бенардоса нашла широкое применение в железнодорожных мастерских Петербурга, Воронежа, Ростова-на-Дону и других городов. В 1893 году начальник службы подвижного состава Орловско-Витебской железной дороги Ф. И. Герц признавался: «В настоящее время мы не можем даже себе представить, как бы обошлись без помощи «электрогегеста»¹⁴.

Свое любимое детище Бенардос неустанно совершенствовал до конца жизни. Он разработал большое количество всевозможных электродов и комбинированных электродержателей, предложил многие типы сварных соединений, получивших развитие в современной промышленности. Например, изготовление труб из металлической ленты, свариваемой по спирали, которое Бенардос впервые осуществил в 1892 году, успешно используется в наши дни.

Импульсом к ряду нововведений послужило для Бенардоса изобретение нового метода дуговой электросварки его младшим современником Н. Г. Славяновым. После публикации работ Славянова Бенардос для защиты расплавленного металла от окисляющего влияния воздуха сконструировал специальные электродержатели, которые имели вокруг угольного электрода концентрически расположенные сопла. С их помощью для создания защитной среды вместо сварки подавался светильный газ. Через полвека отечественные ученые подхватили эту идею газовой защиты металла и разработали технологию дуговой электросварки в углекислом газе.

*Памятник Н. Н. Бенардосу
в городе Лух Ивановской области*

* * *

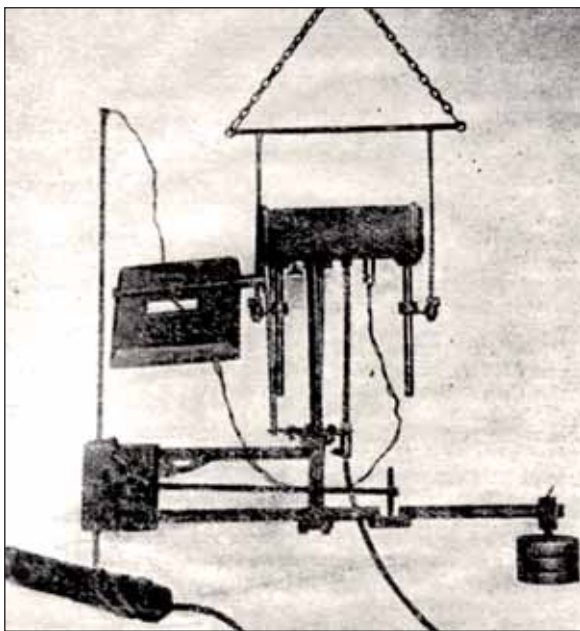
*Николай Гаврилович
Славянов*

В 1888 году, два года спустя после того, как В. В. Бенардос получил привилегию на свой «электрогегест», инженер Николай Гаврилович Славянов (1854—1897) изобрел новый способ дуговой электросварки — «электрическую отливку металлов».

Работая горным начальником на Пермских казенных пушечных заводах в Мотовилихе, Славянов пристально следил за достижениями электротехники¹⁵. Россия в то время не производила электрических приборов и машин, и чтобы применять электричество в металлургии и машиностроении, талантливый изобретатель сам стал эти приборы и машины конструировать.

В 1883 году по инициативе Н. Г. Славянова была построена первая заводская электростанция и по его собственным чертежам и расчетам изготовлены две большие динамо-машины постоянного тока: одна на 800 ампер при напряжении 60 вольт, вторая — на 1000 ампер при напряжении 100 вольт. Славянов спроектировал и электрические дуговые лампы с особым регулятором, применявшиеся для освещения цехов¹⁶.

*Общий вид электроплавильника
Н. Г. Славянова*

Убежденный сторонник использования электричества в отечественной промышленности, Славянов сразу же увидел достоинства и перспективы изобретения Н. Н. Бенардоса. При этом он критически оценил отдельные стороны «электрогемфеста» с точки зрения металлургических процессов, протекающих при дуговой сварке. В «привилегии» Бенардос не устанавливал никаких ограничений в отношении материала и формы электрода: «уголь или другое проводящее вещество». Однако на практике до изобретения Славянова в ходу были только угольные электроды, окислявшие и «науглероживавшие» металл из-за слишком высокой температуры дугового пламени, что снижало качество сварного соединения. С целью устранения указанных недостатков Славянов впервые взял в качестве второго электрода не угольный, а металлический стержень, который и служил материалом для обработки. Николай Гаврилович избегал термина «сварка», ассоциирующегося, по его представлению, с соединением раскаленных металлов механическим давлением без перехода их в жидкое состояние.

В своей книге «Электрическая отливка металлов», выдержавшей несколько изданий на русском и иностранных языках, он подчеркивал, что сущность его способа заключается «в наливании расплавленного электрическим током металла на желаемую часть поверхности металлической вещи, причем эта часть также <...> расплавляется и соединяется (сливается) с наливаемым металлом в высшей степени совершенно»¹⁷. Непрерывное плавление металлического электрода понижает температуру электрической дуги и тем самым устраняет вредный перегрев металла и прослойки окислов, что позволяет получить чистое и прочное соединение. Впервые «электрическую отливку» он применил в ноябре 1888 года, отремонтировав вал паровой машины, а в 1889-м использовал ее и в судостроении. Буксир, в котором все детали (впервые в судостроительной промышленности) были соединены славяновским способом, продолжал свою службу в Волжском пароходстве вплоть до 1955 года.

В металлургии Н. Г. Славянов предложил осуществлять электрическую отливку «ваннным способом». Чтобы устранить утечку расплавленного основного и электродного металла, обрабатываемая деталь заключалась в формовку из кокса или кварца. Применение предварительно очищенных от загрязнений стержней, а также введение в жидкую ванну соответствующих веществ позволяли получить соединение желаемого химического состава. Чтобы защитить расплав от вредного воздействия атмосферного кислорода, Славянов предложил закрывать место сварки шлаком. «Толщина слоя шлака <...> должна быть не более 5 миллиметров, такая, чтобы не препятствовать прохождению тока»¹⁸.

Указанная идея защиты сварочной ванны получила дальнейшее развитие в высокопроизводительном методе скоростной автоматической сварки под флюсом, который впервые в мире разработали в 1940-х годах отечественные специалисты.

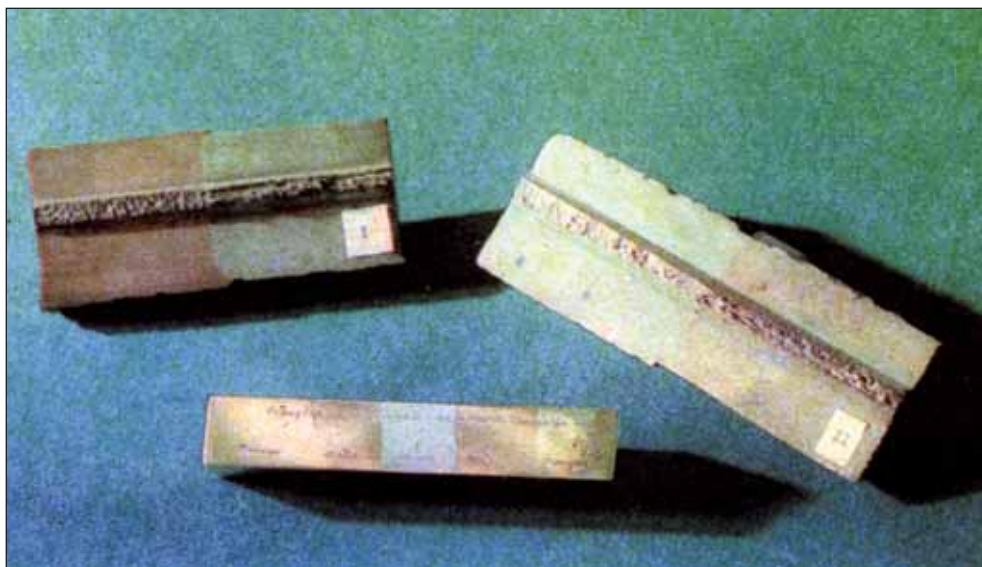
Заслуга изобретения и внедрения в практику первого в мире автоматического регулятора длины сварочной дуги также целиком принадлежит Н. Г. Славянову. Свой автоматический регулятор (прообраз современных сварочных автоматов и полуавтоматов) русский изобретатель назвал «электрическим плавильником». Как и в дуговой лампе Славянова, регулирование в «электрическом плавильнике»

*Н. Г. Славянов
среди первых электросварщиков*

ТРУДЫ И ДНИ

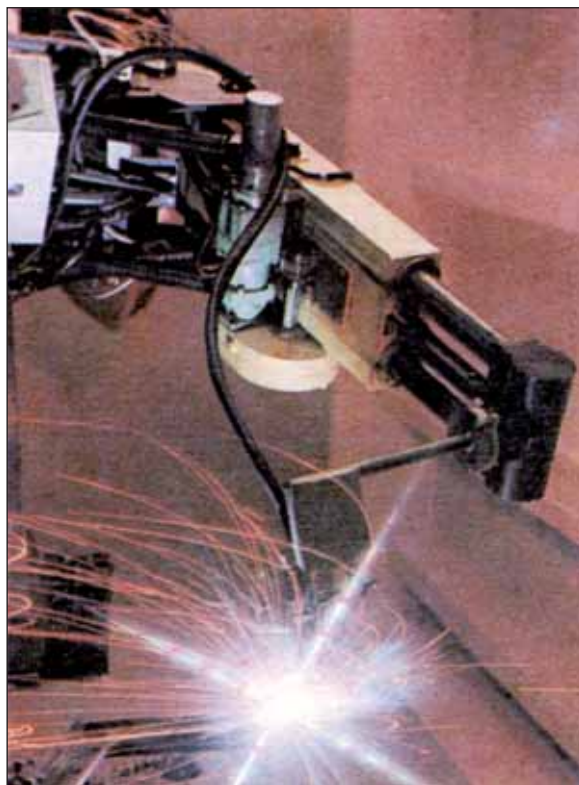
*Образцы
сварки
Н. Г. Славянова.
На переднем
плане —
слиток
из разных
цветных
металлов
(медь, бронза,
латунь и др.),
наплавленных
один на другой*

Современные виды сварки

Ручная сварка

*Сварка
с помощью робота*

осуществлялось с помощью электромагнитного дифференциального реле, включенного в сварочную цепь, и рычажного механизма для вертикального перемещения электрода. Плавильник подвешивался над местом сварки. Его применение позволило Славянову отказаться от аккумуляторной батареи Бенардоса и пользоваться электрическим током прямо от динамо-машины.

В 1891 году Н. Г. Славянов получил «привилегию» «на способ и аппараты для электрической отливки металлов». В тексте «привилегии» специально оговаривалось, что ее действие не должно препятствовать «применению вольтовой дуги к непосредственному соединению металлических частей способом Бенардоса»¹⁹.

В начале 1890-х годов на Пермских пушечных заводах Славянов организовал первый в мире электросварочный цех, который называли «электролитейный». Все оборудование цеха изготавливалось по чертежам и под непосредственным руководством изобретателя. Здесь Славянов обучал первых отечественных электросварщиков.

В 1892 году на IV электрической выставке Русского технического общества в Петербурге Н. Н. Бенардос и Н. Г. Славянов демонстрировали изобретенные ими способы дуговой электросварки: Бенардос — «электрогефест», Славянов — «электрическую отливку». На стендах были представлены подготовленные ими экспонаты — в частности, отремонтированный «электрогефестом» колокол весом 350 килограммов с большой заваренной трещиной и труба из красной меди, изготовленная «электрической отливкой» и выдерживавшая давление в 500 атмосфер. Оба — и Н. Н. Бенардос, и Н. Г. Славянов — удостоились высшей награды — золотой медали и почетного диплома.

¹О том, почему до 1880-х гг. приоритет открытия электрической дуги приписывали английскому ученому Г. Дэви, и как отечественные физики восстановили приоритет В. В. Петрова, см.: *Вавилов С. И.* Физический кабинет. Физическая лаборатория. Физический институт. Академия наук за 220 лет. М.-Л., 1945. С. 32–33; *Шнейберг Я. А.* Василий Владимирович Петров. М., 1985. С. 11–17, 90–94.

²*Петров В. В.* Известие о гальвани-вольтовых опытах. СПб., 1803. С. 1.

³См.: *Боресков М. М.* О гальванических батареях // *Инженерный журнал.* 1857. № 4. С. 52.

⁴Единая система электрических единиц была принята только в 1881 г. на 1-м Международном конгрессе электриков в Париже.

⁵*Петров В. В.* Указ. соч. С. 107.

⁶Там же. С. 163.

⁷Там же. С. 164.

⁸*Шателен М. А.* Русские электротехники второй половины XIX века. М.-Л., 1950. С. 49.

⁹Гефест — бог огня и кузнечного искусства в древнегреческой мифологии.

¹⁰См.: *Бенардос Н. Н.* Проект парохода, переходящего мели и обходящего разные препятствия по рельсовому пути. СПб., 1890. С. 1–12.

¹¹Цит. по: *Огиевецкий А. С., Радунский Л. Д.* Николай Николаевич Бенардос. М.-Л., 1952. С. 37.

¹²*Электричество.* 1887. № 7. С. 156.

¹³См. напр.: *Лачинов Д. А.* Электрическое паяние металлов по способу «электрогефест» // *Электричество.* 1887. № 7. С. 64–66; *Рюльман Р.* Способ г. Бенардоса электрического спаивания и сваривания // Там же. 1887. № 14–15. С. 147–154.

¹⁴*Герц Ф. И.* О применении «электрогефеста» в железнодорожных мастерских // Протокол заседаний XV совещательного съезда инженеров службы подвижного состава и тяги русских железных дорог, бывшего в Санкт-Петербурге в январе 1893 года. СПб., 1894. С. 118.

¹⁵Курс электротехники как самостоятельная дисциплина был введен в Петербургском горном институте только в 1896 г., почти через 20 лет после того, как его окончил Н. Г. Славянов.

¹⁶На этот факт обращал особое внимание Д. И. Менделеев в своей книге, написанной несколько лет спустя после смерти Н. Г. Славянова. См.: *Менделеев Д. И.* Уральская железная промышленность в 1899 году. Ч. 2. СПб., 1900. С. 46.

¹⁷*Славянов Н. Г.* Электрическая отливка металлов. СПб., 1892. С. 3.

¹⁸Там же. С. 28.

¹⁹Цит. по: *Огиевецкий А. С., Радунский Л. Д.* Указ. соч. С. 115.

*Андрей Вячеславович Папушин**

Элементарная генеалогия

Некоторые рекомендации по родословному поиску

Каждый, кто с интересом разглядывает фотографии в семейном альбоме, рано или поздно начинает задумываться о собственной родословной. Кто были эти люди, запечатленные на старых снимках? Когда и где жили? Чем занимались? И как восстановить цепь поколений, конечным звеном которой являюсь я сам?..

На этот вопрос — «как?» — мы и попытаемся ответить.

«Во вторую очередь»

Но сперва — о том, чего делать не следует, во всяком случае, поначалу.

«Расшифровка» фамилии — многие начинают именно с этого. Узнать происхождение собственной фамилии, действительно, любопытно. Фамилия может иногда намекнуть на черты характера, род занятий, даже на внешний облик кого-то из далеких родственников — но и не более того. Словом, это знание само по себе никак не помогает выстроить ту родословную цепочку, о которой мы говорим.

Кроме того, что делать, если (как, например, в моем случае, в Кузееве Волоколамского уезда Московской губернии) полдеревни были — Коровины? Что здесь можно «расшифровать»?

Использование интернет-ресурсов. На мой взгляд, сегодня в интернете нет ресурсов, помогающих «от» и «до» выстроить конкретно вашу родословную. Исключение — знаменитые фамилии (семьи), сведений о которых много. Но как быть с семьями «простыми»? А ведь таких — подавляющее большинство...

Впрочем, интернет изобилует сведениями вспомогательными (в том числе биографическо-

го характера), но искать и использовать их нужно грамотно. И, конечно, «во вторую очередь».

Опрос родных

С чего же следует начинать восстановление своей родословной? Без сомнения, с опроса родственников и близких друзей семьи. Точнее, это должен быть даже не опрос, а «допрос с пристрастием». Частенько они утверждают, что ничего не знают или не помнят, но если начать их «раскручивать» предметно (то есть спрашивать о конкретных вещах и не удовлетворяться ответом «не помню, не знаю»), то можно многое выудить.

И — внимание к деталям! В памяти людей обязательно «застревают» эпизоды, имеющие отношение к истории семьи. Эти эпизоды могут стать отправной точкой вашего исследования, теми штрихами, из которых будет постепенно складываться общая картина.

Трофейные чулочки

Тем более, если эти эпизоды — «говорящие». Мне, например, было важно узнать, что с началом войны мой дед, А. Е. Романов, работавший в то время военпредом Наркомата Военно-морского флота, пригнал из Москвы в Блуди под Волоколамском грузовик, чтобы вывезти семью — жену и двоих детей, отдохавших летом в деревне... Дед мой был заботливым мужем и отцом, подумал я, и уже не удивился, узнав позже, что он и детей купал сам в нашей коммуналке на Красной Пресне, и дочь его — моя тетья Римма — была самой модной девочкой в своей 101-й школе: отец привозил из Германии трофейные чулочки, кофточки...

*Автор — руководитель проекта «Большой Русский Альбом. Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов». Беседу с А. В. Папушиным см. в предыдущем номере

СВЕТ ПАМЯТИ

Мой прадед Василий Тимофеевич Папушин с сыном Алексеем Васильевичем.

Москва. 1934 год

Еще, помню, меня очень впечатлила фраза, услышанная как-то в разговоре за семейным столом: «Сам Харя уважал вашего деда...» А Харя (Харитон, наверное, или Харитонов, кличка по имени-фамилии) был не кто-нибудь, а известный в 1930-х годах пресненский бандит..

Словом, надо стимулировать воспоминания, найдя для них точку опоры. Ею может стать фотография из семейного альбома, какая-то вещь, «живущая» в вашей семье, или, скажем, документ. Другими словами — артефакт, предмет, насыщенный историей и информацией.

Не следует думать, что своими расспросами вы досаждаете родным. Напротив: старшие будут рады поделиться с вами воспоминаниями, ощутив себя (наконец-то!) полезными и нужными вам, а заодно окупившись в свою молодость. Ваша же задача — не спешить и быть благодарными и пытливыми слушателями.

Анкета

Полезно также составить анкету-вопросник, включив в нее пункты, которые нужно узнать или уточнить и которые касаются биографии ваших родных. Ничего особенно сложного: имя-отчество, год и место рождения, кто родители (и их имена-отчества, даты рождения), как звали братьев и сестер (если они были), чем занимались... Имеют значение девичьи фамилии матери, бабушек — вообще все сведения, которые вы сумеете добыть.

И не ленитесь записывать.

«Древо» начинается

Записывая, можно начать рисовать свое родословное древо, поместив в его основание самого себя и постепенно двигаясь вверх: «над вами» будут ваши родители, над каждым из них — их родители (ваши дедушки и бабушки), и так далее. Не забывайте про двоюродных и троюродных родных — у ваших старших родственников могли быть братья и сестры, которые тоже завели свои семьи...

Возле каждого имени обозначайте дату и место рождения (или годы жизни), и таким образом информация, получаемая вами путем опросов и «родственных анкет», будет в общих чертах структурироваться в виде родословной схемы (генеалогического древа).

Уверен: только путем «личных переговоров» вы сможете в общих чертах восстановить историю трех-четырех поколений своей семьи, жизнь которых еще на памяти ваших родных и близких.

Родственная почта

Кстати, тот вопросник, который вы составите, может быть разослан родственникам, с которыми вы не надеетесь побеседовать лично, — а порой и вообще не знакомы. И это дает отличный результат! Повторюсь: не стесняйтесь обращаться к людям (тем более, к родне — пусть и незнакомой) за помощью. В большинстве случаев вы получите не только эксклюзивную информацию, но еще и новые родственные связи.

В качестве примера скажу, что большую долю информации о своей семье лично я получил именно по почте: из Ярцева Смоленской области, Нижнего Новгорода, Томска, Твери... В двух первых случаях это были письма от близких родственников, отвечавших на вопросы моей анкеты (и прибавлявших такие подробности, которые никакой анкетой не предусмотреть!). В Томск же мы с женой послали письмо «наобум» — отыскав адрес по фамилии в интернете. И получили развернутый рассказ о трех поколениях семьи, а заодно — приглашение погостить!

Подвохи памяти

Замечу, что к сведениям, полученным от родных, нужно все-таки относиться критически, поскольку в большинстве случаев они полагаются на свою память. Например, моя двоюродная бабушка — Любовь Васильевна Папушина — утверждала, что ее отец (мой прадед) Василий Тимофеевич был 1877 года рождения, хотя впоследствии, занимаясь в архиве, я выяснил, что — 1873-го. Допускаю, что в паспорте у прадеда была именно та дата, которую озвучила тетя Люба (бумаги зачастую заполнялись «со слов»), но дела это не меняет. Или та же тетя Люба писала, что, мол, одна из сестер прадеда — то есть ее тетка — была выдана замуж в одну из соседних деревень, даже имя мужа вспомнила... А оказалось, опять же по архивным данным, что и имя не то, и жила эта тетка с мужем в той же деревне, что и Любовь Васильевна с родителями...

... Наконец, было обстоятельное письмо от начальника архива УФСБ (!) по Тверской области, куда я послал официальный запрос, основываясь на том, что один из братьев моего деда еще до войны работал в тамошней системе НКВД.

Этот последний факт позволяет сказать о пользе официальных запросов.

О пользе официальных запросов

Несомненный плюс официальных запросов состоит в том, что ответ на них должен быть дан в определенный срок (месяц) специально занимающимися этим людьми. Они — не ваши родственники или знакомые, которые могут не понять вашей настойчивости, ответить — их должностная обязанность. Кроме того, они основываются на документах — в отличие от ваших родных, которых, как мы убедились, часто подводит память.

Главное — вычислить, куда и какой запрос направить. Для этого цепляйтесь за факты биографии людей, которыми занимаетесь. Скажем, моя переписка с Тверским управлением ФСБ началась с того, что в семейном архиве (проще говоря, в картонной коробке среди старых бумаг

и документов) я наткнулся на собственноручную автобиографию моего деда. И в ней указывалось, что один из его братьев работает в органах милиции Калининской области. Шел март 1941 года.

Артефакты

Люди часто не обращают внимания на то, что находится прямо у них перед глазами. Между тем некоторые вещи и документы, хранящиеся в вашей семье, при внимательном к ним отношении могут дать вам в плане восстановления истории семьи гораздо больше, чем месяцы кропотливых поисков.

Это могут быть старые документы, письма или предметы, за которыми — целые страницы воспоминаний, эпизодов и характеристик. То есть — биографической информации.

Романов и «Люфтваффе»

Студентам я иногда рассказываю про часы марки «Arctos», которые обнаружил однажды в коробке с разной рухлядью и которые, по словам моей мамы, якобы принадлежали моему деду. При слове «принадлежали деду» я, конечно, «сделал стойку». И для начала «пробил» их через интернет. Выяснилось, что фирма «Arctos» в 1933–1934 годах выполняла заказ на наручные часы со швейцарским механизмом для летного и командного состава германских «Люфтваффе»! Буквы RLM (Reichsluftwaffe Ministerrei) и порядковый номер на задней крышке были в наличии. Значит, точно те самые. Но как они оказались у деда?

Здесь на помощь пришла все та же дедова автобиография, где он отметил, что в ноябре 1945 — январе 1946 года был в служебной командировке в Германии.

Словом, все оказалось довольно просто.

Адрес на Пресне

Другой пример — красноармейская книжка родного брата моей бабушки Алексея Васильевича Папушина, где записаны не только его довоенная специальность («мастер буровых работ» треста «Спецгео»), но и порядок прохождения службы — в 149-м гвардейском Будапештском стрелковом полку, старшина батареи 76-мм ору-

Трофейный «Arctos»

*Ребята
с нашего двора.
Москва,
Красная Пресня,
6-я Звенигородская, 10.
1935 — 1937 годы*

дий. А также адрес, куда в случае чего нужно было писать: Москва, 6-я Звенигородская улица, 10, корпус 4, квартира 164, сестре — Папушиной Анастасии Васильевне. Добавлю, тот же адрес фигурирует в договоре найма жилого помещения, в свое время заключенного моим дедом (эту пятнистую бумагу я извлек все из той же коробки). Таким образом, проявив немного внимания и сопоставив некоторые данные, я узнал, где жили мои родные перед войной. Получается — опять ничего особенно сложного.

Улыбки и голоса

И, конечно, самый неопенимый артефакт — *старые фотографии*. У меня, например, их не так много, но, разглядывая их, я понимаю, какими были мои родные, которых я не застал — дед, прадед... Кроме того, фотографии — источник информации, где важна и значительна каждая деталь. Нужно только уметь «прочитать» их — и здесь можно воспользоваться грамотной консультацией, справочной литературой или тем же интернетом.

Конечно, то, о чем мы сейчас говорим, не даст вам полной и непрерывной «цепочки», не вырастет само собой в родословное древо. Но все это способно вдохнуть жизнь в ваши занятия, вернуть улыбки и голоса людям, спрятанным за иногда до обидного скудными строчками биографических данных.

Если суммировать сказанное, получится, что внимание к людям и вещам, окружающим вас, способно помочь вам выстроить три-четыре поколения вашей родословной.

Но это, что называется, — «ближняя» история семьи. А как быть с «дальней» — той, которую уже не вспомнить?

Архивный поиск

Для выяснения «дальней» истории придется обратиться к архивам.

Работа в архивах требует времени, терпения, а также — системности. Причем зависимость «системности» и «времени» — обратно пропорциональная: чем больше *системы* будет в ваших поисках, тем меньше времени вы потратите вхолостую.

Подспорьем здесь станет ваша родословная схема и те биографические данные, которые вы уже собрали, — они помогут вам сориентироваться, что и где искать. Но в любом случае нужно подготовиться к вдумчивым и кропотливым изысканиям.

Для того, чтобы восстановить 11 поколений (до 1629 года) своей родословной (а линия, которую я хотел выяснить, связана с Московской губернией), мне понадобилась информация из двух архивов: Центрального исторического архива Москвы и Московской области (ЦИАМ) и Российского Государственного архива древних актов (РГАДА). «Аналоги» ЦИАМ есть во всех регионах России — это *областные исторические архивы*. Именно с них и нужно начинать.

Материалы здесь группируются по территориальному признаку. То есть если ваши далекие предки жили, скажем, в Саратовской губернии, — обращаться нужно именно в саратовский архив; а если они потом переехали в Москву, то — с определенного времени — уже в московский. Материалы охватывают период с середины (конца) XVIII века до 1917–1918 годов. Поэтому, если захочется «нырнуть» глубже, предстоит поездка (или запрос) в РГАДА.

Порядок действий

Фонды большинства архивов для обычных — как мы с вами — граждан совершенно открыты, и пользование ими — абсолютно бесплатно (за исключением случаев, когда вам понадобятся дополнительные, уже платные, услуги — копии документов и тому подобное).

Чтобы заниматься в архиве, требуется паспорт и заявление на имя директора о целях и хронологических рамках вашего исследования. Вам выпишут пропуск в читальный зал (разовый или на срок от трех месяцев до года), познакомят с правилами работы с каталогами — и вы сможете самостоятельно заказывать и изучать архивные документы, по мере необходимости консультируясь со специалистами.

Архивные документы группируются по фондам; внутри фондов — по описям и делам. Необходимо выяснить (у сотрудников читального зала), в каком фонде могут находиться интересующие вас материалы, изучить каталог этого фонда, выписать номера описей и дел — и уже после этого заполнять бланк заказа.

Забегая вперед, скажу, что основные виды архивных документов, которые вам понадобятся для родословного поиска, содержатся в *фондах церквей и духовной консистории*.

Следует учесть, что количество материалов, которые вы сможете заказать одновременно, ограничено. В одних архивах — это «физический» объем (в листах), в других — общее количество единиц архивных дел (независимо от их объема).

Не вдаваясь в дальнейшие тонкости, скажу главное: по мере занятий в архиве у вас будет вырабатываться навык обращения с каталогами и документами. Возможно — своя манера поиска. И, не исключено, интуиция, «нюх» на те материалы, в которых скрыты нужные вам сведения.

Сохранность документов

Многие документы в архивах находятся в плохом состоянии, ветхи, нуждаются в переплете — то есть, что называется, «требуют реставрации». На руки они не выдаются. В связи с чем в вашем движении «вверх по древу» могут возникнуть серьезные затруднения.

Можно заказать микрофильмы (пленки) с этих документов, но аппаратура для их просмотра очень не нова, к тому же пленки часто лишь усугубляют недостатки оригиналов.

Однако и те дела, что вы получите, могут иметь ряд изъянов. Каких?

Прежде всего, это «слабые» (выцветшие, плохо читаемые) чернила, а также неразборчивый почерк. Рецепт здесь один: запастись терпением. Также пригодится сильная лупа.

Еще одна трудность связана с разбором письма XVIII—XIX веков. Впрочем, «причитавшись», вы со временем просто перестанете обращать на это внимание.

Виды архивных документов

При всем разнообразии документов, которые можно изучать в архивах, главными для составления родословной являются *метрические книги, материалы ревизий (ревизские сказки) и исповедные ведомости*.

Метрические книги

Это, говоря современным языком, — книги для регистрации актов гражданского состояния. Каждая состоит из трех разделов: о родившихся, о бракосочетавшихся и об умерших.

В части *о родившихся* указывались имя, даты рождения и крещения, имена и отчества (фамилии) родителей (*до 1832 года в метрике указывался только отец новорожденного*), их социальное положение и место жительства, а также имена и отчества (фамилии) восприемников (крестных) и место их жительства.

Дети, рожденные вне брака, отмечались как «незаконнорожденные», и указывалось только имя матери.

В части *о бракосочетавшихся* — дата венчания, имена и отчества жениха и невесты, их социальное положение, место жительства, вероисповедание и возраст (полных лет), первым ли браком венчаются, иногда — имена и отчества (фамилии) родителей. Кроме того, указывались поручители (свидетели) отдельно по жениху и по невесте — имена-отчества, социальное положение и место жительства.

Венчание обычно проходило в приходской церкви жениха — это обстоятельство следует учитывать в родословном поиске. Скажем, если кто-то из членов семьи по женской линии вдруг «бесследно» пропадает, — вывод один: выдана замуж в другой церковный приход, и все события ее дальнейшей биографии будут отмечены уже в другой метрической книге.

Наконец, в части *об умерших* указывались имя, место жительства и социальное положение умершего, дата смерти и погребения, для младенцев и детей — кто отец, для женщин — социальный статус и имя мужа; причина смерти (например, «от простуды», «от водяной», «при пожаре», «замерз в нетрезвом виде») и место погребения (как правило, «на приходском кладбище»).

В случае насильственной смерти соответствующая метрика содержит ссылку на документы полицейского расследования.

СВЕТ ПАМЯТИ

Мои бабушка, папа и дед — Анастасия Васильевна Папушина, Слава Папушин, Андрей Евтихиевич Романов. Москва. 1934—1935 годы

Метрические книги составлялись *по церковным приходам*. То есть прежде чем заказать метрику за определенный год, необходимо узнать, к приходу какой церкви была приписана, скажем, та или иная деревня. Это выясняется непосредственно у сотрудников читального зала архива.

Как правило, в одной архивной книге сшиты метрики нескольких — до 40 и больше — церквей, и объем такой книги — до тысячи рукописных листов!

Точка отсчета

Но прежде всего требуется какая-то отправная точка. Такой точкой может быть год и место рождения кого-то из старших родственников — деда, бабушки... Плюс, конечно, имя, отчество и фамилия (для женщин — девичья). От этих данных можно отталкиваться.

Я начинал с того, что установил за точку отсчета год рождения моего деда — Андрея Евтихиевича Романова (1902). Место рождения — деревня Кузьево Волоколамского уезда Московской губернии. Выяснилось, что Кузьево (в числе еще нескольких деревень) относилось к приходу церкви Казанской иконы Божией Матери в Яропольце. Была заказана метрика Казанской церкви за 1902 год — и, внимательно просматривая страницы, я обнаружил запись о рождении деда. Кроме того, я узнал (а раньше не знал), как звали моего прадеда и прабабку — Евтихий Спиридонов и Ксения Алексеева. А в отделе «О умерших» за тот же 1902 год нашел запись о смерти (в возрасте 80 лет, «от старости») Спиридона Романова, моего прапрадеда!

Фамилии в метриках

Нужно иметь в виду, что в метрических книгах (прежде всего это касается крестьян) фамилии употребляются редко. Скажем, моя впервые появляется только в ноябре 1913 года. С фамилиями писались, как правило, солдаты (получили на военной службе) или люди, на которых выправлялись различные документы. Основная же масса — а все «мои» по этой линии до 1861 года были помещичьи крестьяне — обходилась без них. Во всяком случае, в церковных бумагах.

Впрочем, насколько я могу судить, у крупных помещиков (в моем случае — у графа Чернышева) крестьяне получали фамилии уже с 1830-х годов — и в *ревизских сказках* писались с ними. Но в *метриках* чуть ли не до конца XIX века все шло по-старому: имя-отчество.

С этим связана серьезная сложность «вычленения своих» в метрических книгах: фамилий нет, а имена и отчества повторяются и совпадают у многих совершенно разных людей. В этом смысле мне повезло: прадед — Евтихий (согласитесь, не самое распространенное имя), прапрадед — Спиридон Романов (то есть Романович), его отец — Роман Максимов...

Простые распространенные имена — Степан, Иван, Марья, Акулина — отслеживать гораздо труднее. И нужно быть предельно внимательным, чтобы *имя* не увело вас в совершенно другую семью и родственную линию.

Дата — и возраст

Метрические книги — тот биографический документ, который может пользоваться

абсолютным доверием *в части точных дат*. Но — не определения возраста. Скажем, дата смерти Спиридона Романова — 26 июня 1902 года — абсолютно точна, а вот возраст — 80 лет — сомнителен: в метриках за 1822 год записи о его рождении нет. Другими словами, должной сверки не проводилось. Возможно, писали со слов родных: «Сколько ему было? — 80...».

В ревизской же сказке за 1850 год возраст Спиридона указан — 21 год. Значит, он 1829 года рождения? Но в таком случае, было ему по смерти не 80, а 73 года.

Скажем мягче: иногда возраст, указанный в метриках (например, в записях о браке — в большинстве случаев), соответствует действительности, а иногда — приблизителен. Нужно проверять. Как? По тем же метрикам или иным источникам, что предполагает кропотливую работу с документами.

Выписки

Чтобы не утонуть в объеме информации, черпаемой из метрических книг, и не запутаться в родственных связях (что касается крестьянского мира — там буквально все были в разного рода родстве или свойстве), необходимо делать выписки, и чем подробнее они будут, тем лучше. Скажем, очень полезно выписывать имена и другие данные восприемников при рождении, поручителей при бракосочетании. Как правило, эти важные роли отводились *родственникам* — как самым близким, так и дальним; случайных людей или «просто знакомых» здесь (особенно при крещении) не было. Таким образом, сопоставляя различные данные, вы сможете получить обширную информацию о родственных связях или составе семьи. И зафиксировать ее в вашей родословной.

И еще совет: не «прыгать» по метрикам, а стараться двигаться системно, снизу вверх по родословной лестнице: от деда к прадеду, от прадеда — к прапрадеду и так далее. Напомню: фамилии в метриках редки, и, потеряв «мостик», вы рискуете просто не найти своих, запутавшись в именах-отчествах множества людей, в многообразии родственных связей.

После 1917 года функции Церкви по регистрации актов гражданского состояния были переданы отделам ЗАГС администраций городов и районов.

Ревизские сказки

Другой вид документов, незаменимых при воссоздании родословной, — материалы ревизий (народных переписей), которые проводились в России с достаточной регулярностью

в течение полутора веков. Всего было проведено десять ревизий — в 1710, 1742, 1762, 1782, 1795, 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 годах.

Ревизские сказки составлялись по иному принципу, чем метрики: переписывалось *податное население* (в моем случае — владельческие крестьяне). Другими словами, чтобы заказать нужную книгу в архиве, необходимо знать не церковный приход, а *фамилию помещика* (а также *уезд, волость или стан*, а в городах — городские районы, или сороки, поскольку материалы ревизий структурировались еще и *территориально*). В сказке под соответствующей литерой перечислялись принадлежавшие ему села и деревни — и население этих деревень.

Заметим, что владельцы менялись. Допустим, в одной переписи это был граф Муравьев, а в следующей — уже некий поручик Хозин. Следовательно, должно измениться и направление вашего поиска: нужные материалы будут содержаться в каталоге под другой буквой (была «М», стала «Х»), и искать их предстоит в других архивных делах.

Несомненный плюс ревизских сказок — это *посемейная (подворная) перепись*, то есть писался весь состав семьи, зачастую включавший несколько поколений, с указанием степени родства. Есть нюанс: в ревизскую сказку могли не попасть дети до двух лет («в подушном окладе не числились»).

Какие еще данные указывались в материалах ревизий? Отмечался возраст членов семьи по предыдущей и текущей переписям. Если кто-то был записан в предыдущей ревизии, а ко времени следующей умирал или выбывал (например, в связи с переводом в другое место, призывом в рекруты, нахождением в бегах и так далее), эти обстоятельства тоже отмечались с указанием соответствующей даты.

Впрочем, в материалах ревизий, как и в метриках, при указании возраста нередки неточности. Даже несмотря на то, что сверка с данными предыдущей переписи очевидно проводилась. Доходит иной раз до того, что человек числится умершим, а при следующей ревизии он, как выясняется, жив, и лет ему даже меньше, чем было указано «при смерти»!

Сироты и приемыши

В ревизских сказках записывались также подворники и приемыши (обычное явление: люди теряли близких — и находили приют у родственников и соседей). Они писались после основных членов семьи — и среди них,

насколько я могу судить, большинство состояли в том или ином родстве или свойстве с хозяином двора.

Были и воспитанники (воспитанницы), хотя ни в материалах ревизий, ни в исповедных ведомостях они никак специально не выделялись. Соответствующие записи можно встретить (и довольно часто) лишь в метриках — в разделах *об умерших* (где указывался «статус» — например, «воспитанница Московского Императорского воспитательного дома», учетный номер, имя кормилицы) и *о бракосочетавшихся*.

Отдать сироту из воспитательного дома кормилице в деревню — было, насколько я понимаю, обычной практикой. Как и взять сироту — очевидно, за плату, что становилось источником дополнительного дохода. При этом в дальнейшем упомянутый «статус» размывался, и хотя в архивных документах приемыши отмечались, определить, кто из них «свой», а кто — «чужой» очень сложно.

Семья «в движении»

Таким образом, по материалам нескольких следующих друг за другом ревизий можно наблюдать семью «в движении». Другое дело, что движение это (если ориентироваться только на ревизские сказки) получается *дискретным*, с интервалами в 15–20 лет. Следовательно, за кадром остаются люди, родившиеся, например, через год после предыдущей ревизии и умершие за год до следующей (а смертность, особенно детская, была высокой). Но это ведь не значит, что их не было вовсе и мы можем «сбросить их со счетов» в нашей родословной!

И еще одна — хотя и преодолимая — сложность. Последняя ревизия проводилась в Российской империи в 1858 году. Значит, существует временной «люфт» примерно в полвека (от начала XX века — до 1850-х годов), через который нужно перекинуть мостик из точных биографических данных, чтобы знать, на что ориентироваться и какую информацию искать в 1858 году. Здесь каждый должен постараться сам.

Мой совет при работе с ревизскими сказками тот же, что и в случае с метриками: двигайтесь постепенно «снизу вверх», от последней ревизии к предшествовавшим.

Материалы 6-й–10-й ревизий (1811–1858) находятся в областных исторических архивах. 5-й ревизии (1795) в ЦИАМ, например, нет (хотя, по идее, должна быть — вот вам еще один «люфт»); а как в других местных архивах — не знаю. За 1-й–4-й ревизиями нужно обращаться в РГАДА.

Имена

В архивных документах часто встречаются вещи, которые могут вас озадачить или запутать. Например, нередки случаи, когда несколько детей в семье носили *одно имя* (как правило, погодки, или, наоборот, старшие и самые младшие). В моей родословной есть даже пример, когда одно имя — Фома — получили близнецы (запись от 1 июля 1831 года, деревня Телегино Волоколамского уезда). Один из них умер в двухлетнем возрасте, а другой стал впоследствии отцом моей прабабушки.

Имена могли совершать своеобразные «культбиты». Допустим, Варла(а)м вполне мог трансформироваться в Харлама или Харлампия, что объяснимо («церковное» имя превратилось в обиходное). Также объяснимо, когда Евдокия (по метрике) становится Авдотьей (в ревизских сказках или иных бумагах), Ксения — Аксиньей, Домника — Домной, Агриппи(пе)на — Аграфеной: это одни и те же имена, употребленные в разных формах (и разных видах документов). Понятно, наконец, когда Андриан «переписывается» в Андрея. Но вот когда *Петр* спустя несколько лет вдруг становится *Иваном*, приходится только недоумевать.

Из имен, которые я узнал впервые, мне особенно запомнились *Флегонт* и *Сигкли-тикия*. При всей их необычности, имена эти были вполне распространенными. Например, в «моей» волоколамской деревне Блуди Флегонтов значилось четверо, все — отцы семейств. А теперь представьте, как сложно было разбираться с *Флегонтовыми* (то есть *-вичами* и *-внами*, их детьми, по отчеству), если детей приходилось восемь–десять на семью!

«Свой — чужой»

Другой фокус: появление в списке семьи новых детей, которые нигде ранее не отмечались. Эта загадка может быть разрешена просто. Во-первых (если речь идет о ревизиях), дети подросли — и были вписаны в ревизскую сказку (а до определенного возраста могли быть и не вписаны).

Кроме того, обычной практикой являлись вторые и даже третьи браки; замуж брали *вдов с их детьми* — отсюда и «внезапное» увеличение количества детей самого разного возраста.

Включать в родословную сводных братьев и сестер ваших далеких родственников или нет, как обозначить степень их родства, — вы должны решить сами.

Вообще, с определением «своих» и «чужих» детей в семье следует быть внимательными. Некоторые ориентируются на возраст родителей

(прежде всего, отца) — и рискуют ошибиться. Во-первых, как мы сказали, возраст мог быть отмечен неправильно. А во-вторых, судя по архивным документам, возраст не являлся препятствием для рождения ребенка (впрочем, у женщин предел все-таки был — 50 с небольшим лет).

Например, мой прадед по отцовской линии в десятом поколении Ларион Степанов (деревня Хрулево, перепись 1719 года) в 90 лет имел троих сыновей, младшему из которых — Константину — было 14. Следовательно, в год его рождения отцу исполнилось 76!

Вообще, материалы первых ревизий убеждают: «позднее» — по нашим современным меркам — отцовство считалось в порядке вещей. Более того, 30-летних отцов малолетних детей было чуть не втрое меньше, чем 50- и даже 60-летних.

Косой горизонт

В связи с указанным обстоятельством — замечание, касающееся горизонтальных связей в вашей родословной схеме. Вы можете обнаружить, что годы рождения даже близких родственников (например, двоюродных) «разнесены» на несколько десятков (!) лет. А если сопоставить соседние линии родословной (по отцу или по матери), может оказаться, например, что браки заключались между людьми разных поколений!

Удивляться и тут нечему. Во-первых, семьи были большие, и ребенок старшего сына или дочери вполне мог быть старше своего дяди (или тети) — младшего ребенка в семье.

Кроме того, в течение жизни, скажем, Лариона Степанова (90 с лишним лет) в семье его будущих родственников могло смениться два-три поколения, хотя младшие дети обеих этих семей (справедливо оказавшиеся у вас на разных «этажах» родословной схемы) находились примерно в одном возрасте.

Исповедные ведомости

Наконец, есть исповедные ведомости — документы, в определенном роде совмещающие достоинства (но и недостатки) метрик и ревизий. Это — *посемейные списки бывших у исповеди*. Велись они, как и метрики, по церковным приходам и содержат перечень членов семьи с указанием их возраста и степени родства.

«Традиционные» для всех видов архивных документов неточности с указанием возраста искупаются тем, что списки эти (в отличие от ревизий) — *ежегодные*, и «движение семьи» представлено в них непрерывно и совершенно точно. Другое дело, что исследовать полторы сотни книг, детально фиксируя все изменения состава семьи, — дело очень трудное, требует времени и нервов и не всякому под силу. Как, впрочем, и вообще занятия в архивах.

Никаких посредников

Многие за недостатком времени и по другим причинам перепоручают воссоздание своей родословной другим людям. Тоже вариант. Однако я поостерегся бы начинать с коммерческих организаций, предлагающих родословный поиск, изготовление «фамильных дипломов» и тому подобные услуги. Это, мягко говоря, ненадежно, поскольку они все-таки посредники. Те же услуги, что у фирм, можно заказать специалистам архивов. За деньги, разумеется. Но, безусловно, степень доверия к результату будет совершенно другой.

Кроме того, я в любом случае советовал бы каждому, кто по-настоящему интересуется историей своей семьи, хоть раз подержать в руках том метрики с именами своих далеких по времени родственников. Чувства, которые вы испытаете при этом, я даже не возьмусь описать словами.

Общее и частное

Моя родня по отцовской линии, которой я занимался в ходе архивных исследований, вся была из крестьян. Что, как я понимаю, усложняло задачу. Другое дело, что жили они все поколениями бок о бок — несколько деревень Волоколамского уезда, два церковных прихода, и это обстоятельство, напротив, мои поиски облегчало.

Многим людям придется вести розыск по архивам нескольких областей (зависит от мобильности семьи), по нескольким сословиям — дворяне, священнослужители, мещане, мастеровые... Для этих и других категорий русского населения есть свои виды архивных документов, которые тоже предстоит использовать, хотя меня они не интересовали. Другими словами, мой опыт, конечно, не является образцовым с точки зрения охвата всех возможных видов источников. Однако *принципы поиска и основные документы*, на которые следует опираться, очевидно, являются общими для всех.

Другие документы

Перечислим еще некоторые виды архивных документов, которые вы можете использовать для восстановления своей родословной.

Брачные обыски и документы к ним. Это письменные акты, совершаемые причтом церкви перед венчанием: имя, отчество, фамилия, возраст жениха и невесты. К ним прикладывались выписки из метрических книг, прошения и разрешения на вступление в брак, копии паспортов, свидетельств и удостоверений. Содержатся в фондах церквей и Казенной палаты.

Переписные листы. Посемейные списки 1-й всеобщей российской переписи 1897 года.

Содержат сведения о месте проживания, фамилию, имя, отчество хозяина двора (дома, квартиры); для всех прочих указывается, кем они приходится главе семьи; возраст, семейное положение, сословие, место рождения и прописки, отметка об отсутствии или отлучке на время переписи, вероисповедание, язык, образование, занятие, которое доставляет средства к существованию, отношение к воинской повинности.

Переписные листы распределены по волостям, селам и деревням: каждый населенный пункт — отдельное дело; города записаны в нескольких делах. Содержатся в фонде губернского статистического комитета.

Рекрутские списки. Списки мужчин, годных по состоянию здоровья к воинской службе. Содержатся в фондах воинских присутствий и Казенной палаты.

Формулярные и послужные списки. Документы, знакомящие со служебной биографией человека. Они заводились на каждого, кто занимал «классные», то есть связанные с чиновничеством должности — от крупных государственных деятелей и до рядовых чиновников.

Городовые обывательские книги. Списки домо- и землевладельцев, гильдейских купцов, мастеров, подмастерьев и учеников разных ремесел, именитых граждан и всех остальных жителей города. В обывательские книги заносились следующие сведения о человеке: имя, отчество и фамилия, возраст, семейное положение, данные о жене, о детях (имена, пол, возраст), имущественное положение, профессиональные и общественные обязанности.

Статейные списки. Документы полицейского учета, которые составлялись на приговоренных к ссылке или каторге: фамилия, имя, отчество, дата рождения, вероисповедание, место жительства, семейное положение, образование, сословие, дети и родители...

Словом, информации в архивах предостаточно, нужно только определить, какая именно вам необходима — и суметь ее «взять».

Разумеется, используя разные виды документов, можно и нужно проводить «перекрест-

ную сверку» данных, заодно получая новые отправные точки для дальнейшего поиска.

Однако следует понять и то, что, несмотря на все ваши старания, некоторые данные по причине отсутствия или плохой сохранности документов так и останутся недоступными. Иначе говоря, движению «вверх по дереву» однажды наступит предел.

Цифра против бумаги

Работая с архивными документами, опрашивая родных и рассылая официальные запросы, то есть собирая информацию по родословной семьи, вы можете обнаружить, что тетрадки или блокнота вам уже не хватает. А рисуемое от руки «дерево» с ветвями двоюродных и троюродных родственников переросло все возможные бумажные форматы. В этом случае можно систематизировать свой архив, переведя его в электронный вид.

Сошлюсь опять же на собственный опыт. Мое «дерево» до сих пор рисуется вручную, но уже на компьютере, в программе «Adobe Illustrator». И хотя компьютерное поле тоже не безгранично (чертеж родословной, простирающийся в реальном виде на 6 с половиной метров, пришлось разбить на четыре части-файла), это дает возможность при необходимости редактировать любые данные, не разводя той грязи и помарок, которые неизбежно возникли бы на бумаге.

В дополнение к «электронному дереву» есть систематизированный (по годам и видам источников) архив выписок из метрических книг, материалов ревизий, исповедных ведомостей и других документов, рядом с которыми делаются примечания. По сути, это рукописные копии архивных материалов, касающихся моей темы, — еще около 75 страниц таблиц и текстов.

Лица и имена

Наконец, есть электронный архив фотографий из моего семейного альбома. Фотографии эти принадлежат XX веку, «ближней» истории семьи, но, глядя на них, я различаю и дальние поколения моих родных — людей, которые благодаря моим усилиям вновь обрели пусть *не лица*, но хотя бы *имена*.

Фотографии из архива автора

<http://RUSALBOM.ru>

Почетный гражданин города Железнодорожный

В № 8 за 2007 год в нашем журнале была опубликована статья Марии Рязанцевой, посвященная истории города Железнодорожный. Сегодня наш автор рассказывает об одном из его жителей — ветеране Великой Отечественной войны и Почетном гражданине Анатолии Владимировиче Чистякове.

Анатолий Владимирович Чистяков родился в 1921 году в поселке Обираловка (ныне город Железнодорожный). Семья жила скромно и дружно: отец был начальником военно-учетного стола на Нижегородской железной дороге и руководил драматическим кружком для взрослых, мать работала на почте.

После сильнейшего пожара жители поселка организовали добровольное пожарное общество и дружину, на собранные средства построили пожарный сарай у Максимова пруда, на фасаде водрузили большую икону Спасителя, а рядом на столбе повесили внушительного размера колокол. Помимо взрослой, была сформирована и детская пожарная дружина, в которой с 1932 года состоял и Толя Чистяков.

В 1929 году Толя пошел в первый класс единственной тогда в поселке семилетней школы имени Дзержинского (ныне — школа №7). Среди одноклассников он был лидером, заводилой. Сегодня Анатолий Владимирович со смехом вспоминает, как однажды его чуть не выгнали из школы за неугомонность характера: он увел с уроков весь класс на просмотр фильма «Чапаев». За классом на киносеанс «сбежала» едва ли не вся школа. История произошла в далеком 1930-м, когда фильм только вышел на экраны. Кино «крутили» в том самом пожарном сарае (сегодня на его месте мебельный магазин) два-три раза в неделю — по тем временам значительное событие... После разговора с директором школы Дмитрием Михайловичем Соколовым больше поводов для исключения Толя не давал. Напротив, успешно участвовал во всех общественных делах, хорошо учился. Между прочим, и со своей будущей женой Евгенией Сергеевной познакомился в школе: он был вожатым в классе, где училась Женя.

Особенно нашему герою запомнилось время, проведенное в пионерском лагере в Купавне, куда он ездил с первого класса. Живописное место в окружении леса, рядом озеро. Еду ребятам приходилось добывать самим — родительский комитет присылал только хлеб, сахар и соль. Школьники работали в колхозе в Федурново и Кучинском лесничестве. Обираловский лесхоз платил мясом (там тогда отстреливали кабанов), а колхоз — овощами. Ловили рыбу на Бисеровом озере, собирали грибы и ягоды.

*Толя Чистяков (в верхнем ряду, третий слева) —
ученик семилетней школы имени Ф. Э. Дзержинского*

*Детская пожарная дружина в поселке Обираловка
(мальчик с трубой — Толя Чистяков).
Фотография 1932 года*

ПОЧТА

С четвертого класса Анатолий начал активно заниматься спортом, выступал за школу на соревнованиях. В 1939 году он впервые сыграл за футбольную команду Обираловки против Никольского. Обираловцы выиграли.

Кстати, спорт он не оставлял и потом, даже в армии его зачислили в споротру...

После окончания семилетки Анатолий поступил в политехническую школу при заводе «Спортивентарь» в Москве, получил профессию столяра-деревообработчика. В дальнейшем работал на заводе, где изготавливали лыжи. Хорошая физическая подготовка позволяла А. В. Чистякову заниматься испытанием продукции: «Нам, семи испытателям, давали автобус, санитарку и повара. Сопровождал нас и начальник. Если лыжа ломалась в пути, мы останавливались и составляли акт, в котором подробно описывалось, при каких обстоятельствах это случилось». Там же, на заводе, в 1940-м он вступил в комсомол.

* * *

В декабре 1940 года Анатолия Владимировича Чистякова призвали в армию. Служил он в войсках НКВД. Войну встретил во Львове. Он хорошо помнит, как в четыре часа утра в небе показались немецкие самолеты. Их было три. Анатолий с друзьями, сняв пилотки, стали приветливо махать летчикам: думали, идут учения... Потом пришлось отступить до Белой Церкви, где и получил первое ранение. Осенью 1941 года десант морской пехоты, где служил теперь А. В. Чистяков, был брошен под Ленинград. Шла отчаянная борьба за каждый

Письмо и фотография
с фронта домой.
1941 год

километр. Однажды на рассвете осторожно продвигались к разбомбленному селению и вдруг услышали отчаянное рыдание. «Мужчина сидел на крыльце, обхватив голову руками и, покачиваясь из стороны в сторону, рыдал, словно не замечая нас, — весь мир для него был потерян... С его щек и ладоней капали черные от золы слезы. На месте дома торчала черная труба и тлели догоравшие бревна, семья погибла... Такого плача я никогда не слышал и до сих пор не могу его забыть».

В истории блокадного Ленинграда было много жизнеутверждающих страниц. Например, футбольный матч 6 мая 1942 года.

Игрокам выдали дополнительный паек — 200 граммов хлеба и стакан клюквенного сиропа. Встречались команды ленинградского «Динамо» и N-ской части. Когда игра началась, немцы стали методично обстреливать город из дальнбойных орудий. «Слушая по радио ход матча, мы в окопах восхищались самим фактом этого события. Почти одновременно с комментатором кто-то из бойцов сказал: «Если наши граждане и в такую годину могут организовать футбольный матч — нам никакой враг не страшен!». Второй тайм дослушать не удалось — завязался бой.

Однажды Анатолий Владимирович получил посылку: сухой паек, папиросы и фотокарточка двух девушек, на обороте которой было написано, что содержимое посылки предназначается именно ему. Чистяков удивился: с этими девушками он знаком не был. Продукты переправил в блокадный город, себе оставил папиросы.

И сегодня Анатолия Владимировича по-прежнему занимает вопрос: кто они, эти незнакомки? Подумывает даже обратиться в программу «Жди меня», ведь фотографию он сохранил.

*В Свердловском госпитале.
Анатолий Чистяков
— третий слева
в первом ряду.
Фотография
1942 года*

После тяжелого ранения (ему оторвало руку) А. В. Чистяков оказался в Свердловском госпитале, а домой ошибочно ушла «похоронка». Когда, выписавшись из госпиталя, в марте 1942 года на перекладных добрался до родной Обираловки, мать упала в обморок...

* * *

В военкомате А. В. Чистякова направили в Отдел народного образования Балашихи инспектором по военно-физической подготовке в учебных заведениях — школах, техникумах. Так было положено начало педагогической карьеры. В 1944 году в районе стали открываться «Станции юных техников». Первая из них появилась в Реутово, затем в Железнодорожном, где руководителем стал Чистяков. Работали авиамодельный, ракетный, танцевальный, фото- и радиокружки, а также кружок моделирования сельскохозяйственной техники. Самым популярным был авиамодельный. В 1947 году состоялись первые соревнования авиамodelистов на аэродроме в Черном. Ученики Анатолия Владимировича стали призерами, а в 1951-м установили два уже всесоюзных рекорда. Неудивительно, что многие из них в будущем связали свою жизнь с техникой...

В 1955 и в 1977 годах Анатолий Владимирович был отмечен нагрудными знаками ДОСААФ «За активную работу с допризывниками». Первый он получил из рук С. М. Буденного, а второй — трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина.

Вышел на пенсию Анатолий Владимирович в 1979 году, но продолжал заниматься общественной работой. Именно по его инициативе почти 20 лет назад впервые были организованы ставшие традиционными спортивные соревнования среди инвалидов города.

У Анатолия Владимировича Чистякова огромное количество наград, в том числе два ордена Отечественной войны I-й и II-й степени, медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «Ветеран спорта РФ». Но главная его награда — любовь близких, успехи бывших учеников, уважение земляков.

Авиамodelисты на соревнованиях в Чехословакии.
А. В. Чистяков — крайний слева.
Фотография 1954 года

А. В. Чистяков — судья на лыжных гонках.
1990-е годы

Мария Рязанцева,
город Железнодорожный Московской области

Директор

В мае нынешнего года исполнилось 125 лет со дня рождения директора Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в 1939–1944 годах — Ивана Ивановича Короткова. К этой дате в Тейково Ивановской области научный сотрудник Музея города С. В. Потанин организовал выставку, рассказывающую о жизненном пути И. И. Короткова.

*Организатор выставки
в Музее города Тейково
С. В. Потанин
с внуком
И. И. Короткова*

Он родился в 1885 году в крестьянской семье в деревне Турсино Владимирской губернии (с 1929 года — Ивановская область). Окончил сельскую школу, земское училище. С 1901 года был учеником в живописно-малярной мастерской у подрядчика Брындина, затем переехал в село Осенево, где продолжил работу у подрядчика Черноусова.

В 1905 году И. И. Коротков вступил в РСДРП, в Иваново-Вознесенске принял активное участие в первой русской революции. Неоднократно подвергался арестам, отбывал ссылку. В августе 1917 года переехал в Тейково и стал членом Ярославского комитета РСДРП(б). Далее — стремительная партийная карьера: председатель Тейковского уездного комитета партии, заместитель председателя Иваново-Вознесенского губисполкома, заведующий отделом и секретарь Иваново-Вознесенского Губкома РКП(б). После 1924 года более 15 лет служил в органах партконтроля. Еще в юности Иван Иванович познакомился с Д. И. Ульяновым, позднее они дружили семьями.

В 1939 году приказом № 194 Комитета по делам искусств при СНК СССР И. И. Коротков был назначен директором ГМИИ имени А. С. Пушкина. При его директорстве состоялись выставки, посвященные 270-летию со дня смерти Рембрандта, 300-летию со дня смерти Рубенса, 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина. Перед войной специалистами-искусствоведами было закуплено большое количество новых экспонатов; приобретались монеты, в основном античные, из раскопок¹ для отдела нумизматики; поступила коллекция А. В. Живаго, включавшая в себя 2435 предметов². Помимо этого, музей получил дарственную на работы художников Г. С. Верейского³, В. Н. Домогацкого⁴. 23 мая 1941 года закупочная комиссия рассматривала вопрос приобретения новых графических работ. Таким образом в ГМИИ попали гравюра «Адам и Ева» Л. Кранаха, альбом «Галереи Флоренции», альбом У. Хогарта

*Рабочий
стол
И. И. Короткова*

и многие другие шедевры зарубежных авторов. Приобретались именно те экспонаты, которые сейчас считаются жемчужинами музейного фонда.

На посту директора Иван Иванович Коротков встретил Великую Отечественную войну. Ему удалось оперативно провести эвакуацию музейных ценностей. В письме председателю Комитета по делам искусств М. Б. Храпченко он указывал, какие экспонаты необходимо эвакуировать в первую очередь. Всего в тыл было вывезено 101824 шедевра мирового искусства⁵ — памятники отделов Востока, Античного, Запада, Гравюрного и нумизматического кабинетов, ценнейшие издания библиотеки и архива. В Новосибирск отправили 457 ящиков, 18003 предмета⁶, о чем свидетельствуют акты, хранящиеся в Отделе рукописей. Среди архивных документов — материалы о создании музея, бумаги конца XIX — начала XX века по строительной комиссии, письма И. В. Цветаеву, протоколы заседания Комиссии о постройке музея, чертежи и планы, информация о поставщиках и многое другое. В те годы архивом заведовала Н. Н. Клейн — вдова Р. И. Клейна, строителя ГМИИ. Она сама оставалась в Москве, но за эвакуированными ценностями велся строгий контроль в Новосибирске.

Во время войны сотрудники Музея проводили выставки, поднимающие патристический дух народа, рассказывающие о достижениях страны в разных областях деятельности; устраивались экспозиции художников МОСХа и блокадного Ленинграда.

В 1944 году И. И. Короткова освободили от должности директора ГМИИ имени А. С. Пушкина. Какое-то время он жил в Новосибирске, где хранились музейные сокровища. После войны вернулся в Москву, где жил на улице Серафимовича в так называемом Доме на набережной. Умер в 1949 году. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Ольга Борисовна Полякова, Москва

¹ОР ГМИИ. Ф. 5, оп. 12, ед. хр. 36.

²Там же. Л. 80–139.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же. Оп. 1, ед. хр. 1480, л. 1.

Жизнь в Свято-Васильевском Овручском женском монастыре

Старинный Овруч до революции был уездным городом Волынской губернии, а весь Овручский уезд принадлежал к так называемому восточному Полесью. Город расположен на левом берегу реки Норин, на высотах, окруженных глубокими крутыми оврагами. Святой равноапостольный князь Владимир в 989 году (по другим источникам — в 997-м) построил в Овруче на месте разрушенного идольского капища деревянную церковь святителя Василия Великого, чье имя он носил в крещении, — первый православный храм Овручского края.

Примерно через сто лет правнук князя Владимира, Рюрик Ростиславович, возвел на том же месте каменный златоверхий храм, который в XIII веке дважды разоряли татары. И оба раза он восставал в своем прежнем величии. В 1321 году церковь подверглась нападению литовского князя Гедимина. Хотя храм и не был уничтожен до основания, восстановить его жителям пострадавшего Овруча было не под силу, и они выстроили внутри разрушенной святыни маленькую деревянную церковь. Побудило их к этому следующее обстоятельство: в народе шла молва, что по ночам из развалин храма слышится пение ангелов, а от земли исходит дивное благоухание...

<http://ovruch.ucoz.ru>

В таком виде храм пребывал до конца XIX века, когда архиепископ Волынский и Житомирский Модест (Стрельбицкий) не решил восстановить его. Однако кончина владыки в 1902 году помешала начатому делу. Осуществить задуманное удалось его преемнику, архиепископу Антонию (Храповицкому). В 1904 году на годичном собрании Волынского Епархиального Владимирско-Васильевского братства владыка Антоний предложил отреставрировать древнюю Васильевскую церковь в Овруче и ходатайствовать перед Святейшим Синодом об учреждении при ней женского монастыря. Архитектор А. В. Шусев дал заключение, что храм может быть воссоздан в его прежнем византийском стиле. А в ноябре 1906 года здесь учреждается Овручская Васильевская женская община, преобразованная в 1910 году в монастырь.

По благословению Святейшего Синода 1(14) января 1907 года, в день памяти Василия Великого, вся Россия собирала деньги на восстановление Овручского храма. Император Николай II пожертвовал на благое начинание из личных средств 10000 рублей и большое паникадило. Уже в мае начались восстановительные работы, а 18 сентября 1908 года на куполе установили крест. В 1911-м в освящении воссозданного во всем его былом величии храма принял участие Николай II.

Васильевский храм пережил революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны и никогда не закрывался. К 1000-летию Крещения Руси его полностью поновили, также были отреставрированы фрески и иконостас Рублевского письма. А вот монастырь был ликвидирован в 1935 году, затем вновь открылся в годы войны и просуществовал до 1959-го (приведенные ниже воспоминания относятся именно к этому периоду). Возобновлен в 1989-м, в год, когда Свято-Васильевский храм торжественно праздновал свое 1000-летие.

Воспоминания монахини Иннокентии (Ю. М. Вeneвцевой)

Я родилась в семье Михаила Трофимовича и Александры Федоровны Вeneвцевых в Черкизове, но вскоре наша семья переехала в подмосковное село Косино. В детстве меня крестили с именем Юлия. В крестные Господь послал монахиню Ангелину — келейницу игуменьи Леониды из Новодевичьего монастыря. К своим обязанностям крестной матери она относилась с полной ответственностью — я выросла под ее духовным руководством.

Когда окончила школу, встал вопрос: как жить дальше? Я поехала в Троице-Сергиеву лавру, где старец Маврикий благословил меня на монашеский путь. Поблизости женских монастырей не было, крестная предложила поехать в Киево-Печерскую лавру. Там-то, по промыслу Божию, попали в келью к духоносному старицу Андрею. Он с нами поговорил, расспросил о нашей жизни, а потом посоветовал поехать в Свято-Васильевский Овручский женский монастырь, где игуменьей была его духовная дочь Лукия. Мы поехали в эту обитель, но крестную там не хотели принимать, потому что она была преклонного возраста. Внести вклад она тоже не могла, так как всю жизнь провела в монастыре на послушании и денег не имела. Все же ее приняли, потому что мы пришли вместе, а я была молодая и сильная.

Монастырь находился в красивом месте на вершине холма, внизу — водоем, вдали виднелся лес. Около монастырской ограды стоял храм Святителя Василия Великого. На территории находилась домовая церковь «Всех скорбящих Радосте», в которой мы обычно и молились. Васильевский храм был летним, поэтому в холодное время года приходилось одеваться так, чтобы не замерзнуть. На престольный праздник ходили крестным ходом.

Монашествующих было в то время около ста человек, а потом подошли еще из закрытых обителей, и нас стало сто двадцать.

Постригал в рясофор меня архиепископ Житомирский Владимир (Кобец). Мне оставили имя Иулия. Позже я была пострижена им же в мантию с именем Иннокентия.

В монастыре нас окормляли священники Димитрий и Елеазар. У отца Елеазара рано умерла матушка, он один воспитывал двух дочерей. Так как денег не хватало, то батюшка клал печи и прослыл в народе хорошим печником. У него была послушница Варвара. Оба они продали, что имели, и купили небольшой домик около монастыря. Но пожить в нем отцу Елеазару довелось совсем немного: он заболел и на смертном одре принял постриг. Отпевали и хоронили его по монашескому чину.

В 1960-х годах игуменью Лукию перевели настоятельницей в Дерман, где она потом и скончалась. У нас же игуменьей стала матушка Анастасия. Жили сестры дружно, старались уважать друг друга.

Меня определили трудиться в трапезную. Из-за того, что работы в монастыре было очень много, игуменья благословляла собираться вместе на трапезу в воскресенье и в праздники, а в обычные дни трапезничали в своих кельях.

Мою крестную послали пасти монастырское стадо. Мать Елевферия, которая ухаживала за скотом, была ею довольна, так как коровы были и сыты и напоены. Во время поста, когда молочную пищу не вкушают, мать Елевферия готовила впрок творог, сметану, масло. Помогали ей нести это послушание и другие монахини. Потом моя крестная получила другое послушание — караулить монастырское поле, находившееся в пяти километрах от обители. Сестры относили ей туда еду. Однажды и я пошла, но идти по дороге мне не захотелось: можно было перейти водоем

*Летняя страда.
1957 год*

*Сестры Овручского монастыря.
Во втором ряду (слева направо): Валентина, Аглаида, Юлия;
в первом ряду (слева направо): Зиновия, Алевтина (экономка),
Мария Мурашка (с четками), Ангелина (крестная монахини Иннокентии)*

в неглубоком месте, намного сократив расстояние, что я и сделала. Вода была очень холодной, ноги замерзли, к вечеру у меня поднялась температура, я потеряла голос. Игуменья Лукия повезла меня в Житомир к врачу. Врач посоветовала, как лечиться, чтобы скорее поправиться. Для восстановления голоса она велела пить гоголь-моголь. Через некоторое время я вновь пела на клиросе.

Игуменья Лукия раньше регентовала, поэтому очень ревниво относилась к монастырскому хору. Регент, матушка Евстолия, подбирала на клирос певчих с отменными голосами. Хор в монастыре был очень хороший. Исполняли произведения Чеснокова, Бортиянского и других духовных композиторов.

Секретарем у игуменьи была мать Магдалина, а послушание эконома исполняла мать Алевтина.

В монастыре все делали сами — шили, вышивали, стегали одеяла. Изделия хорошего качества пользовались у местных жителей большим спросом, особенно стеганые одеяла. Монахиня Макария со своими племянницами (они тоже были в монастыре) изготавливали ковры. Выставляли на продажу и красиво украшенные иконы.

Во время посевной и уборочной все монахини и послушницы трудились не покладая рук. Сельское хозяйство тогда было плохо механизировано: все приходилось делать вручную: косить, вязать снопы, обмолачивать. Но урожаи были хорошими, и монастырь не бедствовал.

Машин не было, вместо них — лошади Зорька и Гнедушка и жеребенок Бурчик. Зорька очень боялась шума. Однажды, когда я и Анна везли в монастырь жито, Зорька, перепугавшись шума встречного трактора, бежала до тех пор, пока не увязла в болоте вместе с возом. Все происшедшее увидели военные, спускавшиеся с горы. Они выпрягли Зорьку, а потом вытащили на дорогу лошадь и воз.

Монахини были из разных мест нашей страны. Помню двух родных сестер Зиновию и Аглаиду из города Вольска, Марию Мурашку из Чернигова, а еще и из Белоруссии и из Москвы. Мы вот с крестной приехали из Подмосковья.

Хорошо и радостно жилось в монастыре, но настал день, когда пришли четыре человека и приказали: «Уходите!» И побрели мы, несчастные, под непристойные шутки гонителей, кто куда. Моя крестная уехала в Одессу в монастырь, где приняла схиму с именем Херувима, а я вернулась домой в Косино. Работала просвирницей в Успенском храме в Вешняках, в Покровском храме на Лыщиковой горе. Когда разрешили открыть церковь в Косино, то меня туда пригласил настоятель отец Михаил Фарковец. Сейчас я стала немощной, одолевают болезни, но всегда с радостью вспоминаю свою монастырскую жизнь.

Встреча гостей из Москвы

Татьяна Андреевна Ильинская, Москва

В память о русских воинах

В сентябре нынешнего года страна отметила 630-летие Куликовской битвы — праздника на поле славы, репортажи... И все же мне вспоминается, как три десятилетия назад мы, молодые сотрудники московской городской клинической больницы № 64, активно участвовали в торжествах, посвященных 600-летию этого замечательного события. Тогда в прессе, на телевидении и радио выступали многие известные журналисты и писатели, в серии ЖЗЛ вышла книга Ю. М. Лоцица «Дмитрий Донской», художник С. М. Харламов создал свою куликовскую эпопею: «Сергий Радонежский», «Дмитрий Донской», «Владимир Серпуховской», «Бобрюк Волинский». В Политехническом музее прошли вечера русской поэзии. Молодые люди читали и свои стихи, и классиков русской поэзии — «Клеветникам России» А. С. Пушкина, цикл «На поле Куликовом» А. А. Блока, речь Ф. М. Достоевского на открытии памятника Пушкину. На одном из таких вечеров мы впервые услышали «Видения на холме» Н. М. Рубцова — и были потрясены!

На волне всеобщего энтузиазма мы, члены поисково-исследовательской группы 64-й больницы, решили открыть в ее стенах музей, посвященный знаменательной дате. Стали изучать летописи, труды историков Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, Д. И. Иловайского. Так узнали об иноках-воинах Пересвете и Ослябе, которые по благословению преподобного Сергия Радонежского присоединились к войску князя Дмитрия Донского и отдали жизни «за други своя» на поле Куликовом. Место их погребения — храм Рождества Пресвятой Богородицы на территории монастыря в Старом Симонове. Однако поклониться их праху нам не удалось: в храме — один из цехов завода «Динамо», на могилах героев — трансформаторы. Надо было что-то делать, и мы подготовили обращения к руководству завода и города с требованием убрать из храма заводское оборудование. С аналогичными обращениями выступили художники, реставраторы, представители московских приходов. И что же? Мы победили! Особую роль в этой победе сыграли художники-реставраторы Олег Журин, Лев Давид, Борис Могинов. Нас же один из столичных художественных комбинатов поощрил поездкой на Куликово поле в сентябре 1980 года.

<http://upload.wikimedia.org>

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове

Прелюдией к празднику стало то, что автобусы с гостями и участниками торжеств сопровождали эскорты конников — «витязей». Когда проезжали через деревни, их жители приветствовали нас флажками. Не успели разместиться в гостинице, как услышали, что автобус с рязанцами, напротив, уже отъехал. Пошутили: «Не с князем ли Олегом Рязанским они умчались?». «Да, с князем Олегом!», — ответили нам. И мы поспешили догнать рязанцев, тем самым немедленно включившись в предложенную нам историческую игру.

Прелюдией к празднику стало то, что автобусы с гостями и участниками торжеств сопровождали эскорты конников — «витязей». Когда проезжали через деревни, их жители приветствовали нас флажками. Не успели разместиться в гостинице, как услышали, что автобус с рязанцами, напротив, уже отъехал. Пошутили: «Не с князем ли Олегом Рязанским они умчались?». «Да, с князем Олегом!», — ответили нам. И мы поспешили догнать рязанцев, тем самым немедленно включившись в предложенную нам историческую игру.

На Куликовом поле звучал Бетховен. Несколько десятков витязей несли 100-метровый венок с цветными лентами, чтобы увенчать им обелиск Победы. Когда закончилась торжественная часть, мы разбрелись по полю, вновь и вновь уже

Куликово поле

<http://www.photohost.ru/pictures/257371.jpg>

поодиночке переживая исторические события 600-летней давности: здесь стояли полки левой и правой руки, здесь в засаде находилось войско Владимира Серпуховского, здесь ждал начала битвы передовой отряд самого Дмитрия Донского...

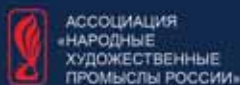
С массой впечатлений, с горсточкой куликовской земли, ветками полыни и татарника для больничного музея мы вернулись домой. К этому времени закончился ремонт хирургического комплекса, открылись новые кафедры, появились незнакомые врачи, преподаватели. Вскоре администрация объявила о проведении конференции в честь 600-летия Куликовской битвы. Аудитория на третьем этаже переполнена. Новички недоумевали: что происходит? Конференция началась с минуты молчания в память воинов, павших на поле русской славы. Под аплодисменты вынесли чашу с привезенной нами землей, а в большой вазе — полынь и татарник...

По окончании конференции С. М. Харламов подарил больничному музею серию своих работ, посвященных Куликовской битве. В небольшом музее они не уместились, пришлось часть повесить в парткабинете. Секретарь партийной организации Л. И. Горохов (ныне покойный) возмутился: «Попа Сергея Радонежского в парткабинете повесили! Буду жаловаться главврачу». Главврач, внимательно всмотревшись в картину, произнес: «Леонид Иванович, мы должны на примере Сергея Радонежского воспитывать молодежь. Он был важным деятелем в объединении Руси и защите ее от посягателей». Вопрос закрыли.

В летописи, которую мы вели, а затем передали в Музей обороны Москвы, есть такие слова: «У нас есть история, которой мы гордимся. У нас есть люди, о которых мы не имеем права забывать. Ибо какими мы сегодня стали и как мы живем, зависит от жизни, труда и подвигов наших предков. Так же, как и наша жизнь, труд и подвиги станут частицей жизни наших потомков».

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне 64-я больница получила от Правительства Москвы письмо с благодарностью за большую патриотическую работу, проводимую среди молодежи в течение многих лет. В этом письме также отмечалось, что летописи, переданные нами Музею обороны, и сегодня изучаются его научными сотрудниками.

Майя Андреевна Полётова, Москва

IX ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА
НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИИ

ЛАДЬЯ-2010

20-летию Ассоциации «Народные художественные промыслы России» посвящается...

- Выставка-ярмарка "Народные художественные промыслы";
- Экспозиция эксклюзивных изделий промыслов;
- "Город мастеров" - демонстрация приемов художественного мастерства;
- Презентации, мастер-классы;
- Выступления фольклорных коллективов, показы мод;

8-12
ДЕКАБРЯ

ЦВК «ЭКСПОЦЕНТР», Павильон №7

В рамках выставки пройдет II Фестиваль войлока "ШЕРСТИВАЛЬ"

Адрес: г.Москва, Краснопресненская наб., 14; 1-й Красногвардейский пр-д (ст.метро "Выставочная")
Тел.: (499)124-25-44, 125-67-92, 124-08-09 факс:(499)124-63-79 www.nkhp.ru nkhp@mail.ru

X ВЫСТАВКА-ЯРМАРКА
НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИИ

ЛАДЬЯ - 2011 ВЕСЕННЯЯ ФАНТАЗИЯ

16-20 марта

ЦВК «ЭКСПОЦЕНТР»,
Павильон № 3

Адрес: г.Москва, Краснопресненская наб., 14; 1-й Красногвардейский пр-д (ст.метро "Выставочная")
Тел.: (499)124-25-44, 125-67-92, 124-08-09 факс:(499)124-63-79 www.nkhp.ru nkhp@mail.ru

30 июня—30 сентября 2010 года

*Центральный музей древнерусской культуры и искусства
имени преподобного Андрея Рублева
(Москва, Андроньевская площадь, 10)*

Выставка «Благословенный труд. Жизнь и творчество монахини Иулиании (М. Н. Соколовой)»

Недавно прошедшая выставка была посвящена 110-летию со дня рождения выдающегося иконописца монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой. 1899—1981).

Церемонию открытия возглавили директор музея Геннадий Викторович Попов и ректор Московских духовных школ архиепископ Вере́йский Евгений (Решетников).

На выставке были представлены работы монахини Иулиании — зарисовки закрытого в советские годы московского храма святителя Николая в Кленниках на Маросейке, созданные в конце 1920-х годов копии древних фресок Новгорода, Пскова и Вологды. Некоторые из них — едва ли не единственные оставшиеся изображения не существующих сейчас росписей (церквей Успения Пресвятой Богородицы на Волотовом поле, Спаса Преображения на Нередице). Многие образы — копии древнерусских икон, в частности, список Владимирской иконы Божией Матери, подаренный монахиней Иулианией Патриарху Пимену.

«Здесь представлены даже работы из Патриарших собраний, — рассказал архимандрит Лука (Головков), заведующий Иконописной школой при Московской духовной академии. — Экспозицию предваряла большая работа по выявлению, если можно так выразиться, материального наследия матуш-

*Монахини Иулиания
(Мария Николаевна Соколова)*

ки Иулиании, не говоря уже о другом — материальном ее опыте, слове, самой жизни, которые влияли на иконописание самым серьезным образом».

Посетители выставки увидели также одну из самых значимых работ монахини Иулиании — икону Всех святых, в земле Россий-

ской просиявших. «Создание этой иконы — акт великого мужества. Он делает фигуру матушки Иулиании важной в истории отечественного иконописания и вообще всей культурной жизни России», — считает Г. В. Попов.

В центре выставочного зала располагалась экспозиция небольших икон, умещающихся на ладони. Их монахиня Иулиания написала специально для домашних богослужений. Когда было закрыто большинство храмов, а многие священнослужители и верующие подверглись арестам, литургии служили дома, используя такие образа.

«Эти иконы уникальны, потому что все они были на службах в то время, когда никто не знал, что может случиться с ним завтра. Люди умели беречь тайну, и благодаря этому Церковь сохранялась. Эти образы проникнуты особым духом, напоены молитвой, слезами того времени — времени горя и величайшего внутреннего подъема», — рассказала корреспонденту портала «Татьянин день» племянница монахини Иулиании, преподаватель Иконописной школы при Московской духовной академии Наталья Алдошина.

На эти небольшие иконы обратил особое внимание и архиепископ Верейский Евгений: «На примере матушки Иулиании и той небольшой общины, которая сложилась на Маросейке вокруг священника Алексея Мечева, по сути дела, прослеживается жизнь всей Церкви. На выставке представлена икона, в которую вставлялся антиминс. В эпоху гонений молодая девушка носила ее с квартиры на квартиру — туда, где служили литургию. Это же живая история нашей Церкви на примере конкретного человека».

Владыка отметил, что работы монахини Иулиании стали как бы мостом, перекинутым из XIX века к современности, к современной иконописи. Ее трудами в 1958 году в стенах Московской духовной академии был открыт иконописный класс, которым матушка Иулиания руководила в течение 23 лет. Обучаться в этой школе могли только студенты семинарии и академии, государство не допускало, чтобы церковной живописью занимался кто-то со стороны. Но в те времена даже горстка учащихся иконописной мастерской была важна для сохранения церковной традиции. «Нынешнее развитие иконописи — память о том, что оставила нам матушка Иулиания», — заключил архиепископ Евгений.

<http://www.patriarchia.ru>

Елена Викторовна Харитонова

«Комбинат здоровья» на Кропоткинской набережной

Из собрания Центрального архива
электронных и аудиовизуальных
документов Москвы

**О построенном в столице на месте взорванного
храма Христа Спасителя и в свою очередь снесенном,
чтобы уступить место возрожденному храму, бассейне «Москва»**

*Мастер спорта Юрий Сумцов во время занятий с начинающими пловцами.
Май 1963 года. Автор Б. Тренетов. 1-7323*

Бассейн «Москва» строился по проекту архитектора Дмитрия Чечулина¹. Открытие состоялось 16 июля 1960 года, и вскоре бассейн стал любимым местом отдыха и занятия спортом москвичей. Работал он не только летом, но и зимой — вода в нем подогревалась до 28 градусов². В то время это был самый большой в СССР и один из самых больших бассейнов в мире. Ежегодно его могли посещать до трех миллионов человек. Посмотреть на это уникальное сооружение привозили даже глав иностранных государств, посещавших Москву.

Чашу бассейна окружали семь павильонов, в которых располагались гардеробные, душевые, комнаты отдыха, буфеты. Для приема солнечных ванн насыпали пляж из мелкого морского гравия и оборудовали солярии на плоских крышах павильонов. В то время центр Москвы не был так сильно загазован, как теперь, и посетители в теплое время года наслаждались не только водными процедурами, но и отдыхом на свежем воздухе. В одной из многочисленных публикаций, посвященных открытию бассейна, его назвали «комбинатом здоровья».

По замыслу создателей, бассейн «Москва» реализовал принципиально новую концепцию отдыха на воде: дорожки имелись только в небольшом сегменте, а по остальному пространству можно было плавать вдоль и поперек. Огромная водная чаша, в центре которой возвышался трамплин, делилась на сектора, предназначавшиеся для посетителей различных возрастов и уровней физической подготовки.

За тридцать с лишним лет существования бассейна отношение к нему в народе, что и понятно, оставалось неоднозначным. Ходила даже поговорка: «Был храм, потом — храм, а теперь — срам». Его снос в 1994 году и воссоздание на прежнем месте храма Христа Спасителя вызвало широкий общественный резонанс.

Бассейна не существует почти двадцать лет; сохранились лишь его изображения на фотографиях и киноплёнке. Некоторые снимки мы предлагаем сегодня вниманию читателей «Московского журнала».

Отдыхающие в бассейне.

Август 1960 года.

Автор Л. Поликашин. 0-19618

¹Дмитрий Николаевич Чечулин (1901–1981), советский архитектор, народный архитектор СССР (1971), действительный член АХ СССР, Герой Социалистического Труда (1976), лауреат Сталинских премий (1941, 1949, 1953). Главный архитектор Москвы с 1945 по 1949 г.

²В июле 1957 г. в Турчаниновом пер. открылся бассейн с таким же названием — «Москва». Это был первый в нашей стране открытый плавательный бассейн с подогревом воды. В 1960 г. он стал именоваться «Открытый бассейн № 2», а позднее получил название «Чайка».

*В жаркий день в бассейне. Август 1963 года.
Автор Д. Шоломович. 1-21499*

*Любители зимнего плавания. 1960 год.
Авторы В. Мастюков, Е. Кассин. 0-54886*

*Глава
государства,
председатель
Республики
Мали
Модибо
Кейта
(в центре)
и члены
делегации
осматривают
территорию
бассейна.
Май
1962 года.
Автор
В. Кошевой.
1-3650*

*Представитель правительственной делегации Кубы Эрнесто Че Гевара (в центре) во время посещения бассейна «Москва». Ноябрь 1960 года.
Автор В. Носков. 0-27932*

*Во время приема солнечных ванн на пляже бассейна. 1962 год.
Автор Б. Трепетов. 1-59520*

*Часть территории бассейна «Москва» в заброшенном состоянии. Январь 1994 года.
Автор В. Мариньо. 1-59053*

Строительство бассейна «Москва». 1960 год.

*Отдыхающие
на пляже бассейна.
Июль 1960 года.
Авторы
В. Мاستюков,
Б. Тренетов.
1-7913*

Панорама территории плавательного бассейна «Москва». 1968 год

АРХИВ

Автор неизвестен. 1-25363

*Отдыхающие
во время игры
в мяч.
1962 год.
Автор Б. Тренетов.
0-94727*

Автор А. Евграшин. 1-36471

Михаил Михайлович Попов

Москва рекламная

О «ляпах» на московских рекламных плакатах и вывесках

Начнем, однако, с ... асфальта. Приблизительно два года назад в столице появился совершенно новый вид наружной рекламы. Прежде использовались витрины, вывески, стены, растяжки, специальные щиты, бока троллейбусов и тому подобное.

Теперь рекламную информацию бросили под ноги гражданам. Когда-то на асфальте рисовали цветными мелками только детишки. Теперь на тротуарах малюют свои предложения вполне серьезные люди и фирмы. Причем за очень короткий срок данный вид рекламы усложнился структурно и приобрел массовый характер — у вокзалов и станций метро шагу ступить нельзя, не наткнувшись на нанесенную с помощью трафарета надпись. Интересно, что и в этом новом пространстве обнаруживаются все родовые признаки рекламного бизнеса, наблюдаемые нами в привычных его видах.

Во-первых, на асфальте появляются глупости и нелепости, которых полно на вывесках и растяжках.

«VIP Ломбард» (сфотографировано возле метро «Пушкинская»). Как это понимать? В рекламируемый ломбард приглашаются с вещами депутаты, олигархи, Пугачева? Абрамович сдает яхту? Потанин — комбинат? И их угощают без ограничения шампанским? А своей очереди они ждут в кожаных креслах?

Или вот надпись абсолютно загадочная — «Специалист» (найдена на улице Бауманской).

Во-вторых, видны следы жестокой конкуренции.

Возле метро «Сокольники» я сфотографировал надпись «Адвокаты. Юристы» с номером телефона, где две последние цифры замазаны белой краской — явно работа других юристов.

* * *

Серию снимков, запечатлевших на одной из улиц у трех вокзалов указатели, с помощью которых подробно описывается путь в некую столовую, я даже затрудняюсь как-то конкретно определить. Меня просто восхитила изобретательность работников этой столовой. Я бы назвал подобный метод «Нить Ариадны».

* * *

Помимо приведенных новых примеров, хватает странностей и в привычном стиле.

«Адвокаты. Рубикон. Коллегия адвокатов» (угол Цветного бульвара и Садового кольца)

Здесь мы явно наблюдаем всплеск нечаянной откровенности хозяев фирмы. В русском народе всегда жило неприязненное, опасливое отношение ко всякого рода судейским разбирательствам. Коготок увяз — всей птичке пропасть, гласит пословица. Латинское слово «рубикон» предупреждает в данном случае о том же: стоит войти в двери этого адвокатского заведения — обратного пути уже не будет.

Магазин офисной мебели «Ромул» (рядом с Электрозаводским мостом)

Возможно, это — образчик чрезвычайно тонкой иронии-самоиронии. Тут важно помнить, что римский мифологический герой Ромул — не только основатель Рима, но и братоубийца. У него был брат Рем, так же, как и Ромул, вскормленный известной волчицей, являвшийся его естественным конкурентом и убитый ради трона, ради кресла. Может быть, основатели магазина шутя намекают, что их мебель предназначена для людей, которые всегда побеждают своих конкурентов, не останавливаясь ни перед чем. Правда, мне кажется, что бизнесмены, способные брата родного не пожалеть ради финансового успеха, редко обладают настолько тонким чувством юмора, чтобы понять столь изящный замысел рекламщиков.

«Турецкая сауна. Релакс» (Большая Почтовая улица)

Типичный оксюморон. «Чистая грязь», «горячий снег». Финская баня — принципиально сухая, турецкая, наоборот, работает с использованием большого количества воды. И мне не кажется, что тут кто-то пытался шутить.

«Реалист. Классическая мужская одежда» (Малая Басманная улица)

Оказывается, есть не только «басманное правосудие», но и «басманная» история культуры. По поводу правосудия я промолчу, не в курсе дела, а вот то, что реализм и классика — вещи принципиально разные, не могу не заметить. Эпоху классицизма расшатали романтизм, сентиментализм, и уж потом пришло время реализма. «Реалист» и «классика» в названии одного заведения смотрятся странно. Хотя, наверное, это не так бросается в глаза, как «турецкая сауна».

Трактир «Киевская Русь» (там же)

Опять Малая Басманная улица. И с историей у здешних коммерсантов не все в порядке. Слово «трактир» происходит от латинского «tracto» — угощаю, потчую. Конечно, в Киевской Руси имелись заведения, где можно было выпить и закусить. Но период истории, называемый «Киевская Русь», охватывает IX—XI века, в крайнем случае — начало XII, и как выглядела тогда система общепита, достоверно не известно. Трактирами у нас в XIX веке назывались рестораны, пусть и не самого высокого разряда, и первые из них появились во всяком случае после освобождения от татаро-монгольского ига. В данном случае имело бы смысл заменить слово «трактир» на «кабак». Правда, я не уверен, что это существенно изменило бы суть происходящего в заведении.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ СТРАН СНГ И ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ!

ООО „ИНФОРМНАУКА“ осуществляет:

*ПОДПИСКУ НА РОССИЙСКУЮ ПЕРИОДИКУ
ЭКСПОРТ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ И КНИГ
КОМПЛЕКТОВАНИЕ ФОНДОВ НАУЧНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ БИБЛИОТЕК
ПОСТАВКУ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ НА ЭЛЕКТРОННЫХ ПОСИТЕЛЯХ*

*Россия, 125190, Москва, ул. Усиевича, 20
Тел.: +7(495) 787-38-73. Факс: +7 (499) 152-54-81
E-mail: alfimov@viniti.ru www.informnauka.com*

Иван Иванович Магер

«Соразмерность мира сокровенному чувству»

**Пейзажи московской художницы
Галины Николаевны Арсеньевой**

Родилась Галина Николаевна в городе Миассе Челябинской области. Потом семья переехала в Москву. Росла Галя в старинном доме близ Зачатьевского монастыря. Вокруг — убегающие вниз и вверх волшебные московские переулочки с особняками XIX века, утопающими в зелени... Эти детские впечатления, как мы видим, не прошли бесследно, помогли художнице впоследствии обрести свою тему в искусстве.

В 1967 году Галина Арсеньева окончила МАрХИ, но в архитектуре задержалась ненадолго, уйдя вскоре работать на Комбинат декоративно-оформительского искусства, а затем на Комбинат живописного искусства. Параллельно училась живописи у двух известных московских художников — А. Д. Соколова и Е. А. Расторгуева. В 1975 году вступила в молодежное объединение Союза художников СССР, в 1979-м стала членом Союза. С 1970-х годов постоянно участвовала в выставках — сначала молодежного объединения, затем во «взрослых» — московских, республиканских, всесоюзных. Ее работы приобретались МОСХом, Союзом художников РСФСР, отечественными и зарубежными частными коллекционерами.

В своих пейзажах Г. Н. Арсеньева главное внимание уделяет собственно живописности. Не перегружая их сюжетными мотивами,

она создает созерцательные, пульсирующие живыми естественными ритмами полотна. Такому типу творчества как нельзя лучше соответствуют мотивы «классической» Москвы и малых старинных русских городов. Поэтому на картинах художницы преобладают узкие улочки, дворы, набережные...

«Лиричность, интимность, камерное собеседование со зрителем отличает живопись Галины Арсеньевой, — писал в конце 1970-х годов

в газете «Московский комсомолец» искусствовед В. Юматов. — В минуты покоя многим случалось испытать душевное согласие с окружающим. У Арсеньевой это не стечение обстоятельств, а сущность изображаемого. Соразмерность мира сокровенному чувству — в традициях московской художественной школы. <...> Ее (Г. Н. Арсеньевой. — *И. М.*) письму свойственно сдерживаемое волнение. Это волнение от встречи с красотой, с новыми созвучиями и настроениями сообщается зрителю».

Сама художница считает, что пейзаж не должен быть «буквальным» — ведь наше восприятие не сиюминутно, а включает в себя все, что мы связываем с ним в своем воображении.

Пишет Г. Н. Арсеньева и натюрморты, и цветы. Но это — тема, как говорится, для другого раза...

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Москва.
Большой Знаменский
переулок.
Холст, масло.
2009 год*

*Половодье
на Трубеже
(Переславль-Залесский).
Холст, масло.
2000 год*

*Москва.
2-й Зачатьевский
переулок.
Холст, масло.
1995–2000 годы*

КАРАНДАШОМ, РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

*Набережные Москвы.
Холст, масло.
1996 год*

*На Трубеже. Панорама с мостика.
Холст, масло.
2000 год*

ISSN 0868-7110

9 770868 711004

ИНДЕКС 73371

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**Подборка материалов,
посвященных далекому
и недавнему прошлому
исторической местности
Москвы — Царицыно
и расположенной здесь
знаменитой усадьбы
(по материалам
Государственного
историко-архитектурного,
художественного
и ландшафтного музея-
заповедника «Царицыно»)**

